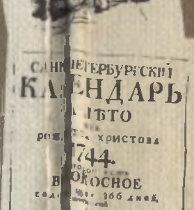
М.А. Осоргин

ЗАМЕТКИ СТАРОГО КНИГОЕДА

Разнощикъ съ Книгами и Сочинитель.

САНКТПЕТЕРБУРГСКИЙ
КАЛЕНДАРЬ
НА ЛѢТО
РОЖ... ХРИСТОВА
1744
ВИСОКОСНОЕ
...366 дней
...
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ЗАМЕТКИ СТАРОГО КНИГОЕДА
М.А. Осоргин

тербургѣ 1784 года,

НЕВСКІЙ П

А. Г

НЕВСКІЙ ПАРО

КАРТИНКИ ВСТУПИ

ПЕТЕРБУРГЪ ЛѢТО

скаго Села или Каменна
прислушиваясь къ шуму

РАЙ

ПТИ

РОХОДЪ.

ЕЧА.

ННА.

ЦЪ.

ЬНЫЯ.

ись по
ьнымъ
Цар-
трова.
тановъ.

АЯ

КА.

НІК.

РБУРГЪ.

ЗДОРОВЫМ

ДОЛГОВѢЧНЫМЪ и БО

или

открытіе особливыхъ, рѣд
исполнительныхъ, испы
весьма дешевыхъ секрет
ствомъ которыхъ всякой
ставить себѣ прочное зд
гатиться честнымъ обра
чайшее время. — Книга, н
рѣдкихъ и дорогихъ инос
чиненій, дополненная
ныхъ записокъ одного
и обогатившагося
приспособленная къ
требленію всякаго

Въ двухъ Ч

«Теперь
сказалъ он
раженіемъ
грусти. «Н
плачете! Не
назваться с
неужели вы
мою любовь
Наташа зар
была въ состо
чать. Собравъ
она наконецъ
на Василія,

россійская универса

ГРАММАТИ

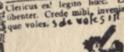
или

ВСЕОБЩЕЕ ПИСМО

Предлагающая

легчайшій способъ основательна
рускому языку съ седмью пр
ніями разныхъ учебныхъ
забавныхъ вещей

Clericus es! legito hoec. La
libenter. Crede mihi, invenies
que voles.

М.А. Осоргин

ЗАМЕТКИ СТАРОГО КНИГОЕДА

ББК 76.106
075

Составление, вступительная статья и примечания
О. Ласунского

Рецензент |*В. Г. Утков*|

Художник *В. А. Корольков*

О $\frac{4702010101-017}{002(01)-89}$ 20-89

JSBN 5—212—00111—0

ПОД МАСКОЙ СТАРОГО КНИГОЕДА

Мир печатного слова поистине необъятен и многомерен. Он вторгается в различные сферы человеческого бытия, даже в сам творческий процесс писателя. И тогда книги становятся не только сгустком чьей-то духовной энергии, но и непосредственным предметом художественного изображения. В результате рождаются разнообразные библиофильские сюжеты, возникают на страницах произведений типы чудаков, одержимых собирательской страстью.

В последние годы эта тема, бесспорно, завоевала читательские симпатии. Публикуются затерявшиеся на страницах периодики тексты, вспоминаются курьезные эпизоды, из пелены забвения выплывают яркие имена.

Вот еще одно...

Из мемуарного очерка «Книга», вошедшего в «Избранное» А. М. Ремизова (М., 1978), можно заключить: существует, оказывается, особое понятие — «библиофил по Осоргину...». Причем как бы подразумевается, что эта фамилия хорошо всем знакома. Однако молодому поколению она сейчас мало что говорит. Пожалуй, только знатоки кое-что подскажут, каждый по своему «ведомству». Историки, например, вспомнят про осоргинские «Очерки современной Италии» (М., 1913) и добавят, что они не утратили до сих пор научной ценности. Театралы не преминут заметить, что, кажется, видели это имя на афишах, приглашавших на постановку «Принцессы Турандот». Наконец, поседелые любители раритетов, оглядев свои полки, найдут комплект журнала «Среди коллекционеров» за 1921 г. с любопытной осоргинской статьей о московской Книжной лавке писателей. Но даже они, зубры в своем деле, покачают головой: «Библиофил по Осоргину?.. Извините, не понимаем, о чем это...»

Еще профессор П. Н. Берков, много постаравшийся для пропаганды лучших достижений отечественного библиофильства, не однажды говорил, что есть целый пласт, ог-

ромный материк русского книголюбительства, к сожалению, неведомый пока советским специалистам. Имелось в виду зарубежное (прежде всего европейское) русское книголюбительство 1920—1930-х гг. Ученый намеревался посвятить этой проблеме самостоятельную работу, активно подбирал нужные материалы. Смерть помешала осуществить оригинальный замысел. Если бы труд П. Н. Беркова был написан, мы встретили бы на его страницах имена С. П. Дягилева, С. М. Лифаря, Ю. Б. Генса, Ю. С. Вейцмана, Н. В. Зарецкого, Л. С. Багрова, Я. Б. Полонского и многих иных. Но безусловно, одна из центральных глав была бы отдана Михаилу Андреевичу Осоргину, фигура которого чрезвычайно интересовала П. Н. Беркова.

Рассказы «старого книгоеда» приобрели в свое время на Западе большую популярность. В советской печати опубликованы лишь малые фрагменты из них (журналами «В мире книг» и «Урал», московским «Альманахом библиофила»), которые, конечно же, не могут дать полного представления об этом своеобразном, талантливом произведении. Ничего более значительного зарубежная библиофилия на русском языке, пожалуй, не знает. Нам предстоит еще «открыть» М. А. Осоргина.

Судьба этого человека сложилась на редкость трудно. Сын своего сложного времени, он испытал немало разного рода превратностей, но силу духа и интерес к жизни сохранил до конца... Михаил Андреевич Осоргин (настоящая фамилия — Ильин) родился 7 (19) октября 1878 г. в Перми. Семья его по отцовской линии была в дальнем родстве с Аксаковыми (не отсюда ли особое пристрастие к творчеству С. Т. Аксакова, почитание его как изысканного стилиста?). Родители, как и все образованные люди, знали и любили литературу, мать хорошо владела иностранными языками и привила ребенку вкус к ним.

В 1897 г. окончена местная гимназия. Годом раньше юноша уже изведал сладость авторства: «Пермские губернские ведомости» обнародовали его некролог на смерть классного надзирателя, а петербургский «Журнал для всех» — рассказ «Отец».

В дальнейшем газетно-журнальная деятельность, наряду

с собственно литературной, сделается неотъемлемой частью его биографии. Нередко она будет вынужденной. Рано потерявший отца, М. А. Осоргин должен был заниматься репортерством, чтобы иметь возможность доучиться на юридическом факультете Московского университета. С молодых лет он был поистине тружеником пера: даже приезжая на каникулы в Пермь, писал корреспонденции в местные губернские ведомости.

Но сотрудничество в периодике доставляло автору и внутреннее удовлетворение: он постоянно ощущал себя в потоке быстротекущего времени. В различных отечественных и зарубежных изданиях М. А. Осоргин напечатал несколько тысяч статей, заметок, эссе. На страницах одних только московских «Русских ведомостей» его подпись в течение 1908—1917 гг. появлялась более четырехсот раз. Читатель той поры привык к имени М. А. Осоргина и безошибочно выделял его материалы из общего, подчас безликого потока публикаций.

Уже в годы студенчества завязались отношения с группой писателей-самоучек: С. Дрожжиным, И. Белоусовым, М. Леоновым (отцом будущего романиста Леонида Леонова) и др. Позднее принимал участие в издании книжек для народа. Постепенно становилось ясно: повседневная адвокатская работа уже не удовлетворяла. Возобладали литературные интересы.

Участие в революционном движении было для М. А. Осоргина естественным. В Перми, этом давнем пересыльном городе, он с детства наблюдал тягостные картины бредущих по сибирскому тракту арестантов. В Москве сразу вошел в кружок демократически настроенной молодежи, которая часто собиралась у него на квартире. После подавления вооруженного восстания на Пресне был заключен в одиночную камеру Таганской тюрьмы, где отсидел шесть месяцев. Благодаря распрям, возникшим в судебных инстанциях, отделался легко. Выпущенный под денежный залог, вскоре покинул Россию, опасаясь новых полицейских преследований.

Начинаются его зарубежные скитания. Финляндия, Франция, Швейцария... На Балканы был послан редакцией газеты «Русские ведомости». Второй родиной

стала Италия. «Там, где был счастлив»,— назвал автор сборник своих мемуарных рассказов на итальянскую тему, вышедший позднее в Париже (1928). Осоргин овладел итальянским языком настолько, что жители Рима и Венеции не узнавали в нем иностранца. За десять лет пребывания в стране он досконально изучил местную жизнь, так что приобрел репутацию специалиста. В «Русских ведомостях», «Вестнике Европы» и других периодических изданиях был помещен большой цикл статей и обзоров. В переработанном виде они стали основой «Очерков современной Италии», получивших широкий резонанс. Ссылки на эту книгу нередки и сейчас.

На Апеннинах М. А. Осоргин не забыт. Его наследие изучается там в университетах, а посвященные ему главы можно встретить в различных исследованиях. В 1986 г. во Флоренции вышла монография о М. А. Осоргине, принадлежащая перу А. Бекка-Пасквинелли.

На правах итальянского старожила Михаил Андреевич часто принимал у себя соотечественников, показывал им местные достопримечательности. Радушие, дружелюбие, простота в обращении, какая-то внутренняя порядочность — эти качества всегда влекли людей к М. А. Осоргину.

Первая мировая война закрыла границы, русские путешественники больше не приезжали, и Осоргин, испытывавший жесточайшие приступы ностальгии, решает возвратиться домой. Кружным путем, через всю Европу, с трудом добрался в 1916 г. до России. Первая статья, написанная в Москве для «Русских ведомостей», называлась «Дым отечества»; она вызвала поток благодарных читательских писем.

М. А. Осоргин со свойственной ему энергией включается в новую, послереволюционную действительность. Содействует в разборе архивов бывшего охранного отделения, участвует в организации помощи голодающим Поволжья, сотрудничает в кооперативной газете «Власть народа», редактирует ее художественное приложение «Понедельник». Много сил отдает Осоргин сплочению творческих кадров республики: он всегда любил возиться с даровитой молодежью. При самом непосредственном его участии были

учреждены такие организации, как Союз писателей (Московское отделение) и Всероссийский союз журналистов. В одном Осоргин являлся товарищем председателя, а в другом — председателем. Круг его литературных знакомств значительно расширился.

Первыми писателями, с которыми еще до революции пересеклись пути М. А. Осоргина, были Н. Н. Златовратский и В. Г. Короленко. В Италии виделся с престарелым П. Д. Боборыкиным и А. В. Амфитеатровым, на Балканах — с Вас. Ив. Немировичем-Данченко и Е. Н. Чириковым.

С М. Горьким выпускник университета М. А. Осоргин в 1902 г. работал в Попечительстве о бедных Яузского района Москвы. Затем они встречались в Италии, до самого отъезда М. Горького из Сорренто в Россию. Возникла между ними регулярная переписка. Снова в Сорренто у Горького Осоргин был летом 1926 г., жил в гостинице рядом с виллой. М. Горький доброжелательно относился к творчеству Осоргина. В письме к экономисту и литератору Д. А. Лутохину от 21 июня 1924 г. Горький говорит, имея в виду реакционную эмигрантскую критику: «...Осоргина усердно травят. Это — талантливый человек — все растущий». Когда в 1928 г. в Париже был издан роман «Сивцев Вражек» (переведенный позднее на европейские языки), Горький находит в нем «умные и верные слова» о русском народе...

Авторитет Осоргина в московской ученой и художественной среде помог и в создании Книжной лавки писателей (сентябрь 1918—1922 гг.). По ее образцу возникли вскоре лавки в Петрограде и другие подобные лавки в самой Москве. С помощью таких кооперативов литераторы получали средства к существованию в тогдашних суровых условиях хозяйственной разрухи. Среди пайщиков писательской лавки, помимо Осоргина, были искусствовед П. П. Муратов, поэт В. Ф. Ходасевич, филолог Б. А. Грифцов, философ Н. А. Бердяев, историк А. К. Дживелегов, беллетристы А. С. Яковлев, Б. К. Зайцев и др.

Писательская книгопродавческая «коммуна» не могла быть, разумеется, заурядным коммерческим предприятием. Она стала своеобразным культурно-просветительским

центром, снабжала литературой рабочие клубы, школы, различные учреждения, открывавшиеся в провинции университеты. Не следует забывать и того, что благодаря образованнейшим пайщикам сохранялись ценные рукописные и печатные памятники, которые в ту суровую пору гибли во множестве. Наконец, посетители заходили в лавку и просто для того, чтоб отвести душу в утонченных беседах об искусстве,— это тоже кое-что тогда значило.

О Книжной лавке писателей и об Осоргине тепло вспоминает в своих библиофильских этюдах В. Г. Лидин, а сам Осоргин тогда же поместил в журнале «Среди коллекционеров» (1921, № 3) статью, где поведал об опыте «издания» и продажи рукописных, автографических книжек, пользовавшихся у собирателей уже тогда повышенным спросом.

Позднее М. А. Осоргин не раз обращался к памятному эпизоду своей жизни, а во «Временнике общества друзей русской книги» (Париж, 1928, вып. 2) даже напечатал на эту тему особые мемуары. Вот маленький фрагмент из них:

«Книжный фонд составился из комиссионных книг, предоставленных нам частными издательствами, где у каждого из нас были личные связи, и из старых, в большинстве трепанных и зачитанных книг «Библиотеки для молодежи», помещение которой (в Леонтьевском переулке) мы приобрели для лавки.

Плотник сбил по нашим чертежам полки, доски для которых выпросили мы у кооператива. На полках поместились книги, притащенные нами на собственных спинах, частью от существовавших еще издательств, частью из дому — из своих запасов, с которыми приходилось по нужде расстаться, частью от знакомых. Вместо кассы — картонная коробочка, вместо витрины — наклонная доска в окне, которое замерзало к ночи и кое-как оттепливалось днем. К счастью, прилавок был, оставшийся в помещении библиотеки, и был большой хороший стол посередине лавочки. Отопления не было, и зимой мы работали в шубах и валенках, постоянно промокавших. Случалось — лопались трубы водопровода в верхнем этаже и книги наши затапливало водой. С громадным трудом разыскали за-

мок, даже веревки для перевязки книг приходилось подолгу разыскивать на тайном рынке, и только случай помог нам обзавестись кассовой и другими бухгалтерскими, конечно, примитивными книгами. Штемпель сделал знакомый резчик, иначе нужно было бы стоять в очереди за специальным разрешением совдепа. <...> А собравшись с силами и средствами, могли установить и экономическую печурочку, для которой всякими легальными и нелегальными способами добывали дров, чтоб совсем не замерзнуть в лавке, где проводили мы по пять-шесть часов в сутки каждый».

Несмотря на такие тяжелые условия, магазин работал весьма успешно, а впечатления от встреч с разными типами книжников пригодились впоследствии Осоргину-писателю...

В 1921 г. режиссер Е. Б. Вахтангов обратился к М. А. Осоргину с просьбой перевести в стихах пьесу Карло Гоцци «Принцесса Турандот». Михаил Андреевич переводил и других итальянских драматургов (например, К. Гольдони, Л. Пиранделло), пьесы которых шли в разных театрах, но славу принесла именно «Принцесса Турандот». В блестящей постановке Вахтангова она не сходила со сцены долгие годы. До сих пор знаменитый спектакль вахтанговцев (правда, в несколько измененном виде) идет с указанием имени переводчика на афише...

Несмотря на бытовые и иные неурядицы, М. А. Осоргин много и плодотворно работал, строил планы на будущее. Неожиданно все оборвалось. Осенью 1922 г. ему, как и большой группе московской интеллигенции (профессорам, писателям, инженерам, агрономам и др.), было предложено срочно покинуть Россию — через Петроград, пароходом в Германию. Идея этой высылки принадлежала Л. Троцкому. За границу вынуждены были уезжать люди, далекие от политики, в расцвете своих духовных сил, готовые сотрудничать с новой властью. Правда, им было обещано, что года через три они смогут вернуться, но обстоятельства сложились так, что пришлось остаться за рубежом навсегда.

Год провел М. А. Осоргин в Берлине, а в конце 1923 г. перебрался в Париж. Во Франции застает его вторая

мировая война. Вступившие в столицу гитлеровцы сначала осоргинскую квартиру опечатали, а потом разграбили — погибли архив и библиотека. Спасаясь от оккупации, Михаил Андреевич с женой покинули Париж и остановились в маленьком городке свободной зоны — Шабри. Тяжело воспринимает М. А. Осоргин весть о вероломном нападении фашистов на СССР. Не выдержав лишений и нервного потрясения, вызванного войной, он умирает в Шабри 27 ноября 1942 г.

Двадцать лет провел М. А. Осоргин за рубежом, там развернулось его блестящее дарование прозаика.

Произведения М. А. Осоргина фабульно почти все связаны с Россией, с событиями ее недавней истории. Художественный вымысел органически сочетается в них с автобиографическим элементом. Герои осоргинских книг,— как правило, обыкновенные люди с их радостями и печалями, бытовыми и идейными драмами, как выражался сам писатель, «кавалеры осмеянного ордена русских интеллигентных чудаков».

В центре «Сивцева Вражка» (1928) — судьба одного московского профессорского семейства и его окружения, попавшего в жестокий водоворот революционной эпохи. Романы «Свидетель истории» (1932) и «Книга о концах» (1935), связанные сюжетным единством, посвящены революционерам-боевикам, участникам московского восстания 1905 г., и их вынужденному пребыванию в эмиграции.

Интересны те произведения М. А. Осоргина, в которых проступает лирическая натура автора, неискоренимого мечтателя, романтика, немножко идеалиста. Этим внутренним теплом согреты мемуарные повествования о днях минувших, о покойных родителях, о милых уральских краях. Таковы книги «Вещи человека» (1929), «Чудо на озере» (1931), «Времена» (1955). Своеобразие беллетристической манеры, когда жанровые сценки свободно перемежаются отступлениями, философскими раздумьями; сочный, образный язык; мягкая, иногда чуточку сентиментальная, но чаще самоироническая интонация; мастерство точно подмеченной детали — все это говорит о М. А. Осоргине как о незаурядной творческой индивидуальности.

«Времена» занимают, пожалуй, особое место в его литературном наследии. Это — книга, пронизанная чувством горечи, жгучей, всепожирающей тоски по России; это — исповедь человека, оторвавшегося от корня, выброшенного из отчего гнездовья, оказавшегося на чужбине. С какой нежностью рассказано здесь о золотой поре отрочества и юности, какими ласковыми эпитетами награждена красавица Кама (любимая река детства присутствует едва ли не во всех крупных произведениях писателя)!

У Запада, по мнению М. А. Осоргина, немало преимуществ перед Россией, но от «...линованного порядка Европы были на глазах мозоли, а на душе оскомина». Истинному россиянину трудно, а порой невозможно приспособиться к чужбине. Повествуя о жизни за рубежом, автор «Времен» откровенно говорит, что его участь — «только наблюдать, сердцем в ней не участвуя».

До конца дней М. А. Осоргин оставался патриотом своей родины, не порывал с ней духовных связей, не причислял себя к стану эмигрантов, занимая независимую позицию. Он имел советское подданство и до начала второй мировой войны регулярно ходатайствовал перед советским полпредством в Париже о продлении срока действия паспорта.

Однако ощущение внутренней опустошенности с годами углублялось. Все больше уходил он в себя, в свои сокровенные, выстраданные мысли. Трагична была участь этого даровитого писателя, искреннего в своих побуждениях, считавшего для себя невозможным нравственное отчуждение от милой сердцу страны и вынужденного проводить свои дни вдали от нее.

Что оставалось делать М. А. Осоргину в этой противоречивой, даже нелепой ситуации, когда пути домой были отрезаны, а в политических склоках совсем не хотелось участвовать? Оставалось, пожалуй, уйти в воспоминания, в раздумья об исторических судьбах России и ее народа. Почти все осоргинские произведения возвращают читателя на родину, к славным и горьким страницам ее прошлого.

Своеобразной отдушиной стала и давняя страсть к ста-

ринной книжности. Общение с русской антикварной книгой приобретало для М. А. Осоргина особый смысл, становилось как бы невольным возвращением в Отчизну. Перелистывая страницы, оттиснутые некогда на типографских станках Петербурга, погружаясь в фолианты, украшавшие прежде библиотеки в белокаменной Москве, он уходил от сиюминутных тягостных размышлений и мысленно возвращался к отеческим пенатам. Не случайно «Заметки старого книгоеда» появлялись с завидным постоянством на протяжении многих лет: первая главка относится к концу 1928 г., а заключительная — к началу 1934 г. Подписчики «Последних новостей» с нетерпением ожидали очередного свидания со «старым книгоедом».

В этой же парижской газете М. А. Осоргин систематически вел и обзор советских литературных премьер. Он откликался на произведения М. Горького, В. Маяковского, А. Н. Толстого, А. Блока, В. Брюсова, В. Кина, И. Эренбурга, М. Булгакова, К. Чуковского, В. Катаева, В. Инбер, Ю. Олеши и многих других, на книговедческие исследования В. Я. Адарюкова, А. В. Мезьер. Для советских исследователей окажутся небесполезными и публикации М. А. Осоргина о С. Есенине, М. Цветаевой, А. Куприне, И. Бунине, А. Воронском... Но все же именно «Заметки старого книгоеда» были, кажется, самой сердечной привязанностью автора.

Когда возгорелся у Михаила Андреевича этот неистовый библиофильский пламень? Еще с тех времен, когда он в 1900-е гг. имел дело с мелкими частными издателями и торговцами, когда наведывался в магазин знаменитого букиниста П. П. Шибанова. Сам «книгоед» рассказал об этом в своей первой главке, названной «Представление читателю».

Библиофильский аппетит особенно разыгрался у М. А. Осоргина в период работы, на кооперативных началах, в Книжной лавке писателей. Тогда, в 1918—1921 гг., реквизиция частных библиотек, различных «бесхозных» собраний — владельцы спешно покинули свои особняки — вынесла на рынок огромное количество изданий, считавшихся еще вчера чуть ли не уникумами. Отыскивая для лавки печатные древности, подбирая литературу для спе-

циальной библиографической полки (она служила рабочим подспорьем для пайщиков), Осоргин познал всю прелесть волшебной библиофильской страсти. Уже тогда к нему пришло твердое убеждение: если новая книга — просто товар, то старая и редкая — всегда «личность», «индивидуальность», достойная особого почтения. Эту мысль он потом будет часто проводить в своих статьях.

Ничего из тогдашних приобретений М. А. Осоргин не смог увезти с собой за границу. Тяжело переживал он потерю книжного и архивного имущества. Но когда в Париж приехала Татьяна Алексеевна Бакунина, позднее его жена (она благополучно здравствует, энергично занимаясь в последние годы библиографической деятельностью), то в ее багаже, помимо различных книговедческих справочников, оказались и кое-какие раритеты. На них был наклеен выразительный осоргинский экслибрис, созданный известным советским гравером И. Н. Павловым. Кстати, экземпляры с этим знаком обнаружились недавно в фондах Ростовской-на-Дону областной библиотеки...

В Париже Михаил Андреевич дважды в неделю, а то и более наведывался в русские книжные магазины, которые хотя и не могли соперничать с московскими и ленинградскими, однако же были достаточно богатыми. Любил он покопаться и в лотках букинистов, торговавших на набережной Сены. Антиквариатом располагала также Русская Тургеневская библиотека, где М. А. Осоргин не только имел постоянный абонемент, но и был деятельным членом правления.

Увлечение старинной книгой, очевидно, не могло не отразиться в художественной прозе М. А. Осоргина. И действительно, обращаясь к его произведениям, замечаешь, как то тут, то там мелькают забавные библиофильские сюжеты. Например, Егор Егорович Тетехин из повести «Вольный каменщик» (1937) усердно читает масонские издания, ходит в Тургеневскую библиотеку, роется там в каталогах. В «Книге о концах» возникает слегка комическая фигура библиографа, которого по ошибке чуть не убили революционеры. В романе «Сивцев Вражек» есть даже специальная глава, которая так и называется —

«Книги». В ней изображена та самая писательская лавка в Леонтьевском переулке, где когда-то автор был продавцом. Именно там герой повествования, профессор-орнитолог, находит среди хлама редчайшую брошюрку «Описание курицы, имеющей в профиле фигуру человека...» (1815). Профессору ее отдают даром — лишь бы он принес на комиссию свои ученые труды.

Более подробно об «Описании курицы...» М. А. Осоргин расскажет в «Заметках старого книгоеда».

Эти «Заметки...» обратили на себя внимание как оригинальностью общей композиции, так и своей стилистической неповторимостью. Привыкшие к колоритному осоргинскому слогу, читатели «Последних новостей» без особого труда распознали, кто скрывается за псевдонимом «старый книгоед». Еще задолго до финала им стало ясно, что цикл библиофильских очерков представляет собою внутренне целостное произведение, которое явно просится быть самостоятельной книгой. Понимал это и автор. Он много раз думал о таком издании (изящном, иллюстрированном, на хорошей бумаге), но где было взять средства?! Так и остались «Заметки...» в виде разрозненных публикаций, погребенных в газетных подшивках.

Подлинная жизнь этих прекрасных, самобытно написанных очерков может начаться только в нашей стране с ее многотысячной армией книголюбов, жадных до каждой новинки на библиофильскую тему. Мечта М. А. Осоргина наконец-то осуществилась: «Заметки старого книгоеда» выходят отдельным изданием. Своеобразным прологом к нему следует считать относящееся к 1930 г. эссе «Возлюбленной. (Похвальное слово)», которое нельзя назвать иначе, как вдохновенно пропетым гимном во славу ее величества Книги.

Автор работал над заметками с исключительным воодушевлением. Вдова писателя и верная его помощница Татьяна Алексеевна Осоргина вспоминает, как Михаил Андреевич, обложившись книгами — они лежали не только на столе, но и рядом на диване,— то немилосердно дымя папиросой, то совершенно о ней забыв, увлеченно стучал на машинке. Порой он вскакивал, брал том Сопикова, Геннади или Ульянинского, перепроверял себя по источни-

кам. Над трудами этих прославленных библиографов он мог просиживать часами, как над приключенческим романом... К сожалению, справочной литературы не хватало. Иной раз приходилось надеяться только на память. Отсюда и некоторые неточности, вкравшиеся в текст «Заметок...».

Необычен жанровый сплав осоргинского произведения. Это одновременно и непринужденный этюд, и исторический трактат, и отчасти мемуары, и библиографический поиск. Ощущение единства, некоего внутреннего стержня рождается за счет самой повествовательной ткани, а также благодаря сквозному образу рассказчика. Интимно-доверчивый тон повествования, сильнейший лирический колорит, субъективная страстность и вместе с тем разговорно-ироническая интонация, словно бы гоголевская лукавинка, склонность к парадоксам — все это придает заметкам привлекательность, какое-то непостижимое обаяние. На них лежит печать яркой художнической индивидуальности.

Мы следим не только за развертывающимся сюжетом, но и за самим рассказчиком, к которому проникаемся симпатией. М. А. Осоргин создает литературную маску наивного простака-«книгоеда», упивающегося стариной в своем музее книжных древностей. Ремизовская формула — «библиофил по Осоргину...» — появилась, по всей вероятности, именно под влиянием этого образа, который нельзя не признать безусловной авторской удачей.

Фигура «книгоеда» возникла у М. А. Осоргина отнюдь не случайно. Одними библиофильскими наклонностями Михаила Андреевича ее едва ли возможно объяснить. Гораздо важнее, думается, сам характер его писательского таланта. М. А. Осоргин — не просто прирожденный прозаик. В нем были сильны традиции высокой гуманитарной культуры, причем они не подавляли изначального художнического дара, но придавали ему особый оттенок. В частности, М. А. Осоргин отличался исключительной восприимчивостью к чужой беллетристической манере. Стилизаторство (прежде всего в языковой сфере) относилось к числу излюбленных им приемов. Примечателен такой эпизод. Как-то Михаил Андреевич, озорства ради, решил помистифицировать подписчиков «Последних новостей». Он опубликовал несколько материалов в подражание

Пушкину, Лермонтову и Тургеневу. Имитация была настолько удачна, что редактор попросил розыгрыш прекратить — дабы не смущать доверчивых читателей.

Особенно же нравилось М. А. Осоргину приноравливаться к витиеватому, вычурному слогу прошлых веков. Например, книга рассказов «Повесть о некоей девице» (1938) целиком написана «под старину». Умение вжиться в облик давно отошедших людей, убедительно воспроизвести их индивидуальную речь — эта интересная осоргинская черта помогает понять и тип «книгоеда». В нем — немало от избытка творческих сил автора, от литературной игры, которая была, похоже, в натуре Михаила Андреевича.

М. А. Осоргин и «старый книгоед» — не двойники. Писатель незлобиво посмеивается над своим героем, над его слабостью к «высокому штилю», над его неприятием современности. Наличие маски романтика-библиофила, этакого геннадианца XX века, позволило автору говорить о сочинителях и персонажах старинных книг как о близких нам людях. Они точно извлекаются из небытия, из мифической Леты и предстают перед нашими очами во всей конкретности и чувственной осязаемости. Сюжетная занимательность, ощущение живого авторского присутствия, очевидное художественное мастерство — одно из достоинств осоргинской прозы. Особенно хорош язык! Критики вообще с поразительным единодушием отмечали у Осоргина, этого «руссейшего» из писателей, удивительное чувство родного слова. Библиофильские этюды не являются исключением: они созданы тонким и свободным пером, покоряют своей неповторимой стилистикой.

Осоргинские «Заметки...» примечательны и по существу. Автор вводит нас в исключительно богатый мир русской антикварной книги, сообщает немало поучительных сведений. Он явно неравнодушен к изданиям XVIII столетия. Подделываясь под «приличествующий» герою слог, говорит: «...прогуливаясь по садам российской словесности, забрел в тенистую аллею осьмнадцатого века...» И к слову сказать, очень хорошо сделал. Советская библиофилия как раз по этой части довольно бедна, и работа М. А. Осоргина восполняет пробел. Впрочем, в ней найдется материал на разные вкусы — и о поэтах-радищевцах, и о тим-

мовских иллюстрациях, и о сатирических летучих листках некрасовской эпохи, и об изящных томиках, выпущенных советским издательством «Academia». М. А. Осоргин призывает беречь книгу, хранить ее как зеницу ока, оборонять от пожаров, сырости, вредителей, а пуще всего — от человеческого небрежения.

Несомненную литературоведческую ценность имеют главки, повествующие об отражении книжной темы в творчестве А. Пушкина, М. Лермонтова, И. Тургенева. Сколько уже об этом писано, но как свежо звучат порой осоргинские строки! «Перстом божественным отмеченный книгоед...» — это сказано о Пушкине. Сказано смело и выразительно. Между прочим, наши пушкинисты не без пользы для себя ознакомятся с заметкой о малоизвестной итальянской книжечке, где очевидец рассказывает об ужасном петербургском наводнении, запечатленном в «Медном всаднике».

Для «книгоеда» любая брошюрка по-своему прелюбопытна — нет книг только хороших и только плохих. В каждой можно отыскать какую-нибудь истину, а нового ничего выдумать нельзя. «Люди проходят, идеи гаснут и линяют,— книги остаются!» — назидательно изрекает рассказчик. Едва ли следует распространять эту попахивающую пессимизмом сентенцию на самого автора. По всей вероятности, тут очередной литературный ход. Ну, а рассказчик... что же, это вполне в его, «книгоеда», духе. Обожающий седую старину, собаку съевший на редкостях, он дарит нам свои внешне бесхитростные, глубоко мудрые новеллы.

На выбор сюжетов влияли условия парижской жизни: писалось, в сущности, о том, что было под рукой. Тут и книги «нравственного направления», и «забавная чепуха» (о модах, танцах, маскарадах, этикете, рецептах и пр.), и издания крамольные, бунтарские, вроде радищевского «Путешествия». В самом чередовании заметок нет строгой логики, они строятся на принципах ассоциации, аналогии. Следует помнить, что перед нами все-таки очерки, предназначавшиеся для газеты. Но в отсутствии жесткого фабульного каркаса есть и своя прелесть. Атмосфера лирического «беспорядка» дарит читателю ожидание

новых волнующих встреч с библиофильскими жемчужинами.

«Книгоед», стараясь уйти от злобы дня, уткнулся носом в обложки и титульные листы — М. А. Осоргин видит гораздо глубже и дальше. Он понимает, что книга, даже если она антикварная, включается в общую динамическую связь времен и лиц, в перекличку эпох и событий. Вышедшая давным-давно брошюрка, набранная шрифтом петровской поры, неожиданно превращается в удивительно актуальный документ... Прошлое проецируется на настоящее. Книжки-молчальницы, выплывшие из забвения, обретают голос и вторгаются в нашу жизнь...

М. А. Осоргин принимает издание в его нераздельности и единстве — как плод духовных исканий автора и как творение типографского искусства. Он умеет, отдав дань содержательной стороне книги, сочно, картинно, в полушутливом-полусерьезном ключе поведать о ее библиофильских тонкостях. Правда, в заметках обычно мало говорится о биографиях, судьбах отдельных экземпляров, что неизменно интересует любителей. Видимо, автору не хватало для этого материалов. Кое-кто, быть может, упрекнет его также в злоупотреблении пересказом и цитированием. Но нет ли в этом «злоупотреблении» сознательно используемого приема: ведь речь идет об изданиях практически ныне ненаходимых, нам недоступных — где еще о них узнаешь?!

«...Лучшие и наиболее занимательные книги уже все написаны, и перечтение их может нам доставить более удовольствия, нежели прочтение новых...» Согласиться полностью с «книгоедом» нельзя, но прислушаться к его совету не мешает!..

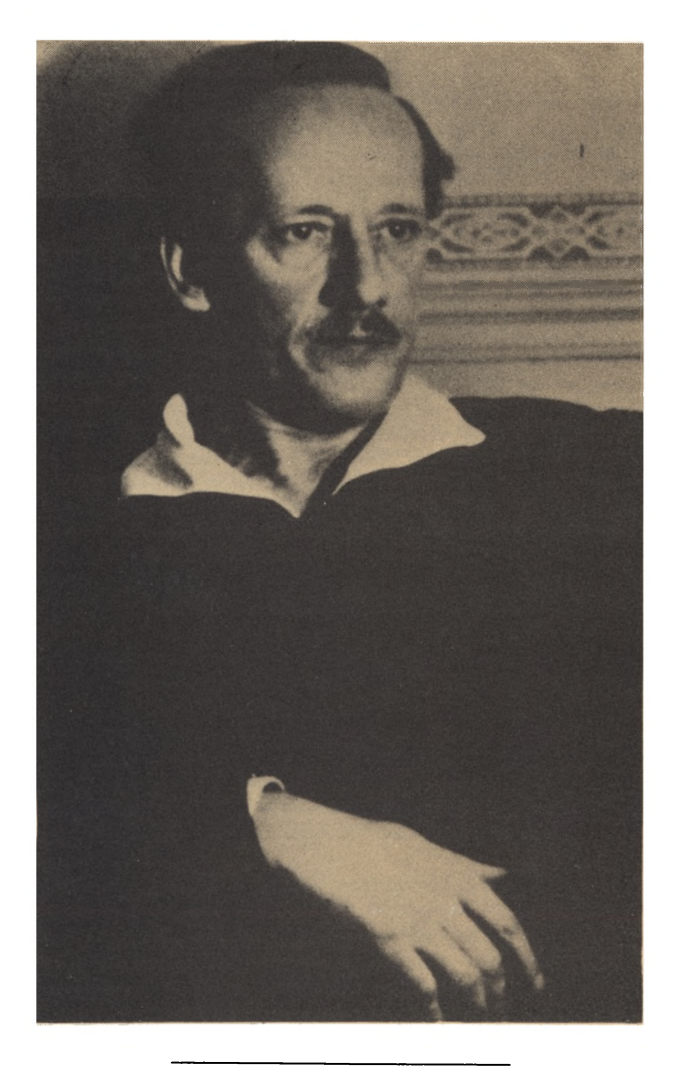
Тонкий и всесторонний знаток русской книги, как старинной, так и советской, М. А. Осоргин сделал немало для ее изучения и пропаганды на Западе в сложнейших условиях 1920—1930-х гг. Эту заслугу мы забывать не вправе. Ведь, объективно говоря, «книгоедская» деятельность литератора из частной, сугубо библиографической поневоле превращалась в общественно-просветительскую, направленную на укрепление и развитие традиций отечественной книжности.

И в заключение — маленький, но выразительный штрих. Из России Татьяна Алексеевна привезла, среди других раритетов, курьезное провинциальное издание «Щеголеватая аптека, или Туалетные препараты...» (Кострома, 1796). Оно было куплено М. А. Осоргиным еще в московской писательской лавке. Михаил Андреевич считал издание чрезвычайной редкостью, имеющей едва ли не национальную значимость, и не мог допустить, чтоб оно осталось за границей. Об этом он с трогательной искренностью заявил гласно, с газетных столбцов:

«Книжечку эту храню бережно у себя, но придет время — сам ли отвезу, либо отвезти завещаю обратно на родину, чтобы не пропала такая ценность. Пока же тянется здесь, на чужбине, одинокая жизнь старого книгоеда,— пусть побудет близ меня в сохранности картонной покрышки, перевязанная ленточкой, потому что нет у меня ни детей, ни имущества, ни лучшей привязанности, как старая русская книга...»

«Щеголеватая аптека», увы, не вернулась домой: по-видимому, погибла от рук грабителей-гитлеровцев. Жалко, конечно, экземпляр! Но для нас гораздо важнее другое: на Родину возвращается замечательный писатель Михаил Андреевич Осоргин и его любимое детище.

Олег Ласунский

М. А. Осоргин. Париж, 1929 г.

ВОЗЛЮБЛЕННОЙ
(ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО)

С детских лет — и сейчас — и так будет до конца жизни — она была единственной и незаменимой: самой преданной и самой равнодушной, самой красноречивой и безмолвной. Люди уходили, приходили, проходили,— она, с годами меняясь, но все та же, шла за мной и со мной всюду: из города в деревню, со свободы в тюрьму, с родины в чужие станы, участница дней работы и часов отдыха, утеха бессонных ночей. То старая, то вчера родившись, мудрая, глупая, капризная, пустая, красивая и безобразная,— раскрывающая объятья всякому, по первому его зову.

Есть два подобия целомудренных и страстных объятий: море и раскрытая книга; их оценить может всякий возраст. Но море однообразнее книги и быстрее утомляет; книга держит в объятьях часами, годами, всю жизнь, и любовные выдумки ее безграничны. Прочитанная, она остается в памяти — и снова рождается, опять влекущая и еще раз полная тайны. В море мы плаваем на поверхности — в книгу уходим с головой, и чем глубже, тем слаще и чудеснее.

Чаще всего ее называют другом. Она бывает Учителем, ласковой матерью, детищем и злым врагом. Но, конечно, она — возлюбленная, неподражаемая в постоянстве и вечном равнодушии. Ничто не дало миру столько добра и столько зла, как книга, и никто другой не пользовался таким почетом в памяти далеких поколений. Самым невозможным кажется исчезновение книги, замена ее иной человеческой выдумкой. Это, конечно, случится,— но к тому времени люди переродятся, и не будет больше ни любви, ни вымысла, ни наивной веры, украшающей нашу жизнь. С жалостью думается о таких людях будущего.

Первая прочитанная книга называлась «Умей сосчитать»: десять негритенков, каждый на особой картинке, а под картинкой подписи. За почти полвека запомнился

Воз.
(Похвальное слово)

С детских лет — и сейчас — и так
будет до конца жизни — она была
мне единственной и неизменной:
самой преданной и самой равно-
душной, самой красноречивой и
бессловесной. Люди уходили, прихо-
дили, проходили — она, с годами меня-
ясь, но все та же, шла за мной
и со мной всюду: из города в
деревню, со свободы в тюрьму,
с родины в чужие страны, уте-
шница дней работы и часов до-
суга, утеха бессонных ночей. То
старая, то вчера родившись, пре-
мудрая, глупая, капризная, пу-
стая, красивая и безобразная, —
раскрывающаяся всякому по первому
зову свои объятья.

Есть два подобия целомудрен-
ных и страстных объятий: море
и раскрытая книга; их оценить
может всякий возраст. Но море

Автограф первой страницы «Возлюбленной (Похвальное слово)»

только один черный человечек: у него вытягивали изо рта целую цепь сосисок, которыми он объелся. Думается — неважная была книжка, хотя и учила вычитанию. Потом, ребенком, я утаскивал в детскую большой том в переплете — не иначе как «Ниву»[1] — и цветными карандашами рисовал усы всем безусым: женщинам, английским генералам и коровам. Гарибальди был бородатый, ничего не пририсуешь. Лермонтову чернилами прибавил эспаньолку — очень шло. А встретив домик, пускал над его трубой дымок штопором — в самое небо. Затем научился читать без картинок, молча, подобрав под себя ноги и не желая идти обедать. Так попала душа в сладкий плен. Так она и пребывает в нем поныне.

Как сосиски изо рта негритенка — тянутся книги нескончаемой цепью, всего окутали, замучили, заласкали, обманули и спасли от невозможности сторговаться и помириться с жизнью и со смертью. И сейчас они перед глазами — громоздятся до потолка на полках, отвоевывают каждый кусочек стола, беспокоят, утешают, реже волнуют, чаще заставляют улыбаться,— глупой выдумке, красивой обложке, знакомому запаху типографской краски. Новорожденная брошюра — и старый том, дамское творчество — и Библия, словарь — и муки стихотворца. Люди приходят, уходят, проходят — книги остаются.

Первая напечатанная книга... Свое в прошлом, но как завидно наблюдать автора, получившего свою первую корректуру, еще не умеющего ставить значки и выносить их на поля (особенно, когда нужно пометить выпуск вьющейся змейкой). Он необычайно серьезен и деловит, он хочет казаться спокойным и равнодушным,— а ведь сердце у него прыгает и дрожат кончики губ.

Одна молодая поэтесса принесла мне посмотреть первый отпечатанный лист своей книги, еще не сброшюрованной,— первой книги стихов, издать которую было нелегко; это было в России, в провинции, в дни революции, когда было трудно достать бумагу, а краска была совсем бледна и плоха. Все-таки она достала.

Я поздравил ее:

— А внимательно просмотрели корректуру?

— Да.

Я взял тетрадочку,— а она смотрит с тревогой, точно вот чужой человек взял покачать ее ребенка. И я прочитал:

Схоронили мою робкую радость
Под каменными большими плитами,
И ненужно тело слабое никнет,
Как травинка в поле, от тяжести.

Это так у нее было. А наборщик ошибся, корректор не досмотрел, автор неопытен,— и вместо «никнет» стояло «пикнет»:

И ненужно тело слабое пикнет...

Сколько было горя! А лист напечатан весь, уже не исправишь. Так и вышла книга. Потом она часами сидела и тонким пером исправляла на букве перекладинку,— чтобы тело не пикало, а никло.

Ей — горе, а мне завидно! Я бы на этой перекладинке покачался, перевернулся, прыгнул: хорошо издать первую книгу! Дальше — проще, а еще дальше только скучно.

Много радости может дать первая книга — и немало горя. Когда она выходит из печати и появляется в окне и на столах книжной лавки, рядом с другими, то этих других, собственно, нет, как нет на свете ни Шекспира, ни Гомера, ни Льва Толстого, ни сказок Шахразады, а есть только эта книжка. По городу делается большой крюк, чтобы пройти мимо лавки и увидать свою обложку: так она и смотрит в глаза. Если автору смотрит, значит, и читателю глянет. Читатель купит, разрежет ножичком, прочтет:

И ненужно тело слабое...

Вот тут начинается горе! Повесить бы наборщика на этой самой перекладине. Поистине — убийца! Нет, чтобы в другом месте — как раз тут.

В газетах и в журналах исчезают все страницы, кроме тех, где может оказаться отзыв о книжке; да все почему-то не печатают. Черт его знает о чем пишут, а о новой книжке ни звука. Потом вдруг напишут,— и, конечно, не поняли и не оценили. Перекладинки не заметили, но зато и вообще ничего самого главного не заметили. Нужно

было вчитаться, почувствовать, а он так, перелистал и написал. Эх вы, критики!

Ну, а писатель старый и бывалый знает, что и как нужно делать. И к новой своей книге он относится спокойно, строго и с великой аккуратностью.

Завистников много, и хорошо их поразить: пусть почувствуют.

Так, в годы революции издал покойный М. О. Гершензон [2] боевую книгу «Мудрость Пушкина». Изучая рукописи Пушкина, он открыл ненапечатанные строки великого поэта, и в этих строках оказался весь ключ к пониманию Пушкина, к *настоящему* его пониманию.

Другой бы сейчас разблаговестил, а Гершензон поступил осторожно, потому что пушкинисты ревнивы и чутки. Он отдал в набор всю свою книгу, кроме странички предисловия, где целиком приводится отрывок из Пушкина. Когда же все было набрано,— он дал и эти две странички и велел немедленно печатать, да поскорее.

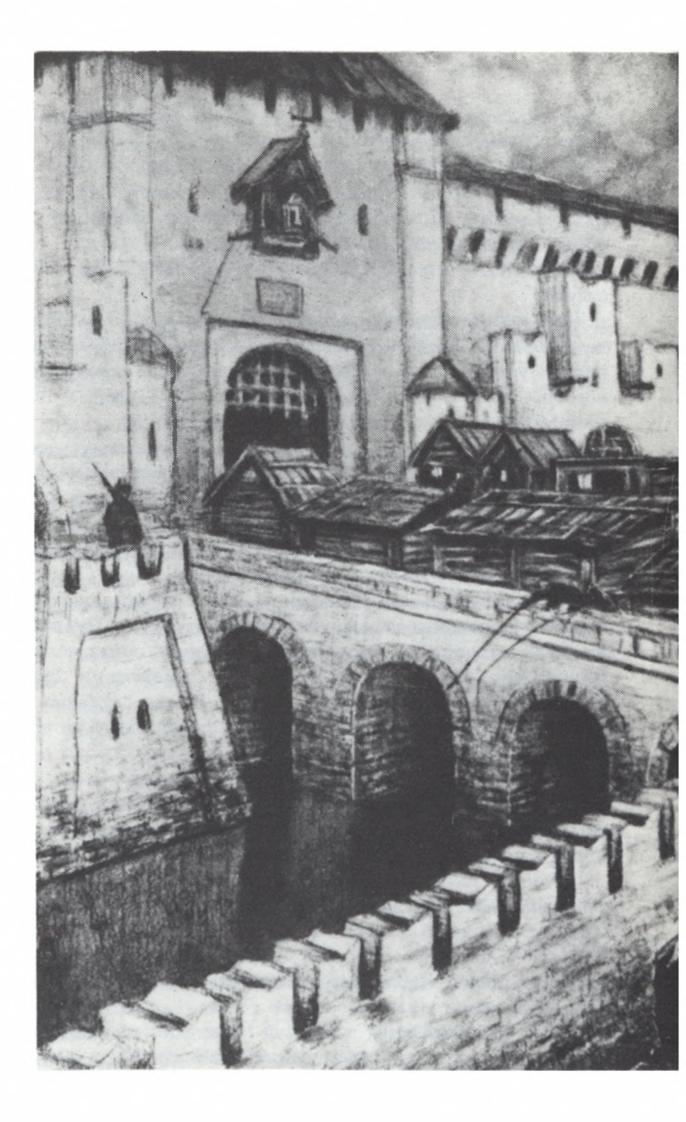
Все будут поражены: найден «ключ к пониманию Пушкина»! И предисловие называлось «Скрижаль Пушкина». И было сказано в предисловии: «Самую поразительную из страниц, написанных Пушкиным, постигла и судьба поразительная: ее никто не знает... И не случайно эта страница открылась мне, от юных лет познавшему на земле одну эту правду: правду о лучшем мире».

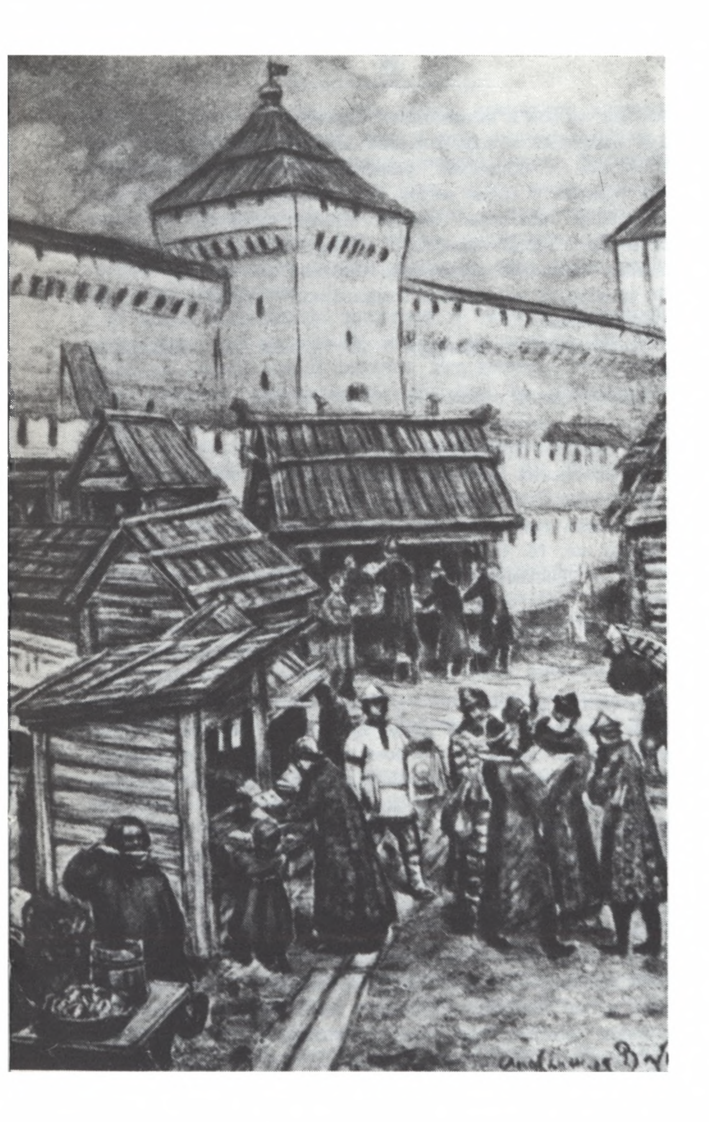
Так писал М. О. Гершензон — о Пушкине и о себе. Но написанного никому не показал и не открыл, а только всем говорил: «Вот вы узнаете, когда выйдет книга! А до выхода — и не просите, не расскажу!»

И книга наконец вышла — в издательстве московских писателей. Все друзья и скрытые враги получили авторские экземпляры с посвящением. И Сакулин [3] получил, и Шпет [4] получил.

Автор пишет: «Дорогому такому-то», а про себя думает: «На, выкуси!»

И вот тут нечаянно оказалось (Сакулин и догадался), что отрывок хоть и писан пушкинской рукой, а написан Жуковским; и не только написан, а и напечатан в полном собрании его сочинений. Всего не уследишь.

Вот так «ключ к пониманию Пушкина»!

Два мальчика в издательстве два дня вырезывали первый листок с «ключом». Вырезки принимал, пересчитывал и забирал с собой автор. Сам обошел друзей и скрытых врагов, которым послал книгу: отбирал обратно, вырезывал. Успели вернуть с почты часть пакетов, адресованных книжным магазинам. Сколько хлопот!

Но за всем не доглядишь, а мальчики — жулики. И книжка продавалась:

С вырезанной страницей — 37 рублей на тогдашние деньги.

С невырезанной страницей — 370 рублей.

Это — для любителей. До чего люди злы! И как страдал бедный Михаил Осипович!

А из авторских дареных экземпляров не захотел отдать своего Густав Густавович Шпет, философ, злюка, остроумный и милый человек; Гершензона он недолюбливал.

— Зачем же, М. О., книгу портить? Пусть она останется у меня в девственном виде: это — «ключ к пониманию Пушкина».

Так и не отдал. Сам вслух читал и другим охотно показывал.

И бывает еще *последняя* книга. Пишется долго, больше ночами, когда оживают тени прошлого, которые боятся денного шума. Пишется со всей силой правды, последней, нужной для душевного покоя — при прощанье с жизнью. И пишущий не знает, что все равно — «слово сказанное есть ложь».

Хочется оставить по себе добрую память, чтобы и дети знали, и все потомки. Может быть, слезы текут из глаз пишущего — на бумаге бледные кляксы. Ведь это вроде завещания.

Когда же книга написана, листы рукописи аккуратненько подшиты и сданы в типографию,— типограф раздирает ее по листкам и раздает наборщикам. На чистых страницах (чистых, как совесть писавшего) — следы грязных пальцев и небрежные пометки. А что там написано — не все ли это равно! Отливаются строчки, странствуют матрицы вверх и вниз, скользят по бесконечному винту,

падают в свои отделения и снова, повинуясь клавишам, бегут на отливку. Мысли нет, а есть только строчки литого металла. После, тиснув первый лист, бессвязный, страница через страницу, те так, а те вверх ногами,— машинист отшвыривает его как брак и подправляет доску с металлом. Ни автора нет, ни его последних дум, ни его сокровенного, а есть бумага такого-то веса, валы машины да масло для смазки.

И когда переплетчик зажимает в тисках сброшюрованную книгу, ему не выжать из нее ни правды, ни лжи и волнение автора его не волнует. Его волнует, если, например, корешок напечатан на обложке на полсантиметра ближе, чем надо.

Пусты теперь дни и ночи автора, написавшего последнюю книгу. Не поторопись он — многое бы прибавил или исправил.

Аромат книги... Их два.

Один — горьковатый, масляный, скипидарный. Перегибы свежи, клей бумаги потрескивает, при разрезе осыпаются бахромки. Новую книгу лучше всего читать, сидя на мягком, ноги вытянув, поигрывая костяным ножом.

И еще есть другой аромат, не всем знакомый: запах легкого тления, свиной кожи и книжного червяка. Он не сравним ни с какими духами Герлена, его ни на что не променяешь.

В буквах, неровных и шатких, чарующая деревянность. Русское «т» в три палочки, над «й» не всегда есть дужка, твердый знак высок, и просветы букв широки, как ворота; в конце страницы — особо напечатана половина того слова, каким начнется следующая страница. На бумаге, тряпичной и живучей, желтизна времени, и на полях подтеки. Титул — целая повесть, где все прописано, что будет в тексте. И выспреннее посвящение «Его Сиятельству, кавалеру таких-то орденов, Милостивому моему Государю». А имя автора посвящения — в конце странички, на краешке, мелким бисером.

Аромат старой книги уносит в прошлое, где тоже кипели страсти. Только сердце еще не было мотором, а мозг не блестел шлифовкой и штампом. Автор в длин-

ном кафтане или в высоком жабо и туфлях с пряжками. И писал он не на машинке, а гусиным пером, скрипя и брызгая по бумаге. Иной же старик и мастер рисовал начальную букву кисточкой.

Страницы старых и новых книг — как душистый сад: они засеяны цветами любви, тревоги, откровенности и лицемерия. Иные поросли репейником злых чувств, другие благоухают наивностью и чистотою веры. Кладбище лучшего, что жило и умерло в веках. Каждая строчка — напряженная мысль, каждая запятая — сомнение, каждая точка — удовлетворенность.

Когда вы стоите перед книжными полками — помните, что перед вами останки чувств и знаний, оттиски самых сложных душевных движений, неслышный горячий спор идей, мнений и взглядов на мир, попыток оправдать жизнь и оттянуть минуту окончательного с ней расчета. Люди пишут для того, чтобы заговорить в себе тоску по вечному и чтобы шуршаньем пера отогнать самый страшный из вопросов. У каждой книги свое лицо. Мы поправляем их на полках, чтобы они стояли прямо, не валились трупами на сторону в сознании бесполезности в них написанного. Когда книги стоят бодро и прямо — как-то легче. Мы любим красивые переплеты потому же, почему и гроб украшается позументом. Книга растрепанная, разбитая — страшна. Обрывки корешка — как клочья мяса или пряди рано поседевших волос. Бог знает на каких словах разорвана страничка,— может быть, на важнейших, за которые писавший был готов пойти на костер или биться до потери сил. А может быть, эти слова ничего не стоят — и не стоили ему. Есть книги уже по одной внешности гордые, смешливые, пошлые, скромные, порочные, больные и никакие. Те, что покрепче и поярче,— мы часто выставляем на вид, а книги худенькие и больные прячем. Раньше всего погибают журналы, изданные в срок и на срок. Бог с ними, их не так жалко!

А вот лежит маленький, очень старый том, может быть, итальянских стихов времени Петрарки. Лежит, не шелохнется, темный, читаный, побитый на уголках. Спи с миром! Слишком сжатый в корешке, он полураскрылся и дышит воздухом нашего времени: гарью, бензином и пóтом спеша-

щих на биржу. А раскрой — и он заговорит прежним языком, прекрасным и смешным:

La bella Donna, che cotanto amavi,
Subitamente s'è da noi partita...

Вся земля принадлежит человеку; по крайней мере, он убежден, что она вся ему принадлежит. Он летит к полюсам и ищет, нет ли и там земли, еще не открытой. И если находит — вооружает разноцветную тряпочку на шесте — знамя своего государства.

Но хоть и вся земля принадлежит человеку, а каждому хочется иметь ее клочок в своем безраздельном распоряжении. Если удается — он ставит ограду, вывешивает дощечку с надписью: «Частное владение, проезд и проход воспрещается»; он навешивает замок на входной калитке, устраивает на своем участке волчьи ямы — на случай, что сюда заберется незваный чужой человек. В основе всех исторических трагедий — спор о земле.

И хотя много есть огромных библиотек, где можно взять и прочитать любую книгу, но каждому книголюбу мило и дорого иметь свой книжный шкаф, чтобы стоял он всегда перед глазами и красовался редкостью названий или изысканностью переплетов. У меня есть, а у других нет! Даже в школе мальчик пишет на учебнике каракулями свою фамилию; человек постарше ставит синий штемпель или аккуратно наклеивает собственный экслибрис.

На книжных знаках чаще всего изображаются символы вечности и культа смерти: песочные часы, череп, треножник с курением, урна, развалина храма. «Все преходяще — мысль бессмертна». Это, конечно, неверно, потому что и мысль преходяща: она также подвержена тлену, как гусиное или стальное перо, как бумага или как гранит с высеченной надписью — и он выветривается временем. Но мы так краткосрочны, что сотни лет для нас равны вечности.

И вот на полях книги перекликаются предок и потомок. Тот написал порыжевшими чернилами свое имя или свое замечанье — этот читает и улыбается: как наивен был его предок! Рядом с его книжным знаком он лепит свой.

Иметь книгу толко для себя — страсть непоборимая.

У нас были в России старые букинисты, которые иную книгу нипочем не хотели продавать. Держали ее в секретном шкафу или на квартире, обозначали в каталогах, показывали любителю, а как дойдет до продажи — хмурились, врали, вертелись — не хочется расстаться. Выгодно,— а не хочу; товар,— а не дам! А уж если продаст,— значит, только надежному человеку, такому же собственнику-скупердяю, цепкому до редкости. И, продав, ненавидит купившего, завидует ему, никак не может простить.

Чувство собственности у книжного любителя крепче, чем у родового помещика. Потому и писали крепким пером с завитушками:

— Господь того проклянет, у кого окажется сия книга, принадлежащая...

Или же:

— Сия книга украдена у...

Иной приписывал и стишок, после использованный гимназистами:

Кто возьмет ее без спросу,
Тот останется без носу.

Возлюбленная! Тебе, незаменимой спутнице, обязан всем, что было в жизни особенного и святого.

Первой тягой вдаль — желаньем убежать в неисследованные страны и сделаться следопытом, курить с краснолицыми братьями трубку мира, носить за плечами ружье, но лишь для защиты, а не для напрасного убийства зверей, с которыми жил бы в дружбе и взаимном понимании.

И первыми положительными знаниями: если развести в воде селитру и написать раствором что-нибудь на бумаге, а высушив, приложить уголек спички, то бегущий уголек будет писать на бумаге то же слово.

Первыми сомнениями: если мир сотворен многомилостивым богом, то почему же в мире так много зла и несправедливости (урок учил хорошо, а по греческому двойка).

И первой любовью: я любил и сейчас не забыл тургеневскую Асю.

Первыми достижениями: то была книжка журнала, и в ней рассказ, подписанный моим именем. Я был тогда счастливейшим из гимназистов.

И первым уходом в мир несчастных, не имеющих пристанища, голодных, страдающих по притонам и по тюрьмам, попавших под колесо жизни,— маленьких героев высокочтимого Диккенса.

Чувством бунтарства, святейшим из чувств, родившимся от пустяковой подпольной брошюрки. И позднейшим сознанием, почерпнутым в Библии, что все — суета сует.

Тихим покоем, спускающимся с книжных полок на спинку кресла и изголовье постели. Складной музыкой слов родного языка, собранных в толстые томы. Очарованьем чужого творчества, которое всегда наше, потому что читающий творит заново — по образу своему и подобию. И попытками самому овладеть чужим сознанием, занять его мысль своей беседой.

Тем, что можно встречаться и говорить с людьми, которых уже давно нет; а они были не хуже теперь живущих. И тем, что умереть совсем, без остатка, нельзя; что хоть на завтрашний денек останешься в печатной строчке, написанной вот этим пером.

Из многих творимых идолов, которым мы молимся и подчиняемся, книга — самый благородный. Нет божка, которого не надо бы иногда посечь: все они обманщики. Но этот так откровенен и так многолик, что на него нельзя долго сердиться. Сегодня он учит, завтра развлекает, а то скромненько стоит на своем месте, как будто не он смущал, лгал и вещал истины. Посердишься на него немного — и опять друзья-приятели. Иногда же он поистине заслуживает признанья и уваженья. А вечные книги — как «Дон Кихот», «Божественная комедия», «Декамерон», Библия, русские сказки, «Путешествие Гулливера», «Тысяча и одна ночь» — это уже не божки, а настоящие боги. Из новых — все написанное величайшими Диккенсом и Толстым, перед которыми люди — людишки, а писатели — писцы.

Но прежде, чем идол,— возлюбленная, чаровница, радость, успокоительница в печали, предстательница за нас пред вратами вечности, куда нас не пустят, но посмотреть бы в щелочку, как там и что.

Ей, возлюбленной книге,— похвальное слово!

[Париж, 10 апреля 1930 г.]

I

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЧИТАТЕЛЮ

Если изволите помнить в Москве книжную торговлю Шибанова [1], то жил я тут же за углом и даже одно время полагал устроиться при лавке вроде приказчика, но очень был малосведущ, так что Шибанов, на просьбу мою, сказал мне:

— Лучше уж ходи так, любуйся, а о службе поговорим, как присмотришься. Книга, милый мой, не посуду продавать. Да мне и не нужно никого.

Живя же по соседству, заходил я в лавку каждый день, особенно когда знал про новые получки,— и тогда присутствовал при их разборке, очень наслаждаясь новостями. Хозяин со мной не стеснялся, отчасти сам с собой разговаривая, я же внимательно слушал. Иные книжки, если, например, очень изорваны или невысокой цены, а мне понравились, не раз мне дарил или продавал задешево, а и маменька не стесняли меня в деньгах и даже гордились, считая меня за ученого и что это лучше, чем иные с малых лет пьянствуют и скандалят, я же все вечера, бывало, сижу за книжкой; часто брал у Шибанова просто почитать, и он давал без препятствия, вполне мне доверяя.

Вот так я и полюбил старую книгу. После, когда вышел в люди, оставаясь, конечно, при скромных средствах, отказанных мне покойной маменькой, имел я в Москве не то чтобы настоящую книжную торговлю, а так, малую закуту при старом нашем посудном деле. Товар это был неподходящий, и надо мной даже посмеивались — какой книголюб! — но я больше держал книгу для себя, закупая при случае; однако и люди заходили порыться в моем мусоре, иной раз чего и находили. Был однажды такой праздник: попался мне случайно, от одной вдовы, а уж как к ней попал — не знаю, «Дон Педро Прокодуранте, или Наказанный бездельник», комедия будто бы Кальдерона де ла Барка и переведенная с гишпанского на русский

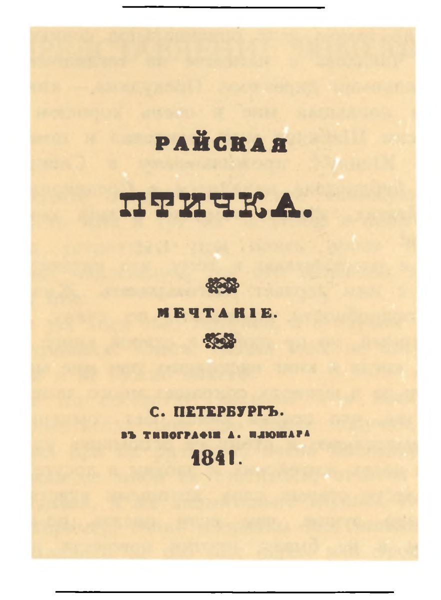
(1794), а на самом деле оригинальное сочинение Якова Петровича Чаадаева с намеком на тогдашнего нижегородского экономии директора Прокудина,— книжица редчайшая[2] и попавшая мне в очень хорошем виде, так что даже сам Шибанов мне завидовал и помог продать известному Юдину[3], проживавшему в Сибири. Сейчас ихняя вся библиотека находится в Соединенных американских Штатах, значит, там же и моя книжица, вот куда попала!

Все это я рассказываю к тому, что читателю надобно знать, кто с ним дерзает разговаривать. Жизнеописания своего в подробности приводить не стану, и человек я обыкновенный, но по любви к старой книге скажу, что даже ныне, когда и книг настоящих при мне мало и только в памяти да в выписях сохранил много замечательного, я считаю так, что старая книга, без сомнения, нынешних позанимательнее и стоит ее вспомнить как источник мудрости в делах житейских и забавы в досуге, не говоря уже о прелести старых слов, которыми чувства выражаются гораздо лучше, чем если писать по-нынешнему. Мракобесом я не бывал, против новшеств не восстаю, даже на многое согласен хоть сейчас, но только не удивляюсь, как другие удивляются, потому что вижу ясно и имею в многих книгах доказательство, что жизнь наша идет как бы по кругу, откуда начали, туда и опять возвращаемся, а потом снова. И вот свои разные на этот предмет мнения, какие иногда приходят, хочу записывать, а доведется — и напечатать, если где примут.

А как Шибанов, равно как и маменька моя, называл меня книгоедом, то под этим именем и укроюсь. Фамилия моя неизвестная, так что читателю все равно, а мне так даже удобнее.

ОБРАЗЕЦ СРАВНЕНИЯ С ПРОШЛЫМ

Как человек грамотный и книголюб с малолетства, читаю, конечно, и нынешние произведения, хотя прямо сознаюсь — без любови и никакого увлечения. И романы, и повести, и рассказы, и книги стихотворений, последние по большей части малопонятные и ни к чему, а также

РАЙСКАЯ
ПТИЧКА.
МЕЧТАНІЕ.
С. ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ПЛЮШАРА
1841.

Титульный лист

и книги, писанные людьми серьезными, т. е. научного содержания.

И вот, например, пишут сейчас рассказы позамысловатее, как бы надрываясь и все придумывая всякие неожиданности для читателя, а ведь дело не в этом одном, а в естественной приятности изложения и милых слов и чтобы книга меня, читателя, брала высотой изображенных чувств, даже и вызывая попутные слезы, которых стыдиться нечего, но физически никогда не утомляя.

Бабушки же наши, да даже и дедушки в бытность молодыми, над книгой проливали слезы и иные повести так зачитывали, что и отыскать их теперь невозможно. Для примера и для начала расскажу про одну замечательную книжку, которую храню в качестве святыни по чрезвычайной ее редкости и ненаходимости, так что слыхали про

I.

ПРЕДАНІЕ.

Въ Ріо-Жаней-
ро, главномъ го-
родѣ плодоносной
Бразиліи, ведет-
ся народное по-
вѣрье, что въ окрест-
ныхъ лѣсахъ скры-

1

Первая страница книги «Райская птичка»

нее только настоящие любители нашей породы, а видали совсем немногие. Барышням же и сейчас хорошо бы прочитать ее, ввиду занятности и прелести содержания; нынче так писатель не изобретет и не найдет нужных слов, могущих трогать за самое сердце.

Издана эта книжечка в Санкт-Петербурге в 1841 году под названием «Райская птичка. Мечтание» и снабжена рисунками известного В. Тимма [4], резанными на дереве бароном К. Клодтом [5]. Формата самого удивительного, а именно как бы для жилетного кармана, так что в ширину вот в таком газетном столбике, как этот, уложатся почти две страницы текста. Если разрешите, то позвольте изобразить здесь одну страничку из этой книжечки целиком, в ее величину, хотя буквы в ней, разумеется, более старинны:

«Теперь понимаю все!» сказал он тихо, с выражением глубочайшей грусти. «Но, Наташа, вы плачете! Неужели я могу назваться счастливым, неужели вы разделяете мою любовь?»

Наташа зарыдала и не была в состоянии отвечать. Собрав все силы, она наконец взглянула на Василия, вновь зали-

И вот, не упуская выражений, данной книжке присущих, позвольте рассказать ее содержание, что некоторым может показаться любопытным и занимательным.

91

«Теперь понимаю все!» сказалъ онъ тихо, съ выраженіемъ глубочайшей грусти. «Но, Наташа, вы плачете! Неужели я могу назваться счастливымъ, неужели вы раздѣляете мою любовь?...»

Наташа зарыдала, и не была въ состояніи отвѣчать. Собравъ всѣ силы, она наконецъ взглянула на Василія, вновь зали-

«РАЙСКАЯ ПТИЧКА. МЕЧТАНИЕ»

Начинается наша книжка рассказом о народном поверии, господствующем в главном городе плодоносной Бразилии Рио-де-Жанейро, будто бы в окрестных лесах скрывается красивая райская птичка и вылетает лишь раз в год, около дня св. Надежды, всегда вылетом своим предвещая о какой-нибудь важной перемене или событии, так что все, особенно девушки, с любопытством ее ожидают.

Почему же она вылетает, эта птичка?

Потому что очень давно некто молодой граф Сан-Франческо вел в этих местах войну с мужественными индейцами и был однажды сражен почти замертво. Он лежал в жестоких страданиях с другими павшими, между тем как индейские женщины, считая их умершими, предались вокруг них неистовым пляскам, пока не пали в изнеможении. И тогда одна из индеянок, взволнованная более других, не будучи в состоянии заснуть, увидала не-

Пастушка играла однажды съ овечкой,
Сидя, въ чистомъ полѣ, подъ свѣжимъ кустомъ;
но гдѣ ея было, въ то время, сердечко?
У молодца-Егеря, что за кустомъ.

Чтожъ Егерь... ружье его всё осѣкалось!
И онъ лишь на вѣтеръ, не въ птичекъ стрѣлялъ,
Красотка-пастушка ему улыбалась,
А онъ страстнымъ взоромъ отвѣтъ ей давалъ...!

счастного раненого португальца, которого внезапно полюбила и укрыла в своей тростниковой хижине, так что никто ничего не подозревал.

Но граф оказался достаточно неблагодарным и однажды, узнав о приближении своих отрядов, хотел покинуть хижину, хотя сострадательная индеянка, упав перед ним на колени, убеждала его остаться ввиду неминуемой опасности и ее к нему любви. Не тут-то было, и португалец, в порыве юношеского нетерпения, пронзил грудь своей спасительницы и убежал в лес.

Но судьба не дремала, и скоро широкие листья бананов и дикого плюща обвились змеями вокруг шеи, ног и рук неблагодарного, который пал от усталости, лишился чувств и обмер. Растения же составили вокруг него гнездо, из которого по весне вылетела райская птичка, предвестница судьбы. Ей определено было летать по лесам, доколе справедливым, чистосердечным поступком, совершенным в ее присутствии, не выкупится неблагодарность португальца.

Так, в ожидании искупительного поступка, райская птичка летала триста лет, по истечении которых произошли события, далее рассказанные в нашей книжке, а именно (излагаю вкратце).

Однажды капитан красивого французского фрегата «Эмилия» послал матросов наловить птиц в девственных лесах Бразилии. Наловили чрезвычайно много, причем один молодой негр, за подарок красного кушака, обещал поймать первую и голосистую, которая покажется из лесу. Действительно, послышалось пенье и появилась наша райская птичка. Негр испугался, но когда ему обещали золотую монету, то он петлей поймал птицу, упавшую без чувств. В ту же минуту негра ужалила в ногу дремавшая раньше змея, после чего с быстротой молнии опять скрылась в сухих листьях, а матросы со смехом доставили птичку на пароход.

После некоторых приключений корабль «Эмилия» приходит в гавань Гавр, имевшую постоянное сообщение с Санкт-Петербургом. Здесь райская птичка была перенесена в лавку разных редкостей, после чего она досталась отъезжавшей в Россию миловидной француженке небольшого

роста, с огненными, проницательными глазками. Муж этой француженки занимался преподаванием уроков французского языка, жена же, по прибытии в Россию, находила утешение, постоянно слушая пенье чудной птички, пока муж не стал по-настоящему, хотя и без всяких оснований ревновать жену свою к этой птичке, говоря, что она только ею и занимается. Огорченная молодая женщина решила расстаться с любимой птичкой и действительно подарила ее самой доброй и снисходительной из всех девиц, с которыми успела до того познакомиться. Таким образом птичка наша стала любимицей Наталии Сергеевны А **, влюбленной в молодого, но бедного человека Василия Федоровича Т **.

Прежде чем Наташа сама поняла свое чувство, ее мать уже приготовила ей жениха, соответствующего семейному достоинству, а о благородном и бедном Василии нечего было и думать. Именно в те минуты, когда Наташа, поняв свою любовь и ее безысходность, предавалась грусти, ей принесли райскую птичку, предвестницу судьбы. Но до того ли ей было, до забот ли о птичке, хотя она, в минуты горя, и находила утешение в нежных перекатах ее голоса, то меланхолических, то веселых. Напрасно, однако, райская птичка своим пением умоляла Наташу совершить справедливый и чистосердечный поступок и не пренебрегать пламенной любовью к Васе ради светских расчетов. Однажды, когда молодой человек грустно выходил из дома Наташи, в ту же минуту в переднюю вбежал опрометью высокий лакей в богатой ливрее и спросил:

— У себя барыня?

— У себя,— отвечал швейцар.

— Приехал действительный статский советник М **. И действительно, у крыльца стояла карета, в которой, развалившись на мягких подушках, восседал какой-то старичок в звездах и крестах. Это был жених Наташи, в скором времени сделавшийся ее мужем.

Пока шли приготовления к свадьбе, про птичку забыли; у нее не было ни зернышка корма, и ей не меняли воды и только приливали, когда она совсем высохнет.

Только несчастный сиротка Ваня, исполнявший в доме самые тяжелые работы, позаботился о птичке, стал менять

ей воду и уделять ей часть черствой корки, своей обычной пищи. Когда же хозяйка дома увидала это, она воскликнула:

— Так вот как ты работаешь, негодный мальчишка? Розог!

И бедного мальчика нещадно высекли розгами. И на другой же день несчастная птичка была найдена без дыханья. Один из лакеев украл ее трупик и продал содержателю магазина страусовых и других перьев у Казанского моста, в доме Энгельгардта. Птичку там выпотрошили и поставили за стекло на продажу.

В самый день жалкой кончины несчастной райской птички на двор одной из лучших гостиниц Петербурга въехал дорожный экипаж, и вышедший из него молодой красавец, ни слова не говоривший по-русски, заявил, что он португальский граф Сан-Франческо. В скором времени все в Петербурге стали приглашать его на балы, вечера и обеды; но он не веселился нигде, почти всегда вздыхал, и на лице его выражалось страдание.

Однажды, когда граф, погруженный в мечтания, вышел с Невского на Адмиралтейскую площадь, он увидал вышедшую из магазина молодую даму, на прелестной шляпке которой была райская птичка редкой красоты. Забывшись от восторга, граф подбежал к карете и хотел заговорить с дамой, но та прервала его несвязную речь, и голос португальца замер. Но все же он успел сказать ей, что райская птичка, приколотая к ее шляпе, пробудила в нем невыразимые воспоминания. Когда наконец графу удалось узнать имя молодой красавицы и с нею познакомиться, к прежней его любезности присоединился веселый характер, которым он и победил сердце неприступной женщины.

Когда молодые поехали делать свадебные визиты своим знакомым, то на графине была шляпка с восхитительной райской птичкой, а на запятках их колясочки сидел в костюме английского грума наш старый знакомый, бедный сирота Ваня, которого граф Сан-Франческо, встретив нечаянно на улице, взял к себе в услужение.

Так кончается эта занимательная и редкая книжка [6].

ВЫВОДЫ ЛИЧНОГО МНЕНИЯ

Прошу читателя извинить меня за достаточную подробность изложения книжечки, которою зачитывались наши предки в 40-е годы минувшего столетия.

И вот я спрашиваю всякого беспристрастного человека: разве этот рассказ не полон замысловатости, неожиданных происшествий и вместе с тем грустной легкости, возбуждающей прекрасное душевное расположение? При этом он ничем не оскорбляет наших благородных чувств.

Между тем как если прочитать самые, например, отличные рассказы и повести современных писателей, хотя бы «Солнечный удар» писателя Ивана Алексеевича Бунина, или их же «Дело корнета Елагина», или полный начатых и еще не законченных приключений роман «Ключ» М. Алданова [7], то, читая их, хотя бы и с увлечением, не мыслим ли невольно о безумствах человеческой плоти и не приходим ли к печальному убеждению о господстве зла, будучи по окончании чтения совершенно измученными? И то же самое у других писателей. Нужно ли это? Хорошо ли это? Не поощряет ли это неудобных телесных предрасположений молодежи, вместо того чтобы действовать благотворно и возвышающе?

В «Райской птичке» же этого нет, и предмет любви, как и страдания птички, создает возвышенное настроение и вызывает ряд чувств благородных, но и не беспокоящих длительным впечатлением. Замысловатость же та же и не меньшая, притом украшенная прелестными и чувствительными словами.

Поэтому я и предполагаю, что лучшие и наиболее занимательные книги уже все написаны и перечтение их может нам доставить более удовольствия, нежели прочтение новых, только что вышедших из-под пера. К сожалению, многие из лучших старинных книг, подобно «Райской птичке», стали до чрезвычайности редкостны и ненаходимы не только в продаже, но и в старинных книжных собраниях.

В дальнейшем, ежели доведется, позволю себе описать и рассказать еще некоторые редчайшие книжки, ознакомление с которыми может оказаться занятным для читающего поколения.

[24 октября 1928 г.]

II

ЧИТАТЕЛЯМ ОТВЕТ ПО НЕОБХОДИМОСТИ

После напечатания первой моей заметки, где изложил я содержание изящной книжечки 40-х годов, «Райская птичка», получил письма от читателей, что нельзя ли где ее достать или не могу ли им дать почитать свою.

А как писали мне дамы, то спрошу попросту: если есть у вас бриллиантовые подвески высокой цены и если придет человек и попросит: разрешите поносить,— ну разве же вы можете согласиться? Для нас же, книголюбов, редкая книжка дороже жемчуга и бриллианта, да еще и непрочная, может быть легко повреждена в обложке неопытной рукой, или же страницу вырвут и употребят. Нельзя судить нас строго за это, потому что любовь к старой книге есть благородная страсть, заменяющая человеку и семью, и общество...

Интересовались некоторые и любопытным малым форматом книжечки. На это скажу, что есть одна книжка много любопытнее и уже совсем необыкновенная, а именно размера малой почтовой марки.

Книжечка эта — «Басни Крылова» [1], издания 1855 года, в 86 страниц, с гравированной обложечкой. Печатана в 256-ю долю листа, по желанию г. Рейхеля [2], славного нумизмата, бывшего директором Экспедиции заготовления государственных бумаг. Набрана она ручным микроскопическим шрифтом, различимым лишь для весьма крепких глаз, но с полной четкостью и правильностью набора... Описана многими книголюбами, так что повторять излишне. Высшего типографского искусства никто не знал, так что даже известная книжечка сочинений Данте, такого же размера, прославленная на всю Европу, менее замечательна, включая на странице всего 17 строчек, тогда как в нашей все 20 строк.

И еще одна есть, размера почти того же, едва поболе, в большую почтовую марку, и тоже редкости необычайной, под названием «Месяцеслов на 1774 год» [3], в 62 страницы,

все гравированные. Один ее экземпляр был известен Василию Сопикову [4] в библиотеке Сулакадзева [5], да другой экземпляр счастливо приобрел известный книголюб А. Е. Бурцев [6]. А больше неизвестно.

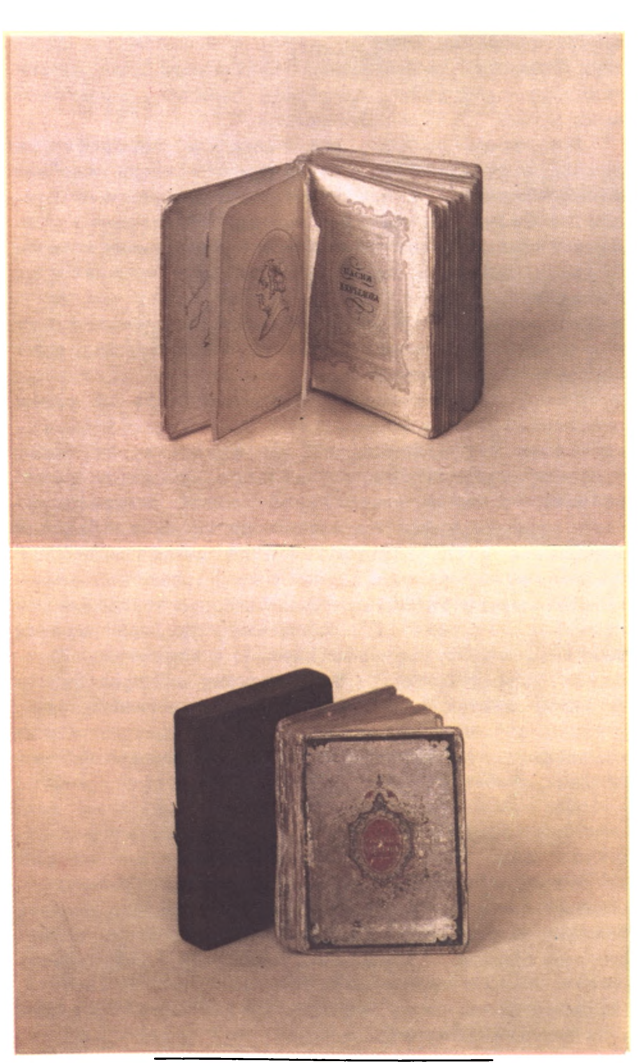
Вот теперь обойдите все парижские типографии, и русские, и французские, и пусть вам что-нибудь подобное покажут или хотя бы вроде. Ляпают линотипом и монотипом на бумаге, от которой в четверть века одна труха. Я даже удивляюсь писателям — как они не думают о своем будущем; гонятся за нынешней славой, а о потомках и не помышляют.

Жизнь пошла на дешевку, прежней заботливости нет и в помине. Нам, книголюбам, это очень грустно, хотя читателю, может быть, и незаметно.

Так ответив, позвольте теперь рассказать об одном собственном моем сокровище, хотя многие могут и смеяться, сказав: вот так книжка! Я же, будучи, думаю, единственным ее обладателем, так как нет ее больше ни у кого во всей России и никто ее не описал, действительно очень горжусь. А впрочем, содержание ее небезлюбопытно для дам и девиц, обладающих недостатками лица, как то: вялая кожа, веснушки, прыщи и пр. Называется книжечка «Щеголеватая аптека, или Туалетные препараты» [7], издана в 8-ю долю листа в г. Костроме, в Вольной типографии Н.С., в 1796 году. Упомянута у Сопикова и у Смирдина [8], однако не совсем верно, потому что вряд ли кто ее видал; названа же «редким провинциальным изданием», каковым и была даже 123 года тому назад, когда Сопиков напечатал свой знаменитый «Опыт Российской библиографии».

«ЩЕГОЛЕВАТАЯ АПТЕКА»

Нынешний сочинитель, даже и романов, не всегда представляется читателям в предисловии, как того требует вежливость; раньше же было это обязательным, и всякий старался сделать это с изящным поклоном и в отборнейших словах. Обычай тот был прекрасен, в чем удостоверяемся, например, прочтением нижеследующего обращения составителя нашей «Щеголеватой аптеки».

«Басни Крылова». 1855 г.

Прекрасному полу!

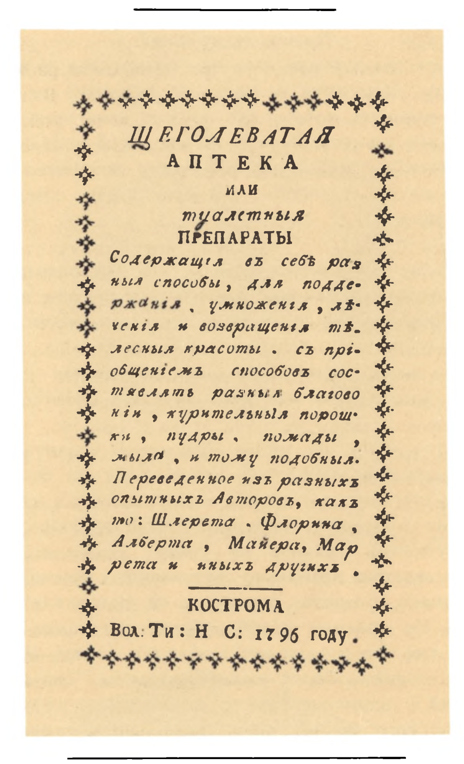
Примите сию книжку. Она Вам приносится от всей моей искренности. Она хотя и мала, но важность ее кажется для меня великою, потому что служит некоторым образом к сохранению красоты Вашей. Желаю, чтоб успешные опыты произвели ее достойною приятного воззрения Вашего. Тогда б была она драгоценна, а я бы остался с совершенным удовольствием.

Автор.

Далее же начинаются советы, как составлять разные воды и притирания, каковые рецепты мне всех не изложить, но некоторые отмечу в точности с подлинником. Напечатаны они приятным шрифтом, где буква «т» еще в три палочки, на манер нынешнего «ш», а каждая страничка окружена рамкой из звездочек, чем достигается старинная красота.

Бабушки наши не менее нынешних правнучек дорожили прекрасной мягкостью кожи, хотя не было тогда нынешних институтов красоты, никто не резал кожи близ уха, чтобы подтянуть морщины, свойственные возрасту, и лица утюгами гладить не умели. Надеялись же на чудное последствие правильно составленных притираний, каковые, однако, смывали поутру, а не оставляли на лице на позор. Не красили и губ жирным и весьма вредным составом, так что издали все молоды и свежи, вблизи же здорового человека берут ужас и тошнота. Что до мазей, притираний и душистых вод, то делали их не из нынешних нечистот, а дома из настоящих трав с прибавлением того, что указано старым опытом и советами хороших аптекарей. Вот например: «Личная датцкая вода, называемая голубиной водою.

Возьми следующих вод, известных в аптеках: воды травы нюфаровой, воды бобовой, воды дынной, воды огурешной и соку лимонного, каждого по одному унцу. Прибавь к тому травы брионии, дикой цикории, цветов лилейных и цветов бобовых по горьсти. Потом заколи семь или восемь белых голубей, отдели головы и папоротки; прочее все изруби весьма мелко и положи в кубик вместе с вышеописанными вещами. Закрывши кубик, оставь на четыре недели настаиваться.

ЩЕГОЛЕВАТАЯ
АПТЕКА
или
туалетныя
ПРЕПАРАТЫ
Содержащія въ себѣ разныя способы, для поддержанія, умноженія, лѣченія и возвращенія тѣлесныя красоты. съ пріобщеніемъ способовъ составлять разныя благовонія, курительныя порошки, пудры, помады, мыла, и тому подобныя. Переведенное изъ разныхъ опытныхъ Авторовъ, какъ то: Шлерета, Флорина, Алберта, Майера, Марета и иныхъ другихъ.

КОСТРОМА
Вол: Ти: Н С: 1796 году.

Титульный лист

По прошествии же сего времени перегони обыкновенным образом, воду же от перегонки храни в удобных сосудах для употребления. Прежде употребления сей воды должно притираться следующим: возьми горячего мякиша ячменного хлеба четверть фунта, четыре яишных белка и бутылку уксусу, смешай хорошенько и прожми сквозь редкую холстину. Употребление обоих сих притираньев чрезвычайно очищает кожу, делает нежною, белит и противляется морщинам».

И замечательно, как не жалели затраты труда, причем требовалась большая точность при немалом и расходе. Восемь белых голубей достать еще нетрудно. В иных же советах предписывалось взять «речной воды, той, которая с мельничных колес падает» или же сделать щелок из ста пчел, вымоченных в бутылке французского вина, и держать настой в горячем лошадином навозе. Была такая личная помада, для которой было приказано в нашей книжечке:

«Возьми тринадцать бараньих ног и шесть говяжьих, мясо с оных очисти хорошенько, выбери одни только длинные позвонки, а протчее брось, положи в новый глиняный горшок, налей воды и вари, нечистоту и накипь снимай бережно серебряною ложкою. Прибавь к сему равное количество сала с кож молодых козлят» и пр.

Требовалось иной раз припасти майского молока от черной коровы, молодых виноградных побегов, приятных и пахучих трав и всяких специй ⟨...⟩ а иной раз даже «тертого хрусталю».

Из всего этого изготовлялась для бабушек наших пудра для волос, помада от морщин и губная, «помада для рощения волосов» и для «згоняния волосов излишних», порошок «чистить весьма черные зубы», «небесная вода», «лавенделевская вода для напрыскивания», «ангельская вода, имеющая благовонный запах», курительные свечки, разные мыла, «английский пластырь» и всевозможные притирания для лица, «изтребляющие на оном разные пятна».

Как и ныне, нелегко было тогдашней женщине сохранять всегдашнюю красоту и свежесть. Нужно было и кожу иметь белой, и руки нежными, и пахнуть приятно. О табачном дыме и думать не могли дамы и девицы — никто бы замуж не взял и жить с такою не стал. В книжечке нашей есть и такой краткий рецепт:

«От дурного запаху во рту. Ложась спать, положи в рот с орех величиною мирры, и чтоб она в роту распустилась».

Перед текстом заставка — куст живых цветов, а по тексте концовка — рог изобилия в виде как бы вазы, а кругом виноградные грозди, оглавление же заключается малым букетом.

N°

о на брюхе, ѡни подаютъ лечатъ:
ромъ парятъ ся:

Книжечку эту храню бережно у себя, но придет время — сам ли отвезу, либо отвезти завещаю обратно на родину, чтобы не пропала такая ценность. Пока же тянется здесь, на чужбине, одинокая жизнь старого книгоеда, пусть побудет близ меня в сохранности картонной покрышки, перевязанная ленточкой, потому что нет у меня ни детей, ни имущества, ни лучшей привязанности, как старая русская книга.

Иной имеет счастье гулять в садах за пределами города; мне же, сидя в комнате и вдыхая городскую пыль, пропитанную бензином, все же иной раз представляется, будто тянет ко мне от малой книжечки «Щеголеватой аптеки» и цветком розмарина... и алойным деревом, и ладаном росным, и гвоздичным стебельком.

Так что уж не посетуйте за подробное книжечки описанье.

ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ В ТИТУЛЕ

А какая приятность в названии — «Щеголеватая аптека»! И вот относительно названий позвольте высказать, что нынешние титулы книг уступают и недостаточно выразительны. В ином романе есть и тонкость чувств, а на обложке читаем неподходящее, даже без упоминания о чувстве любви. Раньше же наименовывали книгу правильнее и привлекая заманчивостью титула. В доказательство слов моих приведу:

«Героическая любовь, или Примеры чрезвычайного в любви постоянства», издана в Москве 1805 года, в двух частях, а рисунки с подписью:

1. «Как, графиня, вы сделали это сами?»
2. «Эта шпилька единственное мое оружие».
3. «Прежде должен ты меня умертвить».

Или же книжечка, тоже с рисунками: «Лолота, или Жертва любви и коварства» (1816). Или же: «Плоды меланхолии, питательные для чувствительного сердца» (1769) и при том гравюры со словами:

«Степь — жизнь, змей — грех»,— на другой же изображен ангел, ведущий человека к скале с сиянием.

Или же еще: «Монах, или Пагубные следствия пыл-

ЧУВСТВИТЕЛЬНАЯ

ЮЛІЯ,

или

Рѣдкой образецъ нѣжной и пламенной любви.

Сочиненіе Голландскаго писателя Ринвиса Фейта.

Съ приобщеніемъ двухъ трогательныхъ его повѣстей о Темирѣ и Пустынникѣ.

Переводъ съ Французскаго.

МОСКВА.
Въ Типографіи Платона Бекетова.
1803.

Титульный лист

ких страстей», «Чувствительная Юлия, или Редкой образец нежной любви», сочинение г. Фейта (1803) с рисуночками:

1. «Будь счастливее меня».
2. «Один плачевный голос...»
3. «О промысл,— вскричал я».

Иной же раз книжечка так названа, что удержаться от прочтения совершенно невозможно, как то: «Не для женщин, но для мужчин, или Тиами в сокровенных покоях моего дяди» (1805), или же «Неведомые Теодор

Иллюстрация к книге
«Чувствительная Юлия...»

и Розалия, или Высочайшее наслаждение в браке», сочинение г. Фоминского, а на приложенной гравюре изображены Купидон и Психея в отличной позе. Или же, например, сочинение г. Шписа «Самоубийцы, или Ужасные следствия страстей» с приложением картины, как женщину зарубают топором. Хотелось бы посмотреть, как удержится хладнокровный читатель хотя бы перелистать подобную книжку... Хотя по совести скажу, не всегда прилично для семейного человека.

Заглавие, нужно полагать, придумывать нелегко. Прежний сочинитель старался изложить подробно, нынешний спешит выразить коротким словом. Жизнь стала много быстрее, и каждый старается блеснуть легко читаемой вывеской, уже не заботясь о том, чтобы объяснить содержимое спокойно и обстоятельно. Читаешь иной раз: «Ангел смерти», а заместо ангела в романе нехорошая малолетняя девица; а то читаешь: «Король, дама...» — а про карты ни слова. А. Ремизов [9] озаглавит книжку: «Кукха», либо «Ахру», да так и не поймешь, что это означает. Неудобно так поступать с доверчивым читателем, и распространению книги вредит без всякого сомнения. «Олю» ихнюю я купил свободно, а от «Кукхи» воздержался.

Хотя о новых книгах, привыкши к старинным, обстоятельно судить не решаюсь.

[6 ноября 1928 г.]

III

О СТЕПЕНИ ИНТЕРЕСА

Многие нас, книголюбов, считают за людей узкого интереса, каковы, например, собиратели марок или играющие в шахматы. Но это неправильно, потому что настоящего книголюба интересует всякая область, лишь бы была книга замечательна. И уж тогда нас от книжки не оторвешь: и читаем от доски до доски, и старую печать нюхаем, и обложку гладим любовно, и если что написано прежним ее читателем на полях, и какой экслибрис,— всё нам дорого и поистине умиляет. Иной раз даже осторожно вскроешь ножичком картон переплета, нет ли там чего, какой старой рукописи, пущенной на выделку корешка, и обязательно смотришь на свет водяные знаки.

Но конечно, не ищем в книжке политики или борьбы предрассудков, и самое направление нам безразлично, совершенно не в этом интерес. Главное — искусство печатания и редкостность. Тут уж смотришь, какая у книги была история и что в ней занимало современников. И потому никакой предмет нам не чужд и не низок, о чем бы в книжке не содержалось.

Так, например, расскажу содержание трех книжек великой редкости, а именно: «История блохи», «Описание вши», а также «Описание курицы, имеющей в профиле фигуру человека», очень при том сожалея, что нельзя приложить воспроизведения любопытных рисунков.

ИСТОРИЯ БЛОХИ

Книжечка «История блохи, содержащая в себе весьма любопытные наблюдения над сим насекомым» [1], написанная г. Бертолотто, знаменитым блох дрессировщиком, отличается исключительной редкостью и ненаходимостью в продаже и библиотеках, а, казалось бы, между тем необходимо переиздать, по близкой важности для всякого, главное для женщин и детей, особенно охотно кусаемых

ИСТОРІЯ БЛОХИ,

содержащая въ себѣ

ВЕСЬМА ЛЮБОПЫТНЫЯ НАБЛЮДЕНІЯ
НАДЪ СИМЪ НАСѢКОМЫМЪ.

Сочиненіе

Г. БЕРТОЛОТТО.

ИЗВѢСТНАГО СВОЕЮ РѢДКОЮ КОЛЛЕКЦІЕЮ
УЧЕНЫХЪ БЛОХЪ.

Переводъ съ Французскаго.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1839.

Страница книги Г. Бертолотто «История блохи»

данным животным, о чем свидетельствует автор нашей книги, знаток несомненный.

Мы узнаём не только о талантливости блох, искусство которых, при правильном воспитании, передается из поколения в поколение, но и о своеобразной, присущей им красоте. В то время как самец черного цвета, с волосатыми ногами и в микроскоп довольно отвратителен,— самочки ихние, по свидетельству автора книги, «...цветом, красою

форм и стройностью сложения по справедливости заслуживают названия прекрасного пола». О чем дамам, полагаю, услыхать очень приятно 〈...〉

ОПИСАНИЕ ВШИ

Не без справедливого основания говорит автор этой книжечки, переведенной с французского на русский язык Ф. Каржавиным [2] в 1789 году:

«Люди, учением просвещенные, не довольствуются описанием слона или носорога, но, исследуя с помощью увеличительных стекол самые тайности естества, находят и в тех насекомых, которых мы гнусными почитаем, неоспоримые доказательства силы, премудрости и величества Создателя всего мира».

И не без сожаления о грубости человеческой упоминает он далее, что «простой народ бьет беспощадно сие удивления нашего достойное творение, к которому император Иулиан был настолько милостив, что он впускал вошь себе в бороду из жалости, когда она сваливалась с его головы».

Такое историческое напоминание лишний раз нам свидетельствует о грубости, происшедшей с тех пор в человеческих нравах, так как несомненно, что в наше время ни один из остающихся у дел императоров и даже президентов республик ничего подобного не сделает не только с вредным насекомым, но даже и с любым из подданных.

Узнаем мы из той же книжечки, что вошь, называемая по-латыни Педикулус, а по-французски Пу, отнюдь не всем внушает отвращение, у некоторых же, напротив, пробуждает аппетит. Так, например, «не только обезьяны, но и арапы, также и многие индейские и другие простые народы американские, которых я 12 лет видел, охотно вшей кладут на зуб и едят». В каковом свидетельстве автору можно вполне довериться, раз многие кушают с удовольствием и с лимоном устриц и эскаргонов, животных значительно большего размера и очень склизких, запивая вином Анжу и даже похваливая за вкус.

В той же книжечке есть, между прочим, кошачий ус в разрезе и изображение под микроскопом волос челове-

ОПИСАНІЕ КУРИЦЫ,

ИМѢЮЩЕЙ ВЪ ПРОФИЛѢ ФИГУРУ ЧЕЛОВѢКА,

СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ

НѢКОТОРЫХЪ НАБЛЮДЕНІЙ И ЕЯ ИЗОБРАЖЕНІЯ,

ИЗДАННОЕ

Профессоромъ Фишеромъ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1815.

ческого тела, как мужских, так и женских, как у народов, просвещенных парламентом, так и у простых арапов.

Сама же описанная книжечка чрезвычайно редка и ценна, хоть в ней всего 20 страниц печати, а стоила она до революции от 100 до 300 рублей, и самим Сопиковым названа «прередкой» [3].

ОПИСАНИЕ КУРИЦЫ

И вот, наконец, позвольте любителям книжной редкости порекомендовать еще книжечку профессора Фишера, изданную им в 1815 году под названием «Описание курицы, имеющей в профиле фигуру человека, с присовокуплением некоторых наблюдений и ея изображения».

Подлинная курица найдена была в Тульской губернии в Белевском округе и прислана в императорский Московский университет его превосходительством г-ном тульским гражданским губернатором, тайным советником, ордена святыя Анны 1-го класса и разных других кавалером Николаем Ивановичем Богдановым. Книга же о ней посвящена людям, «которые любят размышлять об уклонениях природы», к каковым решаюсь причислить и читателей.

Скажу прямо: судя по рисунку — страшен и непонятен вид сей курицы, имевшей нос, подбородок с бородой, бакены, ушки и даже высунутый язык,— клюва же совсем не имевшей!

Больше всего эта курица любила есть белый хлеб со сливками, но не отказывалась и от сыра. «Будучи в комнате на окне,— говорит описатель,— и видя летящих ворон, при каждом их движении курица нагибается и от страха разевает рот».

До изумительности курица походила на человеческую старуху и «сходство сие становилось тем поразительнее, чем пристальнее и в продолжение нескольких секунд смотришь на сию странную профиль, особливо когда курица жует».

Описатель курицы, предчувствуя, что образованный человек может обидеться на такое сходство с ним курицы, предупреждает, что подобные явления часто случаются и обижаться не на что. Так, например, существует выражение «орлиный нос», которое «означает сходство носа с

клювом, чем никто не оскорбляется». У данной же курицы нос, в сущности, даже и не настоящий нос, как у нас, сосцекормящих, а только протяжение головного гребня, хотя и с ноздрями; впрочем, ноздри поменьше, а правая как бы и совсем закрыта. Другие же от нас отличия заключаются у курицы в том, что на правой ноге у нее один палец без ногтя, а на левой совсем нет двух ногтей.

«Особенная фигура этой курицы не предзнаменует ли чего-нибудь сверхъестественного?» — спрашивает профессор Фишер. И отвечает справедливо: «Совсем ничего». Ибо такие случаи бывали и раньше, как даже цыпленок о четырех лапах и с признаками четырех крыльев, доставленный его превосходительством Николаем Сергеевичем Всеволожским; другого такого же прислал его превосходительство Павел Иванович Голенищев-Кутузов.

Настоящие примеры, по-моему, достаточно убедительны, так как нельзя предположить участие сверхъестественной силы наряду с действиями тульского гражданского губернатора и других особ четвертого класса [4] и кавалеров разных орденов...

При книжечке имеются приложения изображения курицы в профиль, в фас, а также зевающей, как бы при чтении газетной статьи, чем достигается полное сходство ее с интеллигентным читателем.

Книжка сия редка и любителям недоступна; поэтому и позволил себе с нею ознакомить любителей размышлять об уклонениях природы [5].

О ПРИЛИЧЕСТВУЮЩЕМ СЛОГЕ

Упомянутые книжечки никаким особым слогом не отличаются, будучи писаны почти нашим нынешним языком. Любителям же хорошего старинного стиля, а кстати и по поводу недавних литературных событий, приведу здесь найденные мною примеры, как изъявлять преданность и благодарность высоким особам по случаю оказанной ими милости. Читая же подобные изъявления чувств в местной газете, думал я, насколько забыта прежняя изысканность и не удается нынешнему писателю подняться на должную высоту. Пишут просто, что вы-де наш покро-

ФЛОРІНОВА

ЭКОНОМІА

СЪ НѢМЕЦКАГО НА РОССІЙСКОЙ ЯЗЫКЪ

СОКРАЩЕННО ПЕРЕВЕДЕНА

и напечатана повелѣнiемъ

ЕЯ ІМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЯ ВЕЛИКІЯ

ГОСУДАРЫНИ ІМПЕРАТРІЦЫ

АННЫ ІОАННОВНЫ

САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКІЯ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

При Імператорской Академiи Наукъ,

1738 года.

Титульный лист

витель литературы и что цвета ленты пожалованных нам орденов нам вполне нравятся; между тем можно бы выразить это словами, более к случаю подходящими и отвечающими высокому положению адресата, как то и делали Василий Тредьяковский, в особенности же известный переводчик Сергей Волчков[6], секретарь канцелярии Академии наук, стараниями которого увидали свет такие книги, как «Грациан придворный человек» (редчайшая, обладанием которой горжусь), «Флоринова экономия», «Житие и дела

ЖИТІЕ
и
ДѢЛА
МАРКА АВРЕЛІА
АНТОНІНА
ЦЕСАРЯ РИМСКАГО
а при томъ
собственныя и премудрыя
ево разсужденіи
О СЕБѢ САМОМЪ
съ нѣмецкаго на россійской языкъ
перевелъ
академіи наукъ
Секретарь Сергей Волчковъ
въ Санктпетербургѣ
въ 1728 и 1739 году.

А НАПЕЧАТАНА
сія книга
ПО ВСЕВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

Титульный лист

Марка Аврелия Антонина»[7] и многие другие, времен императрицы Анны Иоанновны и последующего царствования.

Тоже и ему приходилось испытать одобрение особ высоких, и вот как писал он, отчасти принося благодарность, отчасти же уповая и на продолжение высочайших милостей, в предисловии к книге «Грациан...»:

«С каким глубочайшим респектом сей убогой труд... мною нижайшим в прошлом 1735 году поднесен, с тем же

самым и еще более преискреннейшим благоговением приемлю дерзновение и к Вашего Императорского Величества стопам во вседолжнейшем подобострастии оною нисположить, а ко оным и самого себя повергая, всенижайше прошу сие раболепнейшее мое приношение с природным Вашего Императорского Величества милосердием, всемилостивейше восприять, что за неизреченную радость и за крайнее благополучие своей жизни, со всеглубочайшим подобострастием почитать не перестану, Вашего Императорского Величества всеподданнейший последний раб Сергей Волчков».

Ежели же писатель, не довольствуясь оказанными знаками высокого внимания, рассчитывает на милость и в дальнейшем, то прилично, послав полное собрание своих сочинений, в посвящении к нему прибавлять намек, что, дескать, «...всем усердием служащий, но в непрерывной нищете пресмыкающийся сирой дворянин, с семерыми детьми (из того числа трое сыновей все на службе), самого себя и с робятишки своими к монаршим Вашего Императорского Величества стопам всераболепно повергает всеподданнейший, всеуниженный раб»,— и дальше подпись и указание библиографии напечатанных трудов ⟨...⟩

Настоящие же цитаты привожу лишь к примеру, на случай, что могут быть использованы в дальнейших статьях лиц, кавалерами разных орденов состоящих.

Ибо, как ни далеко зашел наш современный прогресс стиля и благородных чувств,— все же есть чему поучиться у авторов старых, опытных в приличествующем слоге! Я же, по книголюбию моему, всегда готов помочь нуждающимся примерами из книг скромной моей библиотеки, в чем прошу не стесняться и даже обращаться с прямым требованием, удовлетворить которое сочтет приятнейшим своим долгом всенижайший и всеуниженный раб читателя, преисполненный смирения и лучших чувств, вышестоящих строк написатель.

[4 декабря 1928 г.]

IV

НЫНЕ И **ТОГДА**

Некоторое время не писал своих заметок: нужны ли кому? Любителей старой книги и прелестного слога осталось мало, больше в ходу книжка новая, свежая, на соломенной бумаге, разок прочитать — да и бросить, а лет через двадцать и следа от нее не останется: краска слезет и бумага прахом.

Читаю, конечно, и я нынешние произведения..., как, например, «Современные записки» [1]. Иной раз встретишь и в них чувствительные и приятные строки разных авторов — описания природы, или же о любви, или трогательные воспоминания. И однако,— если говорить по совести,— в старину писали не хуже и не всякую вещь можно узнать, когда она написана: ныне ли или тому назад свыше ста лет? Так что если, например, послать нынешнему редактору журнала [1] старинную вещь восемнадцатого столетия, подписав ее хорошей и известной современной фамилией, то, вероятно, напечатают за новое, а критики будут разбирать и доказывать, что вот, мол, какие достижения новейшего нашего времени.

Вот потому-то, отдав дань талантливым современникам, все же возвращаюсь я к запыленным полкам и беру томик, пощаженный временем.

Г-жа Хвостова [1], Александра Петровна, женщина редкой красоты (ихний портрет приложен к знаменитому «Словарю» Д. Ровинского [2]) и большой душевной мягкости, не раз сиживала в тихой грусти у камина или же на берегу ручейка в селе Вейне. На исходе запрошлого столетия, в месяце марте 1795 года, эта прекрасная писательница занесла свои мысли у камина на бумагу, а в месяце мае следующего года записала и свою беседу с ручейком.

Прочитать эти ее отличные и чувствительные записи, названные «Отрывками» («Камин» и «Ручеек»), можно в книжечке такого названия, изданной в 1796 году в Санкт-Петербурге, в типографии Государственной медицинской коллегии, с дозволения управы благочиния. Одно горе —

книжечки этой нигде ныне не разыскать, стала она величайшей редкостью. Была позже не раз переиздана, но и те издания весьма редки, так как очень зачитывались от хорошего чувства [3]. А как одну книжечку, по любви моей к старине, сумел я сберечь, то и поделюсь охотно с читателями прекрасными строками, писанными ни мало ни много, а все же 135 лет тому назад.

ИЗ СТАТЕЕЧКИ «КАМИН»

«Полночь — часы ударили двенадцать — и сердце томно сказало: Еще день лишний в прошедшем, еще днем меньше жить и скитаться в мире сем! — Все вокруг меня тихо и спокойно, все молчит, и природа сама дремлет.— Сижу одна у потухающего огня; смотрю на светлые уголья, один за другим угасающие; слушаю унылый вой ветра, в трубе шумящего; обращаюсь мыслями на прошедшее время жизни моей, и сравнивая горести с радостями, печали с удовольствиями, те минуты, в которые благодарила Бога за бытие свое, с теми, которые тяжким бременем угнетали душу мою.— Радости! — Где они? — В одном воображении, исчезли, как тонкий дым, и только иногда, как легкие привидения, мечтаются.— Печали! — Печали тут-тут, со мной, глубоко в сердце, и вместе с кровью текут в жилах моих.— Удовольствия! — были одна минута, одно мгновение.— Горести! — вечность, неизмеримость, степь дикая, необозримая, где бедный странник не находит ни сени для отдохновения, ни капли воды для утоления несносной тоски своей. Жизнь, как ты тягостна, когда сердце милой ему мечты лишится! Часы, как медленно вы течете! Как медленно приближается тот час, который обозначен природой быть последним скучного бытия».

ИЗ СТАТЕЕЧКИ «РУЧЕЕК»

«Ручеек студеный, излучистая Веенка! Скажи, куда мчишь ты струи твои чистые? — Куда так быстро стремишь твою воду серебристую? — Или берега твои не довольно пологи и зелены? Или песок, по которому ты катишься, не довольно мелок, рассыпчатый?

Теки, Веенка прозрачная! Теки, стремись и размывай камни, препятствующие тебе соединиться с милым тебе ручейком твоим. Я люблю твои воды ясные, люблю песочек белый, на котором ты так нежно покоишься... И мнится, будто ива кудрявая, которая, смотрясь в струи твои, сама своей зеленью любуется, помахивая нежно гибкими ветками, шепчет тихо милое имя сердцу моему.

Теки, Веенка чистая, теки и катись по мелкому песку белому.— Ах! когда усну я крепким сном друга моего на зеленом берегу твоем?»

Вот отрывки из книжечки г-жи Хвостовой. Читая их, вспоминаешь невольно и произведения авторов современных, несомненно, искусных в писании, но все же нельзя сказать, чтобы за последние 135 лет ушли особенно далеко. А кое-кто, пожалуй, даже и поотстал.

ЛЮБОПЫТНАЯ ПОЭМА ПРО ОБЕД

Как бы в подтверждение изложенной выше мысли, взял я журнал «Современные записки», самую последнюю книжку, и прочитал там отличное стихотворение наилучшего поэта В. Ходасевича [4] «Веселье».

На случай, что не всякому этот журнал доступен, хотя редкости в нем пока нет (лет 20 бумага продержится), выпишу из ихнего стиха восемь строчек — как раз половину:

Полузабытая отрада,
Ночной попойки благодать:
Хлебнешь — и ничего не надо,
Хлебнешь — и хочется опять.

. . . .

Смеется легкое созданье,
А мне отрадно сочетать
Неутешительное знанье
С блаженством ничего не знать.

Тому назад годов хоть и не сто, а ровно девяносто два вышла в Санкт-Петербурге, в типографии Снегирева, книжечка в восьмую долю листа под названием «Обед». Поэма В. Филимонова [5]. Разделена поэма на пять отделов под названиями:

1. История обеда,
2. Обед нашего века — злопамятство желудка,
3. Обеденный устав,
4. Обеденные воспоминания: обед семейный,
5. Большой обед, или пир.

В предисловии к поэме сказано:

«Наш долг: стараться быть полезным во всяком положении. Делаем, что возможно. Наука, поучающая человека обедать, в уровень с его достоинством и достоинством его века, сто́ит по крайней мере тех наук, которые мешают ему обедать. Нарва, 1832 года».

И далее стихотворение В. Филимонова, написанное совершенно тем же размером, как и приведенное нами выше, и содержащее, между прочим, такие строки:

Нам от стихов водяных скушно,
От музы уголовной душно,
Уж надоел и сатана,
Мила людская мне беседа!
Я славлю идеал обеда
И философию вина.

. . . .

Хотя кубарь с детьми гоняю,
Сказал мудрец минувших дней,
Все весело — ведь я играю:
В Nil admirare нет, ей-ей,
Большого счастья для людей.

НЕОБХОДИМОЕ ПОСОБИЕ

И хотя само собой разумеется, что выпить человеку нужно во всякую историческую эпоху, однако, для воспевания данной способности в поэзии особыми словами нелишне иметь научные руководства, из коих, например, позволю себе указать на ставшую ныне большой редкостью книжечку соч. П. Тихонова «Криптоглоссарий. Отрывок. [Представление глагола «выпить»]. СПБ., типогр. Балашева» (год изд. не указан) [6].

В этой книжечке имеются бесценные запасы слов, расположенные в порядке строго алфавитном. Сама книжечка издана на правах корректуры и не для продажи и оттиснута в малом количестве экземпляров.

В качестве друга читателя моего искренне готов сообщить ему из книжечки выпивательные слова и выражения на любую букву российского алфавита. В особенности большой запас слов имеется на букву «д», как то:

Двинуть от всех скорбей,
Дербануть,
Дербалызнуть,
Дернуть,
Дерябнуть,
Долбануть и т. д.

Не меньше слов, впрочем, и на букву «н», как то:

Набусаться (с английского),
Нагрузиться,
На дорожку,
Надрызгаться,
Накачаться,
Нализаться,
Налимониться,
Нарезаться,
Насандалиться,
Насвистаться,
Натрескаться,
Нахлестаться и т. д.

В числе прочих выражений имеются, конечно, «пройтись по маленькой», «раздавить баночку», «пропустить собачку», «царапнуть», «полешко подложить», а также «сообразить выпивон с закусоном», каковое выражение явно французского происхождения, почему и произносится слегка в нос, а в книжке даже напечатано смешанным русско-французским шрифтом.

Имеются в книжечке и примеры грамматических спряжений:

Я напился,
Ты нализался,
Он насвистался,
Мы налимонились,
Вы насюкались,
Они, оне назюзюкались.

Для будущих поэтов, умеющих писать стихи на ту же тему, настоящая любопытная книжечка может служить

полезным и приятным руководством. Произведение это — ученое и снабжено обильными ссылками на источники.

ОБ АНГЛИЙСКОЙ МАСТЕРИЦЕ

Для заключения настоящих записок, хотя и не в связи с вышесказанным, позвольте ознакомить читающую публику и любителей старого слога с нижеследующим отрывком театральной афиши XVIII века, весьма редкой, как и все подобного рода печатные произведения:

«Всякаго чина персонал, какие потешные дивотворствии и протчия забавныя действия в государствах презентованы: а именно в Цесарии, Пруссии, Франции, Польше и других княжениях; а какие, о том ниже сего следуют некоторые позитуры с переменными виды и действии, а именно:

Вначале наша в свете похвальная английская мастерица, опрокинясь назад ногами, наплощь простреться.

Обе ноги круг шеи обвивает, подобно галстуху.

Закладывает свою левую ногу на правое плечо и приводит ледвею к лопадке и станет на другой ноге, в равной линеи.

Поставя два стула разстояние на семь футов и станет на оных ногами и раздвиганием оных стулов туловищем до земли досяжет.

На пирамиде или двух стулах стоящая, головою спустясь на два фута ниже ног своих и вздымая монету или рюмку вина, пиёт за здравие всей компании.

Еще же будет колебимое явление от француза, а именно лестница семь футов, на оной младенец; потом поставя оную на чело, танцует фоли д-ишпань.

Протчия действа не суть описуемы».

[20 января 1929 г.]

V

КНИЖКИ, ПРИВОДИМЫЕ ЗА ПОЛЕЗНОСТЬ

По случаю всеобщих заболеваний лучше всего из дому не выходить, разве что уж очень нужно, а читать с прилежанием старую книжку, у кого какая имеется, в надежде найти в ней утеху и пользу. Месяц февраль чрезвычайно опасен для здоровья, что и доказано телеграммами со всего мира о болезни грипп, на русском языке не имеющейся.

В превесьма старинной и редкостной книжке «Календарь, или Месяцеслов исторический и генеалогический», напечатанной в Санкт-Петербурге, в типографии Академии наук, в 1731 году, прямо так и читаешь:

Февраль

Блюди здоровье: многих побил Марс
сердитой,
буде так драгои вещи, как из меди слитой
Болван; не побережешь, то слово не ложно,
На тебе все сбудется мое неотложно.

Таковыми прогностиками наши предки всегда руководились. Что же касается болезни грипп, если она уже приключилась, то и для нее можно в старых книжках найти подходящее леченье, много попроще нынешних способов. По-старому этот грипп, в числе еще некоторых подобных болезней, назывался «заразительной горячкой». И вот мы находим следующую подходящую книжечку: «Аптека домашняя и дорожная, лекарями пересмотренная, вместе с полным списком белью для хозяйств и путешествующих, также и с таблицею доходов и расходов и с всегдашним календарем. Издание оригинальное для воровского перепечатания с печатью моего имени замеченное. Лейпциг, у К. Г. Е. Арндта; в время ярмонок на площади в лавке близко верхняго фонаря на среднем торговом ряду». (Издание приблизительно около 1816 г.) Заглавие переписываю ввиду прекрасного его звучания для уха

МѢСЯЦОСЛОВЪ
НА ЛѢТО
ОТЪ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА
1804,
которое есть
ВЫСОКОСНОЕ
содержащее въ себѣ 366 дней,
сочиненный
на знатнѣйшія мѣста
РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
Императорской Академіи Наукъ.

Титульный лист

любителей старины; для лиц же больных в книжечке имеется рецепт под номером 3 и титлом «Средство от заразительных горячек», а именно:

«Очень полезно часто брать в рот и жевать кусочек ревенева корня, особливо по утрам. Также и пить несколько хорошаго винного уксуса или взять в рот и часто мыть им руки и лицо, особливо по утрам. Кардамон также,

АПТЕКА ДОМАШНЯЯ
и дорожная
Лѣкарями пересмотрѣнная
вмѣстѣ съ
полнымъ спискомъ бѣлью
для
хозяйствъ и путешествующихъ,
также и съ
таблицею доходовъ и расходовъ,
и съ
всегдашнимъ календаремъ.
изданіе оригинальное

для воров- скаго перепе-
натанія съ печатью
моего имени замѣченное.

Лейпцигъ,
у К. Г. Е. Арндта.
во время ярмонокъ на площади въ лавкѣ
близко верхняго фонаря на среднемъ
главномъ ряду.

Титульный лист

когда возьмешь в рот и жуешь, есть лекарство от заражения. Наипаче при таких болезнях надобно не приближаться к больному натощак или неевши прежде того лекарства, ежели возможно убегать таких посещений».

Между тем как у нас часто ходят по гостям, почему настоящий рецепт и привожу.

КАК СЕБЯ ВЕСТИ

Говоря о разных редких старинных книжках, и чтобы читателю было поинтереснее, стараюсь наблюдать и пользу от таковых сообщений. Конечно, нынешние критики поступают иначе, думая лишь об удовольствии чтения и выставляя себя всезнающими и чрезвычайно умными. В старину же пустая книжка, бесполезная для человека, не была в почете, как ее ни расхваливай. Сам государь Петр Великий повелел издать для юношества особую книжку, весьма знаменитую и ныне редкостную, под названием «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению» (1719). Имеются в ней советы и указания, весьма полезные и для нас, как вынужденно живущих в европейских городах, где необходим хороший тон поведения в обществе.

Тут можно найти про многое. И про то, что юноши должны уметь говорить на иностранных языках, «чтоб можно их (отроков) от других болванов распознать», и про то, как быть благочестивым кавалером, как стричь ногти, «да не явится якобы оныя бархатом обшиты», и даже о потуплении глаз настоящей хорошей и стыдливой девицею. Нам же всего нужнее правила благопристойности в обществе, например, на случай нашего приглашения к обеду в знакомое французское семейство.

На сей случай имеется такое руководство:

«Рыгать, кашлять и подобныя такия грубыя действия в лице другого не чини, иль чтоб другой дыхание и мокроту желудка, которая востанет, мог чувствовать, но всегда либо рукой закрой, или отвороти рот на сторону, или скатертию или полотенцем прикрой, чтоб никого не коснуться тем загадить. И сия есть не малая гнусность, когда кто часто сморкает, яко бы в трубу трубит, или громко чихает, будто кричит, и тем в прибытии других людей пужает и устрашает. Еще же зело не пристойно, когда кто платком или перстом в носу чистит, яко бы мазь какую мазал, а особливо при других честных людях».

За столом в гостях рекомендовано «сидеть благочинно, не жрать, как свиния, и не дуть в ушное, чтоб везде брызгало».

Раскольникъ говоритъ
слушай цырюльникъ
я бороды стричь не
хочу вотъ гледи я на
тебя скоро караулъ закричу
Цырюльникъ хо
четъ раскольнику
бороду стричь.

ЮНОСТИ

ЧЕСТНОЕ ЗЕРЦАЛО

ИЛИ

ПОКАЗАНІЕ КЪ ЖІТЕІСКОМУ
ОБХОЖДЕНІЮ.

Собранное отъ разныхъ Авторовъ.

НАПЕЧАТАСЯ ПОВЕЛѢНІЕМЪ

ЦАРСКАГО ВЕЛІЧЕСТВА.

ВЪ САНКТЪПІТЕРБУРХѢ
Лѣта Господня 1717,
Февраля 4 дня.

Титульный лист

Что же касается до молодых девиц и поведения таковых на писательских, адвокатских, галлиполийских [1] и прочих благотворительных балах, то и для них находим подходящее руководство. Для стыдливого цвета лица им указывается пить немного вареного вина с корицею и сахаром, про коктейль же и иные подобные напитки ничего не сказано. И при этом объяснено, что «непорядочная девица со всяким смеется и разговаривает, бегает по причинным местам и улицам разиня пазухи, садится к другим мо-

лодцам и мужикам, толкает локтями, а смирно не сидит, но поет блудныя песни, веселится и напивается пьяна. Скачет по столам и скамьям, дает себя по всем углам таскать и волочить, яко стерьва».

Ибо в старые времена это считалось не соответствующим воспитанию, хотя ныне правила и переменились, не говоря уже о танцевальных забавах — танго и фокстротах.

ГОРАЗДО ПОЛУЧШЕ, ЧЕМ В НИЦЦЕ!

Начинается в Париже время маскарадное, и, хотя наша масленая поотстала на пять недель, однако, считаю не лишним указать, что в старое время люди были гораздо выдумчивее на маски, как о том и находим в посвященных сему книгах.

Нынче что? Нынче изображают из себя Евгения Онегина, либо баядерку, либо газетную прессу, либо — кто поспособнее — пакт Келлога [2] и тому подобную современность. Раньше же изображали отвлеченные понятия, как пороки и добродетели, и для фантазии было места больше.

Так, имеется у меня книга «Торжествующая Минерва. Общенародное зрелище, представленное большим маскарадом в Москве 1763 года, генваря 30 дня». Приложен к книжке портрет знаменитого актера Волкова, гравированный пунктиром, предисловие к книге написал в стихах М. Херасков, а хоровые в ней песни составлены Сумароковым, хотя имя его и не обозначено. И как подумаю: ну может ли с этим московским маскарадом, времени Великой Екатерины, сравниться нынешний жалкий рекламный карнавал в городе Ницце! Даже и сравнивать нельзя, очень обидно для прошлого.

Впереди шел Момус, или пересмешник, на нем куклы и колокольчики, а также надпись: «Упражнение малоумных». Дальше — всего не перечислишь даже в сотой доле. И театры кукольные, и Родомант, забияка, храбрый дурак, и служители Панталоновы, и скоромуши, и книгохранительница безумного враля, и дикари, и арлекин, и барабанщики в кольчугах. Или, например, идут два человека и несут быка с приделанными на груди рогами, на нем сидящий человек «имеет на грудях оконницу и держит

ТОРЖЕСТВУЮЩАЯ

МИНЕРВА,

ОБЩЕНАРОДНОЕ ЗРѢЛИЩЕ,

ПРЕДСТАВЛЕННОЕ

БОЛЬШИМЪ

МАСКАРАДОМЪ

ВЪ МОСКВѢ 1763. ГОДА, ГЕНВАРЯ ДНЯ.

Печатано при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Титульный лист и страница книги

модель кругом вертящагося дома, пред ним 12 человек в шутовском платье с дудками и погремушками».

Но главное дело — изображение пороков, из которых упоминаем:

Несогласие.— Изображены ястреб, терзающий голубя, паук опускается на жабу, кошачья голова с мышью, лисица давит курицу. И надпись: «Действие злых сердец».

Обман.— Вверху маска, а кругом змеи, кроющиеся в розах. И надпись: «Пагубная прелесть».

Превратной свѣтъ

ЗНАКЪ.

Летающїя четвероногїя звѣри, и въ низъ обращенное человѣческое лице.

НАДПИСЬ,

Непросвященныя разумы.

Хоръ въ развращномъ плащѣ.

* * *

Два трубача на верьблюдахъ и литаврщикъ на быкѣ.

* * *

Четверо идутъ задомъ.

* * *

Лакеи везутъ открытую карету, въ коей посажена лошадь.

* * *

Вертопрахи везутъ карету, въ коей сидитъ обезьяна.

* * *

Карлицы и гиганты.

* * *

Люлька, въ коей спеленанъ старикъ, и при немъ кормящей его мальчикъ.

* * *

Люлька, въ коей старуха играетъ въ куклы и сосетъ рожокъ, и при ней малинькая дѣвочка съ лозою.

* * *

Свинья съ розами.

* * *

Орке-

Невежество.— Нетопырь, черные сети и ослова голова, и опять надпись: «Вред и непотребство».

Превратный свет.— Летающие четвероногие звери и в них обращенное человеческое лицо: «Непросвещенные разумы».

А дальше пьянство, мздоимство, спесь, мотовство. Потом идет Вулкан с кузнецами, колесница Юпитера, Златой Век, Парнас, Мир и еще и еще разные добродетели. И на конце хоры с песнями.

Вот это маскарад! Правда — устраивал его великий русский актер Ф. Волков в сотрудничестве с отличными пиитами.

Это вам не то чтобы надеть на туловище носовой платок, отделанный крепдешином,— узнавай, кто такая. Человек повертится, посмотрит туда и сюда и сразу: «Ясное дело — Мариванна, по родинке видно».

К ПРЕДСТОЯЩЕЙ МАСЛЕНОЙ

И уж кстати, в приближении указанных праздников, порекомендую старую книжку по масленой части. Называется она «Маловременные владетели, или Блестящая масленица». Год и место печати не указаны, книжечка же очень редка. Описано в ней, в выражениях шутливых и весьма картинных, сражение зимнего мясоеда с блестящей масленой. Сражаются они ухватами, сковородами, лопатами и помелами, а армия состоит из бычков, барашков, свинок, поросенков, гуськов, уточек, индеечек, курочек и пр. Побеждает масленица, и тогда ей хором поют приветствия:

Масленицу с радостию нашею встречаем,
С веселием и кочерги в руки принимаем.
В готовности уж пред вами строем
Ухватами и кочергами честь отдать.
Все уже у наших баб все будет исправно,
И сковородниками пойдем регулярно
Блины, оладьи печь. Давно уже чтимся
И о масленице весьма веселимся.

Тут один запевает:

Пожалуй меня, послушай,
Сию рюмку водки кушай!
Есть, видишь, чем и закусить:
Блины, оладьи стоят,
Которых ныне едят.

Все же отвечают:

Довольны и так, довольны!
Что утробы стали полны!
А сердца так развеселились,
Что все со стульев посвалились.

Каковые стихи, может быть, ныне могли бы сочинить и получше, но уж веселья того, конечно, больше не найти, как умели наши предки. А то в русском ресторане с французской вывеской спросят пять блинов и едят со сметаной, после чего подают, как обычно, каждодневное кушанье «мутон-де-баран» и «пом-фри». Прежде же такое и для великого поста считалось мало.

Настоящими полезными сведениями старых книжек полагаю закончить сегодняшнее мое изложение.

[10 февраля 1929 г.]

VI

ДОЛЯ ПИСАТЕЛЯ В РАЗНЫЕ ВРЕМЕНА

Всякий раз, как приношу в редакцию газеты нижеследующие свои строчки о старой книге, испытываю немалое смущение, вообще свойственное характеру, как бы «чего пристаешь с рухлядью и старьем, между тем как нет отбою и от новых произведений искусства выдающихся авторов современности?».

Да разве же я препятствую кому писать! Была бы моя воля — я бы и о новых писателях пропечатывал здесь сочувственные строки уважения, хотя скажу прямо — не без опаски по поводу легко возможных и нежелательных обид. Так, например, про одного напишешь: «Произведение ваше превосходно по форме изложения», и он немедленно письмо в редакцию, что «некий критик позволил себе намекать на ничтожность внутреннего содержания». А про другого, наоборот, скажешь: «Чрезвычайно занимательный сюжет», и он тоже перестает раскланиваться с противоположной стороны рю де Пасси, разве что столкнешься носом, после чего скажет: «Я, скажет, не настолько мелочен, чтобы обижаться на отрицающих художественный стиль в моих произведениях». Вот тут и вертись. Притом нужно знать, кто с кем в каких личных отношениях, потому что иных рядом в критике и упоминать нельзя — примут за намек, что жены их вторую неделю в ссоре.

Бывают, конечно, и минуты сладкого удовлетворения, когда те же самые, якобы обиженные, оставляют напрасное злопамятство и, посылая вам следующую свою книжку, пишут на ней просто и ласково: «Чуткому критику и милому человеку — от дружески бескорыстного автора». И если эту книжечку долго задержать без отзыва, то иной раз и пневматички шлют: «Здоровы ли вы, милый друг? Что-то давно не вижу в газете ваших блестящих строк. Берегите себя, вы нужны России».

ТРУТЕНЬ,
ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ
ИЗДАНІЕ,
НА
1769 ГОДЪ,
МѢСЯЦЪ МАЙ.

Опасно наставленье строго,
Гдѣ зверства и безумства много.
притч: Г: Сумар:

Печатано вторымъ тисненіемъ
въ санктпетербургѣ

Титульный лист

И вот тут, позвольте вам сказать, ст́оит заглянуть в старые журналы и убедиться, что неприятности у авторов с критиками были всегда, и иной раз такая была ругань, что сейчас такую не везде даже печатают. Уж на что серьезный был человек Николай Иванович Новиков, издатель журнала «Трутень» [1], а и он допускал в своем журнале вот такие, к примеру, отзывы о стихотворениях и стихотворцах:

Возможно ли, чтоб тот разумно написал,
Кто вместе с молоком невежество сосал,
И кто в поэзии аза в глаза не знает
Уже поэмы вдруг писати начинает.
По мненью моему, писатель сей таков,
Как вздел бы кто кафтан, не вздев
сперва чулков.
И если это так,
Конечно, он дурак.

Стихотворец же имелся тут в виду определенный, фамилия которого в самом критическом стихотворении тайно названа: Чулков, Михаил Дмитриевич, издатель журнала «И то и сио» [2], тоже человек серьезный, первый наш собиратель этнографических материалов. Конечно, и он умел вовремя пустить дурака по адресу товарища по перу и просвещенью.

Или, например, обижаются нынешние молодые авторы (т. е. которым еще нет пятидесяти), что относятся к ним с недостаточным вниманием и уважением. А между тем вот как писали о начинающих в прежние времена (журнал «Пустомеля» [3], 1770 г.):

«Ежели посмотреть на молодых нынешних писцов, то подумать можно, что труднее быть посредственным сапожником, нежели автором; все обучаются тому ремеслу, в котором хотят упражняться, но безграмотные писцы учиться и знать правилы почитают за стыд. Не всякий может быть хорошим писателем, кто только писать имеет охоту <...> надобно быть или хорошим писателем, и быть из зависти поминутно критиковану; или скверным, и быть посмешищем всего города, слыть ругателем или дураком. Вот два награждения, которые авторы получают за свои труды».

Как видно из сего, огорчения в писательской доле были всегда, и были иной раз весьма непереносны. Уж на что возвеличен и прославлен был писатель Александр Сумароков, почитавшийся в свое время величайшим русским поэтом, какому равного нет и во всем мире,— а сколь грустное стихотворение поместил он в последней книжке «Трудолюбивой Пчелы» [4] (1759):

Для множества причин
Противно имя мне писателя и чин;
С Парнаса нисхожу, схожу противу воли,
Во время пущего я жара моево.
И не взойду, по смерть, я больше на нево.
Судьбы моей то доля.
Прощайте, Музы, навсегда.
Я более писать не буду никогда!

Откуда была грусть Сумарокова? — Оттуда ж, откуда приходит грусть и в наше время: потребовала от него канцелярия Академии наук уплатить за типографские работы «двести пятьдесят девять рублев, сорок восем копеек, об уплате которых денег вашему Высокородию сим покорно представлено: ибо без получения денег оных журналов отпущать не велено». Что было делать бригадиру Александру Сумарокову, поэту и издателю «Трудолюбивой Пчелы»? На последней странице недопечатанного журнала поместил он эти стихи, подписал под ними: «Трудолюбивой Пчеле конец», а особо приложил в перепечатке счет типографии, им не оплоченный, и приписочку:

«Я отдаю сие на суд общества и на размышление моих сограждан, могут ли на таком основании быть у нас писатели?»

Сколь труднее быть писателем в наше время, когда существуют еще подоходные и квартирные налоги и счетчики электричества потребленного!

О ПАРИЖЕ

Разные старые книжечки перебирая, наткнешься иной раз на любопытные описания или замечания, так что кажется: точно вчера человек писал. А поглядишь титульную страницу — прошли все сто годов, а то и много больше.

Есть такая книга «Журнал путешествия его высокородия господина статского советника и ордена святого Станислава кавалера Никиты Акинфиевича Демидова». Писан этот журнал в 1771—1773 годах, а издан в Москве в 1786 году.

Никита Акинфиевич Демидов поехал за границу по причине болезни супруги его, Александры Евтиховны. Как

1. БЕСПЕРЕСТАННО А ГОРА ВЛЮБВИ СТОНАЮ,
ПРЕЛЕСТНОИ КРАСОТО ДУХЪ СЕРЦЕ ПРIМАНА
НЕЅНАЮ ДЛА ЧЕВО НЕЛЮБИШЪ ТЫ МЕНА.
ОТВЕТЪ БЫЛЪ: ИСАМА А ЕТОВА НЕЅНАЮ.
2. НАПРАСНО МУЖЪ ГРУСТИШЪ IСЕРЦЕ УНЫВАЕШ.
ЧТО А ЛЮБЛЮ ДРУГИ БИТЬ ТЫ НЕУБЫВАЕШЪ
РАБАТОКЪ ПОЛОНЪ ДОМЪ СПОКОЕЯ IНИШКНИ.
КАКАЯ УБЫЛЬ ТО, КОГДА НЕСЕИ ИЖНИ.
3. ТЫ СКАЅЫВА МНЕ МОИ ДРУГЪ ТВОЯ ЖЕНА,
СТОБСЮ ДЕВКОЮ БЫЛА СОПРЯЖЕНА,
НЕВСЕ ТЫ МНЕ СКАЅАЛЪ А МОВЛЮ БЕЅЪИДЕВКИ
ТЫ ВЅА ТРЕ ДЕВОК ВДРУГ ДВЕ ВБРЮХЕ БЫЛI ДЕ
2.
1.
3.

и в наши времена, «господа медики, ее пользовавшие, употребив многие способы своего знания, напоследок отозвались, что к ее исцелению другого средства они не находят, кроме как ехать к водам, в Спа находящимся». Кроме курорта, посетили Демидовы также много городов, прожив некоторое время и в Париже. Что видели — то записывалось, отчасти рукою самого Никиты Акинфиевича, а затем было издано «...для его фамилии в единственно напамятование тех мест, коих в чужих краях по возможности видеть случилось».

О Париже записал Никита Акинфиевич следующее:

«Здесь от излишнего оказания дружбы беспрестанно обнимаются; а некоторые друг друга терпеть не могут. Народ по большей части занимается операми и другими позорищами».

«Красота женского пола в Париже подобна часовой пружине, которая сходит каждые сутки, равным образом и прелесть их заводится всякое утро; она подобна цвету, который рождается и умирает в один день. Все сие делается притиранием, окроплением, убелением, промыванием. Потом прогоняют бледность и совсем закрывают черный и грубый цвет; напоследок доходит очередь и до помады для намазывания губ и порошка для чищения зубов. Наконец, являются губки, щетки, уховертки и в заключение — лоделаванд, разные духи, эссенции и благоухания; и всякий из сих чистительных составов и сосудов разное имеет свое свойство: надлежит сделать белую кожу, придать себе хорошую тень, загладить морщины на лбу, дать блеск глазам, розовыми учинить губы; словом, надобно до основания переиначить лицо и из старого произвести новое».

«А другие, которые хотят прослыть нежно воспитанными, выключая Аббеев, те питаются супом алоаньюном, оливками, зеленым горохом, произрастениями и другим полуядением, дабы не получить индижестии».

«ОТРАДА В СКУКЕ»

По правде сказать — во все времена к женщине относились не с должным уважением, особенно осмеивая кокетство всякого рода. И в очень многих старинных книжках, рассчитанных на увеселение от легкого чтения, встречаем насмешки на эту тему.

Так вот в книжечке, весьма редкостной, под титлом «Отрада в скуке, или Книга веселия и размышления» (2 части, 1788 г.), читаем на стр. 48 о кокетках, вроде как и в книге предыдущей:

«Кокетка есть искусственная машина, движущаяся, прикрытая белилами, румянами, лентами, кружевами и дорогими каменьями, перетянутая китовыми усами, кои на зло природы делают стан ее хорошим. Сей механический состав имеет говорящие глаза; рот, открывающийся для показания маленьких слоновых косточек, кои по утру в оный вставляются, а к вечеру кладутся в уборный столик. По снятии строения, поставленного на голове, к ночи убывает ее более четвертой доли».

И уж в заключение позвольте из той же книжечки «Отрада в скуке» привести вам преостроумнейший рассказ, способный увеселить и современную аудиторию, как то:

«Очень неприятно иметь злую жену, знают про то бедные мужья, которые мучаются век свой. Один из таковых, наскучив ему безпрестанный шум и брань своей супруги, заказал сделать колыбель в рост жены своей и повесил оную к потолку, посреди комнаты. Сообщив свое намерение двум друзьям своим, он позвал их к себе обедать.

Когда жена его зашумела и зачала по обыкновению бранить его, то он, взяв ее с помощию своих приятелей, спеленал и положил в люльку так, что не могла она пошевелиться, потом стали качать ее. Она кричала изо всей мочи,— но от того сильнее ее баюкали. Напоследок она замолчала. Качальщики остановились. А как она опять начала кричать, то опять ея стали качать. И всякий раз, когда она начинала шуметь, муж нянчил ея помянутым образом. Она исправилась наконец от бранчливого своего обычая».

И хотя, конечно, по просвещенному нашему времени, подобное обращение с лицом женского пола было бы неуместным, однако, с точки зрения чистой литературной простоты, нельзя не усмотреть в приведенном рассказе прекрасную наивность изложения и поучительность общей идеи.

Каковым отрывком и закончим нашу заметку.

[18 апреля 1929 г.]

VII

Прошедшей зимой позволил я себе неоднократно обращать внимание любезного читателя на разные старые книжки, отличные редкостью, а также высоким стилем при забавном содержании, в ответ на что получил письма или на словах мне передано было не раз:

«Что же Вы все про старинное, между тем как на рынке много книг новых, каковыми наиболее и интересуется читатель, как изображающими нынешний день?»

Старому книгоеду это известно,— да область-то не наша! Тут нужно — чтобы по чистой совести отзываться — особый вкус к современности, и как бы попутно не обидеть откровенным словом живущего и пишущего автора, и чтобы всем было приятно,— а это трудно! И притом не раз уже высказано мною, в приличных случаю заметках, что нам, книголюбам, иная книжка прелестна не содержанием изложенных в ней событий, а старинной ее внешностью либо предшествующей иной главе заставкою и сопутствующей концовкой. Новую книгу читатель разрежет костяным ножиком и исследует любопытствующим глазом, вкушая лишь смысл содержания; мы же, книголюбы, иную книжку, извините, нюхаем, обоняя жадною ноздрей аромат протекших годин и, так сказать, пыль, вздыбленную колесницей времени.

И слезы наши — если льем — отличны от слез чувствительной читательницы современного романа: не жалость к такой-то Ирине, напрасно обманутой соответствующим героем Игорем во время совместной их стоянки на курорте Канны или Биарриц, а скорбь о том, что соломенной трухой сменилась прежняя тряпичная бумага, буквы же шлепаются машинным линотипом, экономя место на странице, не думая ни о приличествующих полях, ни о подобающей рамке, ни о глаз ласкающей красе титульного листа, ни о прочности переплета, коим могли бы любоваться и потомки. Ведь вот как мы различны! И оттого

ТАНЦОВАЛЬНОЙ УЧИТЕЛЬ,

Заключающій въ себѣ правила и основанія сего искусства къ пользѣ обоего пола, со многими гравированными фигурами и частію музыки.

Выбраны изъ славнѣйшихъ о семъ искусствѣ писателей, и собственными примѣчаніями дополнены

ИМПЕРАТОРСКАГО Шляхетнаго Сухопутнаго Кадетскаго Корпуса и ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Художествъ Учителемъ

И. К.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

При ИМПЕРАТОРСКОМЪ Шляхетномъ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ, 1794 года

Титульный лист и страница книги

так трудно стало писать о старой книге — не всякий склонен оценить и понять.

И однако, стремясь приблизиться к интересу господствующей современности, позвольте пробудить любопытство хотя бы сравнением прежних и нынешних танцев, имея в виду наступление зимних балов, как то: адвокатский, лекарский или же предстоящий бал писателей и ученых города Парижа и его русских окрестностей.

«ТАНЦОВАЛЬНОЙ УЧИТЕЛЬ»

Настоящим позвольте ознакомить со старинной книжицей «Танцовальной учитель», указывающей, насколько почтенною считалась наука танцевания, не допуская легкомыслия поз и неприличия жестов.

Тут сначала отступлю и приведу отзыв о теперешнем танце танго высокой духовной особы, господина монсинь-

ора Дюшеня, наблюдавшего воочию танцующую пару на семейном вечере. И как слова его были произнесены на французском языке, то лучше так их и оставить: — Sans doute, cette danse nouvelle me parait fort agreable a regarder. Mais je me demande pourquoi elle se danse debout?

В старину же танцы служили иному, как то и видно из книжечек, изданных в Санкт-Петербурге и Москве в годы 1790-й и 1794-й, одна под названием «Танцовальный словарь» [1], другая же под титулом «Танцовальный учитель, заключающий в себе правила и основания сего искусства к пользе обоего пола, со многими гравированными фигурами и частию музыки. Выбраны из славнейших о сем искусстве писателей и собственными примечаниями дополнены императорского шляхетскаго сухопутнаго кадетскаго корпуса и императорской Академии художеств учителем И. К.» [2].

Узнаём мы из этих книжечек, что «танцование, которое философы определяют наукою телодвижений, есть без прекословия одно наидревнейшее из преизящных искусств», что «любовь к танцам была так сильна у греков, что и важнейшие философы оным не гнушались». И действительно, если на нынешних балах можно видеть танцующими даже опытных хирургов и бывших послов... то оправданием им да послужат слова Сократа, сказанные им друзьям своим: «Вы смеетесь, когда я пляшу наподобие молодых юношей; но достоин ли я сего смеха, если я делаю весьма нужное упражнение для моего здоровья? Делаю ли я какую погрешность, когда танцую и привожу в движение мое тело?..» О каковых словах Сократа поведал нам историк Ксенофонт.

В первой главе упомянутого руководства изложены правила: «Каким образом ставить тело и производить разные положения ногами». Во второй главе — «Способ хорошо ступать или ходить». В третьей — «О разных поклонах». В четвертой — «Каким образом должно складывать и надевать шляпу». Далее же излагаются весьма сложные правила знаменитого танца менуэта. И тут сказано: «Иной, обходя вокруг зала и производя весьма худо составленные шаги, думает уже, что знает танцовать менуэт, который, может быть, выучил в две недели или в месяц», что явное

Здраствуйте
почтенные
господа

заблуждение, так как «сей танец самый благородный и важный, а следовательно, и труднейший, и которому, чтобы танцовать его с потребной приятностью и во всей точности, надобно учиться долгое время». И много еще разных наставлений в этой любопытной и редкостной книге, касающихся того, «каким образом входить в зал», «как держать руки женскому полу во время танцования, отводить плеча в разные стороны и о употребляемых в сем танце оборотах головы», а также наставление мужчинам — «как подавать руку женскому полу», чтобы делать это не кое-как, по-нынешнему, а со старинной и чинной «благоприятностью».

И уж на одни рисуночки, на дереве резанные и приложенные к помянутой книжке Ивана Кускова, достаточно взглянуть, чтобы понять, что прежний танец, доставляя обществу должное удовольствие, в то же время был и важным делом, наущая изяществу телодвижений и выделяя благородством осанки. Поистине — не нынешняя трясучка противоестественных отношений, как бы в целях возможно близкого касания. И то сказать: при современных мужеских штанах, достигающих каблука, как и при нагих ногах, едва лишь прикрытых крепдешином дамского воображения,— никакой танец менуэт более не достижим. Вспомним, пожалеем и пройдем мимо!

И опять же, пытаясь сблизить любопытство к старине с интересом чисто современным, позвольте поговорить об образе поэта, как он прежде представлялся и ныне представляться нам продолжает, препровождая указанные портреты стихами.

О СТИХОТВОРЦЕ

Выходил в 1763 году, только недолго, всего шесть месяцев, небезлюбопытный журнал — «Свободные часы» [3], издаваемый тогдашним куратором Московского университета М. М. Херасковым, в сотрудниках же состоял и А. П. Сумароков. Так вот там, в журнальчике, печатались «Остатки или отрывки Зопировы», будто бы найденные на греческом языке, но только это, конечно, остроумная выдумка русского сочинителя. В первой главе означенной Зопировой книги имеется такое изображение стихотворца:

«Если встретится человек, имеющий одни кости и кожу, который так прозрачен, как Пунический фонарь, и так сух, что на солнце можно видеть его внутренния, который сильно ворчит, скребет рукою в голове, грызет ногти и т. п., то бегите, бедные встречные, бегите! ибо ежели кто еще помедлит хотя мало, то едва жив останется. Кто не угадает, что такой человек стихотворец?»

В наше время иным стал стихотворец, деля волосы пробором при помощи жирных составов помады, а ногти не только чисты, а и отпущены без явной надобности, согласно словам Пушкина о возможности этого и для дельного человека. И между тем в плодах музы особой разницы нет, и иной поэт в дни наши занесет в альбом обожаемой девицы стихотворение, малым отличное от нижеследующего, найденного нами в старой книжке «Тысяча и одна песня, для удовольствия песенников и песенниц, исходит в свет. Тетрадь первая. В Санктпетербурге, 1778»:

Ей мою любовь открою,
Внемлен буду от нея,
Очи к ней свои устрою,
И она воззрит на мя.

Или же — это уж из другой старой книжечки — «Олинька, или Первоначальная любовь», 1796 года [4]:

Любовию пылают
И мошки на цветах,
И рыбки воздыхают,
И тает слон в лесах.

И если нам укажут, что современный стихотворец пишет по-новому, позволяя себе порою выражаться даже языком непонятным, называемым заумным, и что, мол, раньше этого никогда не бывало, то попрошу извинения, что это не совсем правильно, потому что и прежние поэты, когда никаких футуристов и в помине не было, позволяли себе подобное же. И вот для примера, хотя бы из той же «Олиньки», четыре стиха:

Премудрость и перефразис! трам, трам, трам!
И ты ляпис-инферналис, трам!
О деньги! деньги, Вавилон! трам!
Гистерика и Купидон! трам!

россiйская универсальная

ГРАММАТИКА,

или

ВСЕОБЩЕЕ ПИСМОСЛОВIЕ,

Предлагающее

легчайшiй способъ основательнаго ученiя рускому языку съ седмью присовокупленiями разныхъ ученыхъ и полезнозабавныхъ вещей.

Clericus es! legito hoec. Laicus! legito ista libenter. Crede mihi, invenies hic quod uterque voles. D. Collis

ИЗДАНО ВО ГРАДѢ СВЯТАГО ПЕТРА.

1769 года.

Титульный лист

А ведь писано в конце XVIII века! А то бывало и еще помене здравого смысла, как найдено мною в другой книге («Торжествующая Минерва», 1763 года,— значит, еще раньше):

Гордость и тщеславие выдумал бес:

Шерин даберин лис тра фа,
Фар, фар, фар, люди ер арцы,
Шинда шиндара,
Транду трандара.

АПТЕКА — ЦЕЛИТЕЛНАЯ СПОХМЕЛЬЯ.
СИА АПТЕКА СОДЕРЖИТЪ ВСѢ ТАИНА ЗЕЛЬЯ КОТОРЫМИ ЛѢЧАТЪ СПОХМЕЛЬЯ
ВИНО МЕДЪ ПИВО ... ОНЫЕ РАЗУМНО УПОТРЕБЛЯТЬ ЧТОБЪ
УМА НЕПОТЕРЯТЬ ... ИМЕННО ПОТРИ РАЗА ВСУТКИ

110.

Это уже, правда, должно быть удивительно для читателя, что даже и настоящая глупость — и то не нынче придумана! И выходит на поверку, что разница только в проборе да в чистых ногтях — и то не всегда. А пишут ныне — как и прежде писали, нового же ничего выдумать невозможно.

СОРНЫЙ ЯЗЫК

Хочу в заключение сказать насчет сорного языка, на который сейчас у нас жалуются. Что правда — то правда, особенно среди беженства, где каждый вносит в речь русскую из чужого языка, так что не всегда и разберешь.

Так вот и это не новость, и раньше на то же жаловались и даже примеры приводили. Так, например, в знаменитой книге Курганова (хотя автор на обложке и не значится) — «Российская универсальная грамматика, или Всеобщее письмословие», изданной «во граде Святаго Петра» в 1769 году, находим мы горестный упрек засорителям русского языка, а именно пишет Курганов, Николай Гаврилыч:

«Всего смешнее,— пишет он,— иной, как попугай, переняв несколько чужих слов, за честь почитает по «бесовски» вводить вновь, мешая их с русскими так: «Я в дистракции и дезеспере; аманта моя зделала мне инфиделите, а я, а ку сюр против риваля своего буду реванжироваться».

И очень сердится, что ввели такие противные слова, как «лорнет» и «имитация», да еще и мамку произвели в «гувернанта».

И подлинно, словно бы фразу, что я привел, услыхал Николай Гаврилович не во граде святого Петра и не 160 лет тому назад, а в наши дни в Пасси либо на Мозаре — одним словом, в русских поселениях Парижа. И что греха таить — проникает этот сорный язык и в российскую литературу, и в тамошнюю, и в изгнании сущую.

Бди же, о русский писатель! и помни прекрасный стих первой «Эпистолы» знаменитого пиита Сумарокова:

Довольно наш язык в себе имеет слов;
Но нет довольнаго числа на нем писцов.

[5 ноября 1929 г.]

VIII

СКОЛЬ МНОГО НЫНЕ ИЗДАЕТСЯ!

В неделю дважды, а то и более обхожу русские книжные лавки, любопытствуя пыльными полочками, на которые другой и не заглянет. Но только больше попусту, потому что настоящей старинной книжки, сердцу близкой, найти не удается. Нынче стали называть антиквариатом не только девятнадцатый, а и текущий век, особенно довоенное. «Вот,— говорит,— глазуновский Тургенев![1]» — или же: «Пожалуйте — Грабаря пять томов, а один сгорел[2]»,— так разве это антиквариат или какая редкость?

Конечно, у нас взгляд особый. Но иной раз, походя, заглянем и на стол с новыми произведениями. До чего много печатают в нынешнем году! И романы, и повести, и по вопросам, и даже журналы казачий и морской. Выдался год очень плодовитый, если судить по началу, и немало авторов и авторш совершенно новых.

Конечно, о дамских книжках пишут в газетах хорошо и вежливо, чтобы не обидеть и сделать приятное; ну, а с мужчинами, особенно молодыми, построже и с нужным внушением.

У нас же, говорю, взгляд особый: какова внешность, любовно издана книжка или только коммерчески? И наши впечатления, нужно сознаться, полны грусти и обиды. В Белграде, например, издают русских писателей в весьма неряшливых обложках, где синим по белому напутано шесть шрифтов, друг к другу не подошедших, верхнее поле зарезано, а букв заглавных, ни обложке, ни титулу не полагающихся, наставлено столько, что вся книга переваливается на левый бок. Или, например, в почтенном новом издательстве... ставят на обложке краску странной бледности, о которой через годик не останется и памяти, иной же раз, например на книжке молодой авторши Галины Кузнецовой[3], не проставлены внизу обложки вторые кавычки. Нам, книголюбам, это весьма заметно и большой удар. А также нельзя с рисованным

клише соединять непохожий шрифт набора, тем портя титул. Отчего бы не последить?

Да, в нынешнем году любителю нового есть что почитать!

И вот невольно мы задумываемся: а каково было сто лет назад? Или каково двести? Или же — триста? Переберешь в памяти юбилейные даты — и нарисуешь себе картину, к каковой и приступим.

ЧЕТЫРЕСТА И ТРИСТА ЛЕТ НАЗАД

По-нашему, сто лет для книги — давность незаметная; двести — уже много; а триста лет для русской книги — прямо седая древность или же, наоборот, невинное младенчество.

В лето по Христе 1630 вышло на русском, конечно церковном, языке ни мало ни много — семь книг: «Антидот», «Имнология», «Верше», «Служебник», «Апостол» да два «Октоиха»,— в Киеве, во Львове и в Москве [4]. Из них истинным праздником было появление «Октоиха, сиречь осьмогласника», потому что был он отпечатан в новой типографии, выстроенной во Львове, взамен типографии сгоревшей. Так и сказано: «Сподвигохомся на дело сие честное, дабы огнем падшуюся типографию паки воздвигнути, еже и со мнозем трудом и иждивением сосуд сей, яко многочестный возставихом». Но книга была не нова, так как за тридцать пять лет перед этим был напечатан в Москве «Октоих» Андроником Тимофеевым, сыном Невежею. Зато эта книга была «с фигурами».

Не нова была и книга «Апостол» с лицевыми фигурами, изданная в Москве в 1630 году. А вот первый «Апостол», переведенный с вулгаты (с латинского языка) доктором Франциском Скориною из Полоцка, был действительно замечателен. Издан он был в Вильне четыреста пять лет тому назад (1525), и только два экземпляра его имеются на свете [5].

Эта книга была прекрасна! Первый ее лист начат и закончен был червлеными буквами, и перед каждым деянием и посланием, перед каждой главой изложено содержание прекрасными словами. Тоже и в конце глав знаменитый переводчик, «в лекарстве и в науках вызво-

ленных (свободных) доктор», непременно от себя прибавлял, что книга эта «в славном месте Виленском выложена и вытиснена. Працею и великою пильностью доктора Франциска Скорины, с Полоцка». И читателю сделаны все указания: «Иметь пак всей книзе мой любимый приятелю, хтож будеши ея чести. Зачала каждаго послания черным вызнаменованы», а также: «Ктому и светки по страницах, яко одно писмо на другое свидетельствует и воедино ся згожают, чорным исправлены роздельне узриши».

Конечно, нынешний типограф (только никак не русский в Париже!) может издать книгу во сколько хочешь красок и любого размера, но той любви, как вкладывали ране в друкарное дело, более уже нет, и никогда та любовь не вернется; была она делом жизни и залогом вечного спасения и прощения человеческих грехов. И счастьем жизни самого друкаря и радостью читателя!

ДВЕСТИ ЛЕТ НАЗАД

Ровно двести лет тому назад, в апреле месяце 1730 года, получил усердный подписчик 36-ю книжку «Камерфурьерскаго журнала», как ...получил сегодня номер «Последних новостей» с настоящими строчками. Этот номер «Камерфурьерскаго журнала» был в своем роде замечателен, так как было в нем не только 72 страницы описания коронации Анны Иоанновны, но и приложен был ценнейший альбом гравюр, исполненных отличными художниками и мастерами. Из всех номеров этот был, пожалуй, самый ценный; сейчас его не найти ни за какие деньги.

Вообще же в те годы литература была скучновата, на любителя. Еще можно было для развлечения читать «Календарь», либо «исторический и генеалогический», вышедший в том же году в Санкт-Петербурге, либо изданный Корвеном-Квасовским в Кенигсберге. Первый был, пожалуй, интереснее; в нем можно было прочитать, что, «когда воздух легок становится, тогда комары высоко летати не могут», и «когда ластовицы купаются, тогда дождь или мрачная погода будут последовать». Что же касается предсказаний политических, то от них тогдашний календарь, не в пример изданиям нынешним, прямо отказался,

признав их невозможными. Стоил такой календарь в простом переплете 12 копеек, а с прокладной бумагой — 18. Были к нему приложены картинки: катанье по льду реки Невы на коньках и на санях с лошадью без дуги, а на второй — та же Нева, но только с кораблями.

Что касается других книг тех времен, то были они не по нашему серьезны. Например, «Флоринова экономия» в девяти книгах, либо же приятная тогдашним вольным каменщикам книга — «Химическая псалтырь, или Философические правила о камне мудрых» [6], написанная Фил. Авр. Феофрастом Парацельсом, чтобы «...показать не столько глупцам, сколько разумным любителям истинной природы основные правила, посредством которых они могли бы построить замки прочные и вернее воздушных».

В те же годы вышел «Указ сената о волшебниках» — книга прередкая.

ПОЛТОРАСТА ЛЕТ НАЗАД

Но вот прошло еще пятьдесят лет — и стала литература гораздо веселее. Вошел в моду господин Вольтер, и вышла его книга «Набат для разбужения королей». Под стать скептическому времени оказалась и философия китайская, отраженная в юбилейной для нас книге (1780) «Описание жизни Конфуция, китайских философов начальника». Из нее прилежный читатель почерпал, что «добродетель состоит в посредственности или средине употребления оной» и что «подлый народ и женщины удобопреклонны к неистовству». В те же годы распевали песенки из комических опер, в том числе из оперы «Февей», лишь к этому времени напечатанной, где были строки:

Как взору ты предстала,
Ах, что я ощущал!
Ты сердцем обладала,
Я взор твой обожал;
Я в сладком упованьи
Любил и воздыхал
И страстные желанья
В надежду обращал.
Умились, согласись
И сама любить склонись!

Но шутки шутками, а тогда же (1780) вышла и книга, имевшая на долгие времена впредь весьма заметное влияние и укрепившая уважение к английской конституции, а именно: «Истолкования аглинских законов Г. Блакстона», напечатанная в типографии Новикова. И было ее влияние настолько сильно, что даже ста годами позже пел Николай Александрович Добролюбов устами поэта Конрада Лилиеншвагера в журнале «Свисток»:

Я подумал о том, как в Британии
Уважаются свято законы,
И в груди закипели рыдания,
Раздались мои громкие стоны...

Да, что греха таить — и в наши дни немало есть правдомыслящих, кои, читая об аглинском парламенте, складывают ручки наподобие молящегося дитяти. Таково великое влияние вышеуказанной юбилейной книжки!

ПОБЛИЖЕ К НАМ — СТО ЛЕТ

Тут стало выходить книг столь много, а газетного пространства у меня осталось так мало, что не знаю что и упомянуть. Иные, конечно, назовут произведения А. Пушкина, мы же, ценя в книге редкость, упомянем писателя и поэта, мало кому ведомого, Николая Павлова, книжечка которого была сожжена и запрещена к обращению, а называлась она «Три повести» [7]. В одной повести («Ятаган») было рассказано про офицера, нанесшего оскорбление действием своему начальнику,— чего потерпеть цензура никак не могла. И было той книжке предпослано посвятительное (Н. В. Чичерину) стихотворение в четыре строчки:

Тебе понятна лжи печать,
Тебе понятна правды краска.
Я не умел ни разу отгадать,
Что в жизни быль, что в жизни сказка.

Такой был странный писатель! Ну, вот его и научили, сжегши его книжку, отличать что от чего полагается.

Деточки же в то время могли читать новую книжку «Черная курица, или Подземные жители» [8].

Настоящим заканчивая сей краткий юбилейный обзор, вновь повторим, что у нас, книголюбов, взгляд и подход особенный. Нам то и интересно, чего другие не замечают. Так, например, любовно и в предвкушении будущей великой библиографической ценности (в содержание, по совести, плохо вникая) поглаживаем мы страницы вышедшего за последние два месяца (номера 1—4) странного и таинственного издания «Математическая идеография». И не в знак какого внутреннего сочувствия, а больше за то, что это издание — автобиографическое, издается же на французском языке в Париже русским автором Яковом Линцбахом. И много в нем значков и рисуночков таких, что приятно смотреть, читать же мудрено, потому что это — фигуральная алгебра и этюд философического языка. Другой и не подозревает,— а старый книгоед такого издания не пропустит, отметит в памяти, сохранит в целости все вышедшие листочки, в будущем же — не сам, так сын либо внук — преподнесет музею книжных редкостей.

Так-то вот собирали люди меню царских обедов и ростопчинские афиши. Дело — пустяк, а на нем построена книжная культура!

[3 марта 1930 г.]

IX

ЖЕЛАЯ ОТДАТЬ ДОЛЖНОЕ

В заметках моих, любезно печатаемых, стараюсь, конечно, приводить любопытное и легкое для чтения, отчасти сопоставляя с современностью. Долгих рассуждений читатель не любит, а охотно смотрит, нет ли стишка, над которым можно посмеяться, или еще что позамысловатее. Однако хочется порою отдать долг и авторам высокоблагородных статей, ныне ставших редкостью, или же, наоборот, отметить затемнителей совести и дурных советчиков, также оставивших немало книг редкостных и ненаходимых в обычных библиотеках.

И в том еще отношении полезно, что указывает, как топчемся мы на одном месте, как проходят иногда сотни лет, а благородная мысль опять и опять возникает, и люди пишут, а все остается по-старому, а то и хуже старого. И хочется тогда спросить такого борца: «Чего ждешь и на что надеешься? Или не видишь, что отклик идеям твоим гаснет и заглушается злобой, в мире царящей? Не напрасен ли ты, как напрасна твоя жертвенность?»

Был, например, достаточно известный публицист и даже поэт Иван Петрович Пнин, незаконнорожденный сын Репнина, служивший как в артиллерии, так и по народному просвещению. И тем был замечателен, что веровал в человека и в торжество нравственности. О нем написано в словарях и в истории, но мало кто мог видеть и читать его книжку «Опыт о просвещении относительно к России» [1], вышедшую в Санкт-Петербурге в 1804 году и, однако, отобранную в свое время во всех книжных лавках по случаю новости и смелости предмета рассуждения, почему и стала величайшей редкостью, никогда не будучи перепечатана. И однако, текст ее имею перед собой и охотно делюсь с читателем благородством ее мыслей. На изнанке титульного ее листа напечатано: «Блаженны те государи и те страны, где гражданин, имея свободу

мыслить, может безбоязненно сообщать истины, заключающие в себе благо общественное».

Чем же это провинился упомянутый И. П. Пнин, что уничтожили его книгу и даже сам он скончался в следующем по ее издании году?

Он не считал, что человек по природе своей родится прекрасным, а совсем наоборот: в качестве естественного человека он — дик, и нельзя его наделять правами, пока он не ощутил в себе гражданина. Начальство же и правительство могут достигнуть всего хорошим законодательством, озарив его моральную сферу. И поскольку русский народ состоит из земледельцев, мещан, дворян и духовенства, постольку каждое из этих сословий нужно образовывать и воспитывать особым образом. Так, крестьянство нужно обучать земледелию и трудолюбию, непременно наделив его собственностью. Предметами преподавания должны быть: сельская механика, обрабатывание земель, воспитание скота, арифметика и познание о государстве и начальствующих властях. Мещан обучать чтению, чистописанию, физике, частному познанию Российской империи, бухгалтерии, познанию товаров и сокращению всего человеческого познания и диэтетики. Дворян обучать не только военному делу, но и юриспруденции, внушая им уважение также и к статской службе. Духовенство же следует обеспечить, чтобы оно не зависело от треб, а обучать не древним языкам, а языку простому, русскому, а также декламации. Вообще же следует поощрять наградами способности всех сословий. И еще советует Пнин заботиться о театрах, платя артистам русского происхождения не менее жалованья, чем иностранцам. Таким образом все «главнейшие государственные части будут приведены в надлежащий порядок».

И вот за такие-то благородные мысли книжечку отобрали и сожгли!

Правда, в одах своих Иван Петрович огорчался тяжелым положением крепостных, потому что он хотел возвысить человека и освободить его от постыдного звания «червя́», каковое было дано человеку поэтом Державиным [2].

Какой ум слабый, униженный
Тебе дать имя червя смел?

вопрошает Иван Петрович и возглашает наоборот:

Ты царь земли — ты царь вселенной,
Хотя ничто в сравненьи с ней.
Хотя ты прах один возженный,
Но мыслию велик своей.

Ну, а за этакие слова по головке, конечно, не гладят! Хороший был человек и талантливый писатель — и вот пострадал.

ПРОТИВ ПРЕДРАССУДКОВ

Насчет правильности воспитания сомневался также и иностранец г. Сальг, книга которого была переведена на русский язык, отпечатана и стала большой редкостью. Ее титул: «О заблуждениях и предрассудках, господствующих в различных сословиях общества» (1836).

Откуда предрассудки? От изучения древних басен. Плиний, например, писал, что есть род морской миноги, называемой четоча, которая одарена такой необычайной силою в зубах, что может одна остановить целый корабль. А между тем миноги довольно вкусны и их самих может остановить рука любого повара. Следует поэтому разъяснять учащимся, что при попутном ветре любой корабль может утащить за собой миногу, как бы она ни вцеплялась в него зубами.

Или, например, греческие писатели уверяют, будто бы лев боится пения петуха. И что же говорит нам опыт? Опыт говорит, что если петуха посадить в клетку льва, то сколько петух ни распевай, а лев его скушает. Неправда также, что есть люди с собачьими и оленьими головами или с одной ногой, на которой они и скачут. Или что крот слеп, а лебедь поет перед смертью, а олени, карпы и попугаи живут почти столько же, сколько жил Мафусаил. Или что Аннибал рассек Альпы с помощью уксуса, или что трупы мужчин плывут спиной вниз, а трупы женщин — спиною вверх. А сколько об этом написали Геродот, Ксенофонт, Плутарх, Тит Ливий и другие писатели древности! К предрассудкам относятся также рассуждения об атомистической философии и о действиях симпатии.

Нужно читать книги людей, писавших против заблуждений, и изучать науку естественную историю. Помогают также опыты. Например, крестьяне утверждают, что овцы чуют присутствие волка. И вот знаменитый ученый Кирхер взял да и повесил волчье сердце на шею овце. И что же? А то, что овца продолжала преспокойно щипать травку на прекрасном лугу.

Настоящую книжку, написанную просвещенным человеком, полагаю полезной для тех лиц дамского пола, которые носят и посейчас амулеточки или ходят гадать на картах ко многочисленным Тухолкам и Падалкам, желая от них узнать, любит ли их любимый ими господин...

ТУТ ВЗВОЛНУЕТСЯ И СТАРЫЙ КНИГОЕД

К благородным же книжным редкостям отнесу и записку «Об уничтожении телесных наказаний в Российской империи и Царстве Польском», написанную князем П. А. Орловым в 1861 году; у книголюбов она встречается в оттиске из журнала «Русская старина» [3].

Мы очень любим вспоминать о нашем «добром старом времени». И правда, к тому времени уже перестали в России рвать ноздри, каковая мера наказания незадолго перед тем еще включалась в карательную систему. Однако драть — драли, и даже говорит князь Орлов: «...У нас бьют всякого, кто только дает себя бить». Сам же он, князь и автор статьи, держался того мнения, что «в России можно обойтись и без плетей и без смертной казни». И считал, что такие меры не только вредны и безнравственны, но и унизительны для нашей страны<...>

Сколько господ профессоров защищают смертную казнь? Не во всей ли Европе убивают по суду человека? Не вы ли, читатель, выносили свой протест «против безсудных казней», тем самым как бы утверждая возможность казней по суду? Нет, рано нам забывать благородных мыслителей и смелых писателей!

Нам, книжникам, волноваться не годится; мы с мудрым спокойствием подходим к старой книге, стараясь забыть о злобах дня сего. Но бывает, что невозможно удержаться.

Главное — что нам грустно? Вот писали люди в разные

времена хорошие мысли и слова, и ценилось это, и читалось,— а мир все на том же месте топчется, и скучно нашей совести — томится она и покрывается ржавчиной.

Извиняясь за отступление, постараюсь закончить мои заметки более веселым и общедоступным, как бы имея в виду всякому человеку необходимый дивертисмент.

КАК НУЖНО НЮХАТЬ?

По поводу слова «табак» выше вспомнилась мне редкая книжка конца позапрошлого века (1788) «Отрада в скуке, или Книга веселия и размышления». В ее предисловии сказано: «Книга эта из числа таковых, которые по разнообразию и приятному содержанию научают, увеселяют и даже смешат. Она похожа на английский сад, в котором сверх чаяния встречаются поразительнейшие предметы».

И вот в этой книге, на странице 47, напечатано наставление по части «табачной экзерциции», касающееся, впрочем, не папиросы или сигары или же трубки, а нюханья, по тем временам очень распространенного, ныне же почему-то забытого, хотя, при наличии хорошей табакерки и если положить внутрь «малинку», приятности, по нашему мнению, не утратило. И дает автор книги такие советы нюхательщикам:

1. Возьми табакерку в правую руку;
2. Переложи в левую;
3. Постучи по табакерке;
4. Открой табакерку;
5. Потчевай из табакерки;
6. Прими табакерку назад;
7. Сровни табак в табакерке, постучав по ней;
8. Понюхай табаку правой рукой;
9. Держи табак несколько времени в перстах, не нося его к носу;
10. Поднеси табак к носу;
11. Нюхни вдруг обеими ноздрями, не кривляясь;
12. Закрой табакерку, утирайся, харкай, плюй, сморкайся в красный платок.

Вот так двенадцать заповедей! А про то, чтобы чихнуть,— забыто!

[21 марта 1930 г.]

X

ПОЗДРАВЛЯЮ!

Честь имею поздравить редакцию газеты с десятилетием! Вот как раз и старый книгоед печатает у вас свою десятую статеечку о старых книгах — как бы тоже юбилей.

Между книгой и газетой разница большая. Книга на десятый год еще совсем молода, даже говорить о ней не приходится, для нее и сто лет — не старость. А газетный лист иной раз и назавтра стар.

Пусть читатель попробует порыться у себя и отыскать прошлогодний номер за тот же день. Где его найдешь? Давным-давно на что-нибудь употреблен, и памяти не осталось. Уж на что в библиотеках — и то не всегда можно найти; только очень большие любители сохраняют...

Так вот...

КОГДА ЭТО ЗАВЕЛОСЬ?

В сей юбилейный день позвольте поговорить, кто и когда изобрел газету. Впервые о том рассказано на русском языке в «Исторических, генеалогических и географических примечаниях в Ведомостях на 1729 год», которые издавались при Академии наук в Санкт-Петербурге. И рассказано так:

«Ежели по нынешнему определению говорить, то не находится во оном древнейшего следу, нигде как у италианцов в 16 секуле (веке). Звание газетов (ведомостей) тогда такожде от оных произошло, а то от некоторой малой монеты, которая от них газета именовалась, и всегда за читание оных ведомостей плачена бывала. И так должны мы италианцам первое благодарение за вымышление так полезного и приятного дела отдавать».

Позже моду на газеты завели французы, и первым издателем был «славный Ронодо, бывший медикус в Монтпелье-ре». Затем появились «месячные писма» в Голландии и в

Германии, а в 1703 году, заботами Петра Великого, вышла первая газета и у нас в России.

Петровская газетка была неважная и не всякому удобопонятна; печатались в ней только официальные сведения. Когда же печатание «Ведомостей» перешло из Москвы в Петербург, а редакцию взял в свои руки историограф Г. Ф. Миллер, стало поинтереснее, даже и для широкой публики. Стала газета выходить дважды в неделю, по вторникам и пятницам, появились разные сообщения из-за границы, так что, например, в ном[ере] 20 от 12 февраля 1729 года можно прочесть следующее:

«Из Лондона. Некоторый из здешних купцов получил из Александрии из Египта некоторую преизрядную египетскую мумию (мертвое тело), которая по рассуждению Академии наук с 3000 лет лежала; и сия мумия телом некоторой королевы быть имеет».

Вон еще с каких пор начали англичане заниматься этим делом!

Или, например, пишут из Парижа 28 дня генваря: «О чреватстве королевы чинят обнадеживание с подлинными обстоятельствами, о котором при дворе боле не сумневаются». И есть также рассказ о загробном явлении, начинающийся так: «Некоторая дамская персона имела здесь на сих днях с духом некоторого кавалера, некторои особливои случаи, как оная с некоторыми добрыми приятелями при ломберном столе сидела, и со оными приятелями в ломбр играла, вызвана она в другои покои, где она помянутого духа ей довольно знаемого кавалера нашла; но она то не за такого духа, но за самого оного кавалера признавала, понеже она о преставлении его еще весма неизвестна была, и зело удивилась она, что он в лице так зело бледен и применен быть казался».

И дальше все случилось совершенно так, как случается и у нынешних спиритов под начальством писателя Конан-Дойля, о чем и посейчас в газетах иногда сообщается.

Можно также найти и о театре, так как был и этот отдел. «В среду 17 дня сего месяца (сентября), ради щастливого рождения тамошнего Принца, здешние французские комедианты безденежно играть будут и к тому всех охотников призывают. Во онои комедии будет пред-

ставлен: ле-Педан скрупулес, или совестныи школьныи мастер».

С того же 1729 года стали при газете печататься и статьи совсем как ныне, но только как бы особо, в виде «Примечаниев»: описания торжеств, легкие статьи, стихотворения и всякий иной материал. Писали их больше академики, конечно — немцы, а переводили на русский язык Адодуров [1], Тредиаковский и другие.

ДОБРОХОТНОМУ ЧИТАТЕЛЮ

Я считаю так, что уж наверное в сей день юбилея поместят «Последние новости» свое обращение к читателю...

Этот обычай тоже стар и неизменен. И раньше, такую статью начиная, вперед нее ставили слова:

«Доброхотному российскому читателю радоватися!» или же просто: «Благосклонному читателю!»

И дальше писал сам редактор:

«При сем подается тебе паки начатие некоторых новых трудов, которые токмо ради увеселения тебя и ради твоей пользы и восприяты. Ко исполнению сего намерения собрались разные персоны, из которых всякий трудиться будет, к пользе и к удовольствию читателей нечто сообщать».

И тут рассказывалось, о чем будут впредь сообщения. Но, осведомляя читателя и даже поучая его, тогдашняя редакция предупреждала, что каких-нибудь особенных идей она распространять не собирается. «Сие наперед себе выговариваем, чтобы от нас так имянуемые резонементы или рассуждения не ожидать. Сие есть нашему намерению противно, которое токмо туды склоняется, чтобы оными публичные ведомости нашим читателям толь лутче и вразумительнее изъяснять».

Неуспешности или плохого тиража тогдашний издатель не боялся, ибо «...есть дело о ведомостях, бесспорно, в такой великой моде, как оное никогда не бывало». А уж дело самого читателя решать, для чего ему потребна газета. Потому и писалось: «Любезный читатель, ты будешь оные употреблять по твоему соизволению, изволишь ли оные того удостоить, чтобы тебе оными несколько празд-

ных окомгновений препровождать, или ты оные к чему последнейшему употреблять изволишь».

В конце же издатель вручал себя «любви и склонности» любезного читателя, прибавляя: «А в протчем ничего более не желаем, как всякому угодным быть. Благосклонного читателя к службе охотнейший слуга издатель».

Времена, конечно, переменились, и нынешняя газета не только рассказывает о мумиях и чреватстве высокопоставленных дам, а позволяет себе также и резонементы. Иной раз из-за этих резонементов выходят между разными газетами большие неприятности или, по-нынешнему, полемика: ты, мол, левый, а я правый,— вот и получи на свою голову по двадцатое число! А тот со своей стороны тоже старается сказать неприятность. Но общее намерение остается прежним: сделать удовольствие читателю. Для чего, например, пишет свои заметки старый книгоед? Для того лишь, чтобы мог благосклонный читатель «...оными несколько праздных окомгновений препровождать...». Пробежит глазками, зевнет, потянется,— и вот тебе, писатель, награда за усердный твой труд! А из дому выходя, завернет в номер газеты старые башмаки, намереваясь отдать таковые в починку.

И кто же, однако, не скажет, что труд наш есть благородный!

НАМ-ТО ХОРОШО!

В заключение же позвольте взаимно порадоваться, что мысли свои и наилучшие думы мы здесь печатаем без особой оглядки и с достаточной свободой. Такое благо, ох, как велико!.. И в нынешней, и в предыдущей истории нашей страны газета весьма страдала от неприятностей, проистекавших обильно от цензурного ведомства, так что приходилось говорить не то, что по совести думаешь, и не так, как сказать хочется. То же и с книжками, иные из которых выходить выходили, конечно, по недоглядке, а потом сожигались с последствиями для авторов.

Таковой случай был, например, с редкой ныне книжкой «Двенадцать спящих будочников», довольно поучительной балладой, написанной в подражание Жуковскому писате-

лем Елистратом Фитюлькиным, хотя и предполагаю, что это не подлинная его фамилия. Издана книжка в университетской типографии в Москве в 1833 году [2], тексту же ее предпослано стихотворное предисловие, которое является наилучшим доказательством, что лаской можно задобрить и жестокого цензора, хотя после все равно придется отвечать за неслыханную свою смелость:

Цензурушка,
Голубушка,
Нельзя ли пропустить?
Я Господа
О здравии
Твоем буду молить.
Свободу я
Тиснения
Всегда буду бранить.
Цензурушка,
Голубушка,
Нельзя ли пропустить?

Пропустить-то она пропустила, вняв поэтическому молению. А после вся книжка в магазинах была отобрана, правда, не за эти слова, а за насмешку над полицией, в тексте ее властями усмотренную.

И уж действительно: если и полицию не уважать — что же святого останется!

[26 апреля 1930 г.]

XI

ОЦЕНИВАЮ ЧЕЛОВЕКА

Сразу поймешь человека, когда он стоит перед вашими книжными полочками! Приходит к вам: «здрасте — здрасте», сядет в кресло около самых книг, глазом покосится и начнет разговор про то, что читали ли нынче, какая вышла катастрофа в метро и нордсюде, и что Дон-Аминадо [1] пишет по индийскому вопросу свои стихи. Разговариваем, а мне удивительно, как это, около самых книг сидя, человек не взглянет пристально на редкости. У меня, например, в первом издании сказки Афанасьева, и в отличных переплетах, на уровне самого его носа, и хоть бы чихнул!

И вижу — человек не настоящий. То есть, конечно, хороший человек и в своих интересах весьма обстоятельный, при синем галстуке, носки с должной просинью и пробор на волосах, все отлично,— но не нашего полета, не из книголюбов. Иной раз стараюсь занять разговором, что вот у Березина-Ширяева [2] неправильно указан год издания,— и сразу человек начинает как бы внутренне позевывать, зачем пришел; я, говорит, очень тороплюсь домой, извините. Ну что же — до свиданья!

Другой же человек, только вошел — сразу ко мне спиной — и прилип к полкам. «Неужто,— говорит,— у вас есть третий том словаря Геннади?» [3] И тут я весь как бы в сиянье счастья, потому что этого человека я скоро не отпущу, дам ему понюхать и Губерти [4], и Бурцева, и Сопикова, и Обольянинова [5], и какая у меня грамматика издания Академии [6], и стопочка песенников от Ильинских ворот, и найдется гравюрка великого Уткина [7], и снегиревское писанье о лубочных картинках [8], и кое-что по части книжного знака, а в заключенье развяжу бантики самодельной папочки и поражу человека моей гордостью — «Щеголеватой аптекой».

Мало у меня, сущие пустяки — но обвеяно любовью и скреплено в корешочках душевною привязанностью, потому что рождено до нас и нас переживет, а радости в мире

так мало. Показываю книжку за книжкой, а в горле моем дрожит комочек нервных переживаний,— и, ясно вижу, он тоже волнуется, спешит рассказать, какая у него была редкость в бытность его в Москве, когда посещал книготорговлю Шибанова. И ему хочется больше порассказать, и я тороплюсь выложить свое,— и не можем наговориться, так что в дверь мне тихо постукивают и спрашивают: «Что же он, гость-то, останется обедать или как?» Но даже и такое предупреждение не может сразу облагоразумить.

Вот это, значит, попался свой человек, книголюб сумасбродный!

Так и расцениваю человека.

ОПЕЧАТОЧКА

Но, конечно, таких спецов, пронырливых и пролазливых, как были в Москве, здесь не найдешь. Вымирает благородное племя! Народились изучатели, книжники с образованием,— а самородкам, пламенным, догадливым и дотошным, истинным нюхателям старой книжки, пришел конец.

Помню, однажды довелось мне продавать с аукциона собрание библиографических книг и прочих ценностей этого порядка. По зову собрались серые люди: степенные, задумчивые, плохие со стороны туалета, но своего дела артисты. В душе буря — на лице ничего не прочтешь.

Мое дело простое: называл титул, год издания да постукивал молоточком. Сидят, понурив головы, кое-что без особого восторга берут, друг у друга не перебивая. Все сидели за большим столом, поближе ко мне — старичок в поддевке, с краю — молодой человек, к остальным почтительный. Сколько у кого в кармане денег — неизвестно.

Скажешь: «Сопиков, «Опыт российской библиографии», тринадцатого года, все томы в наличности, страницы тож». Старик погладит бороду, тихо спрашивает:

— А двести пятьдесятая есть?

— Двести пятьдесятая страничка, извините, пустая!

Молчат. Взять взяли, цены не вздымая. На упомянутой же странице, как известно, сняла цензура «Путешествие...» Радищева, и осталось лишь в редких экземплярах.

ОПЫТЪ
РОССІЙСКОЙ БИБЛІОГРАФІИ,
или
ПОЛНЫЙ СЛОВАРЬ
сочиненій и переводовъ,
напечатанныхъ на Славенскомъ и Россійскомъ языкахъ отъ начала заведенія типографій, до 1813 года,
съ предисловіемъ, служащимъ введеніемъ въ сію Науку, совершенно новую въ Россіи, съ Исторіею о началѣ и успѣхахъ книгопечатанія какъ въ Европѣ вообще, такъ и особенно въ Россіи, съ примѣчаніями о древнихъ рѣдкихъ книгахъ и ихъ изданіяхъ, и съ краткими изъ оныхъ выписками.
Собранный изъ достовѣрныхъ источниковъ
Васильемъ Сопиковымъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
въ Типографіи Императорскаго Театра,
1813 года.

Титульный лист

— Журнал «Библиофил» [9], полностью, все года, все номера!

Никакого внимания. Двое набавили по десятке, досталось молодому. А журнал хороший.

— «Фелица» Державина, первое печатание [10]; в том же переплете рукописное, без особой ценности.

О «Фелице» поспорили, тщательно книгу посмотрев. Но чтобы буря вышла — этого нет. Купил старик.

Тогда говорю:

— Номерок газеты «Правительственный вестник», со сведением о пребывании императорских величеств. Желающие могут посмотреть. Старый номерок.

Все головы подняли. Вижу только, что молодой обеспокоен: ничего не понимает, чем номерок замечателен.

Старичок погладил газету, одним глазом глянул — как раз куда следует. Но виду никто не подает.

Старик небрежно спрашивает:

— Какова оценка?

— А как, говорю, полагаете возможным?

— Да что же, я полтинник предложить готов.

— Так,— говорю.— Однако торг начнем с четвертного билета.

Молодой так и вспыхнул: все знают, а он не знает! И вот тут пошло. Обычно букинисты уступают друг другу, ну а тут стали набивать — и набили цену до семидесяти пяти рублей. За стариком и остался старый газетный номер.

Читателю, конечно, вряд ли понятно, я же подробно объяснить не могу ввиду колебания нравственности. Скажу только, что вышла одна знаменитая опечатка, и не опечатка даже, а просто у одной буквы отпала палочка, а остался кружочек — и вышло такое дело, что полиция отбирала номера, чем и прославила сию опечатку,— а то бы иные не заметили. А весь Питер от хохота корчился!

Любят эти вещи собиратели редкостей, до страсти обожают! По совести же говоря, этот интерес не настоящий: не истинная любовь к печатному изданию, а просто коллекционерство, вроде марочного либо же в рассуждении кармана: чтобы перепродать с прибылью.

Но в том дело, что приятно смотреть на знающих людей: эти не ошибутся! И страничку помнят, и где какая буква не вполне вышла, и все прочее знают назубок. И когда они промеж себя беседуют — постороннему человеку ничего не понять: почему люди на прекрасные темы не обращают должного внимания, а из-за иной плохонькой брошюрки готовы лезть на стену? И уж тогда друг с другом бьются — как лютые враги.

«РАДИЩЕВСКАЯ»

Упомянуто мною выше, что в «Опыте...» Сопикова осталась чистой страница двести пятидесятая, заполнена же лишь в весьма немногих экземплярах. Самая книжка всем теперь известна: «Путешествие из Петербурга в Москву», сочинение коллежского советника Александра Радищева. И эпиграф к ней: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй». Печатана она в 1790 году. В первом издании книжка эта прередка: вышло в свет не более 30 экземпляров, а остались известными меньше пятнадцати [11]. И однако, здесь, в городе Париже, держал я в руках сей редкий экземпляр, происхождением из личной библиотеки знаменитого книголюба Остроглазова [12], перешедший в другие руки и вывезенный за границу. Ныне этот прелестный томик находится в библиотеке покойного С. Дягилева [13], каковая, если верны наши сведения, к слезам и горю всякого ценителя книги, скоро пойдет в розницу с молотка. А редкостей в этой библиотеке очень много [14], есть даже книги русские колыбельные, по ученому — инкунабулы, вплоть до самого первопечатника Ивана Федорова.

Что же выбросила цензура у Сопикова со знаменитой страницы?

Смешно сказать: милые и безвинные строки, каковые для удовольствия читателя и ввиду трогательной их нежности позволю себе здесь полностью привести с вышеназванной изъятой «радищевской» страницы:

Приписание

А. М. К.

Любезнейшему другу

«Что бы разум и сердце произвести ни хотели, тебе оно, о! сочувственник мой! посвящено да будет. Хотя мнения мои о многих вещах различествуют с твоими, но сердце твое бьет моему согласно — и ты мой друг. Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала; обратил взоры мои во внутренность мою и узрел, что бедствия человека происходят от человека,— и часто от того только, что он взирает не прямо на окружающие его предметы. Ужели, вещал я сам себе, природа толико скупа была к своим чадам, что от блудящего невинно сокрыла истину на веки?

Ужели сия грозная мачеха произвела нас для того, чтобы чувствовали мы бедствия, а блаженство николи? Разум мой вострепетал от сея мысли, и сердце мое далеко ее от себя оттолкнуло. Я человеку нашел утешителя в нем самом. Отъими завесу от очей природного чувствования — и блажен буду.

Сей глас природы раздавался громко в сложении моем; воспрянул я от уныния моего, в которое повергли меня чувствительность и сострадание; я ощутил в себе довольно сил, чтобы противиться заблуждению, и — веселие неизреченное! я почувствовал, что возможно всякому соучастником быть в благоденствии себе подобных. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь. Но если,— говорил я сам себе,— я найду кого-либо, кто намерение мое одобрит; кто ради благой цели не опорочит неудачное изображение мысли; кто состраждет со мною над бедствиями собратии своей; кто в шествии моем меня подкрепит; не сугубой ли плод произойдет от подъятого мною труда?.. Почто, почто мне искать далеко кого-либо? Мой друг! ты близ моего сердца живешь и имя твое да озарит сие начало».

Посвящение сие сделано было Алексею Михайловичу Кутузову.

УСТРИЦЫ

Как известно, в «Путешествии...», в шестой главе, Радищев не только осыпал благородным негодованием Потемкина, любимца императрицы Екатерины, но и о самой государыне позволил себе заикнуться, чем вызвал ее гнев и снискал себе самому погибель.

И вот какую критику написала сама гордая императрица на книгу злосчастного сочинителя:

«Намерение сей книги на всяком листе видно; сочинитель оной исполнен и заражен французским заблуждением, ищет и выищивает все возможное к умалению почтения к власти и властям, к приведению народу в негодование противу начальников и начальству.

Он же едва ль не мартинист [15] или чего подобное знание имеет довольно и многих книг читал. Сложение унылого и все видит в темночерном виде, следовательно черножелтого

вида. Воображение имеет довольно, и на письме довольно дерзок».

Очевидно — весьма изволили разгневаться, потому что обычно изволили писать гораздо грамотнее!

И из-за чего все вышло? Лишь из-за того, что сказано про Потемкина, будто «пристрастился он к устрицам, как брюхатая баба: спит и видит, чтобы устрицы кушать; когда приходит пора, то нет никому покою».

Из-за подобного пустяка — погиб человек! Вы же, любезный читатель, эти устрицы кушаете, и никто вас не осуждает, и никто через это не может жестоко пострадать.

Откуда следует, что времена переменились много к лучшему.

[3 мая 1930 г.]

XII

СО ВСЯКИМ СЛУЧАЕТСЯ

Со всяким любителем старины могут случиться ошибочки. Вот ныне англичане увлекаются гробницей Александра Македонского — очень хотят найти ее. И на днях в Лондон телеграфировали из Каира, а из Лондона в Париж, по всем газетам, также и русским, что гробницу великого полководца надеются отыскать по указаниям Геродота, который в своих сочинениях упоминает о «богатой колеснице», влекомой несколькими десятками волов вдоль реки Евфрата и двигавшейся по направлению к западу,— в колеснице же и было, по-видимому, тело Александра, когда везли его хоронить в Александрию.

Вот как помогает чтение старых книжек! Хотя, конечно, если читать их спокойнее и внимательнее, то нельзя не удивиться, как это догадался историк Геродот, в бозе почивший лет за сто до Александра Македонского, описать его похороны? Пожалуй, такую телеграмму по всему миру посылать не следовало. И было бы лучше, книжечку Геродота поставивши обратно на полку, почитать на сон грядущий историка Диодора, который относительно похорон был вполне осведомлен, так что даже и догадываться не о чем.

Это так, к слову. Поговорить же подробнее полагаю сегодня о том, как уважал старую книгу Иван Сергеевич Тургенев, хотя обозначал титулы книжек не всегда с подобающей точностью.

«СИМВОЛЫ И ЭМБЛЕМАТА»

Рассказывается в «Дворянском гнезде», как воспитывали Федю Лаврецкого. «По воскресеньям, после обедни, позволяли ему играть, то есть давали ему толстую книгу, таинственную книгу, сочинение некоего Максимовича-Амбодика, под заглавием «Символы и Эмблемы». В этой книге помещалось около тысячи весьма загадочных рисунков, с столь же загадочными толкованиями на пяти языках.

Купидон с голым и пухлым телом играл большую роль в этих рисунках. К одному из них, под заглавием «Шафраны и радуга», относилось толкование: «Действие сего есть большее»; против другого, изображавшего «Цаплю, летящую с фиалковым цветком во рту», стояла надпись: «Тебе все они суть известны». «Купидон и медведь, лижущий своего медвежонка» означали: «Мало-помалу» [1].

Здесь Иван Сергеевич Тургенев рассказал по памяти о знаменитейшей книге, ставшей ныне даже в последующих изданиях великой редкостью. Но ошибочки знаменитый писатель все же не избежал.

Автор книги не Максимович-Амбодик, а составлена она из сочинений Катса, Гейнзия, Ремера Фишера и многих других. Издана была в Амстердаме по приказу Петра Великого в 1705 году с подлинника, там же изданного в 1691-м. В заглавии находится портрет Петра работы Готфрида Кнеллера, нарисованный им в 1698 году «с окружающими его приличными емвлемами и символами». Из этих эмблем некоторые были Петром использованы для собственных печатей. Подлинник книги издан был на восьми языках. О петровском издании рассказано в «Деле» 1718 года, что найдено этой книги в посольском приказе 775 экземпляров, из которых сгнили от сырости 165, а остальные пущены в продажу. Но надо думать, что и из остальных много сгнило, потому что книга эта в России и в Голландии прередка.

Но не это издание видел Тургенев и читал его герой Лаврецкий, а либо второе, либо третье русское ее издание, исправленное Нестором Максимовичем-Амбодиком, доктором и профессором медицины, и всего на пяти языках. Было в нем 840 эмблем с текстом и 23 виньета. Второе издание — 1788 года, а третье — 1811-го, с посвящением Александру I. Смысл же этой книги был таков: «Как тело и душа, будучи воедино сопряжены, соделывают естественную связь человека, так известные образы и слова, вместе сложены будучи, составляют совершенный смысл и человеческим очам представляют вразумительные емвлемы и символы».

И были в книге не одни купидоны, а и лучезарное солнце, и гора, окруженная морем, и лев, грызущий собаку, и рука, выказывающаяся из облаков, обутая в латы и держащая меч и масличную ветвь, и Геркулес с земным шаром за плечами,

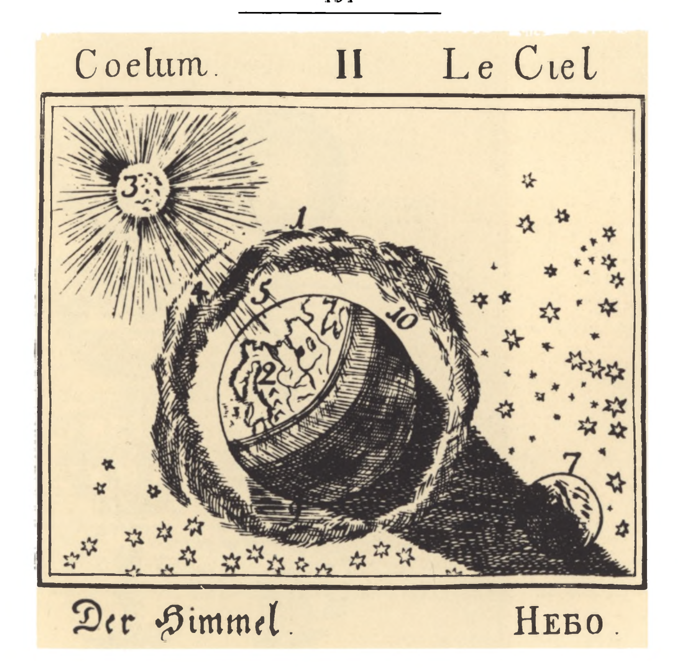

Иллюстрации к книге «Символы и эмблематы»

и человек с лопатой, и кричащий петух, и сова у дерева, и аллеи деревьев, и много любопытного, чем мог насладиться мальчик Федя Лаврецкий.

Скажем даже так: читал Федя, несомненно, третье издание, озаглавленное «Емвлемы и символы избранные»; так и по времени выходит. Потому что первого, амстердамского быть не могло, а второе в такой семье, да еще при допущении его в детскую, давно бы истрепалось. Третье же и по сорту бумаги, и по оттискам изображений было много похуже, так что не так жалко давать для забавы детям [2].

Для любопытствующих добавим, что первое и знаменитое издание «Символов...» значится в списке книг библиотеки

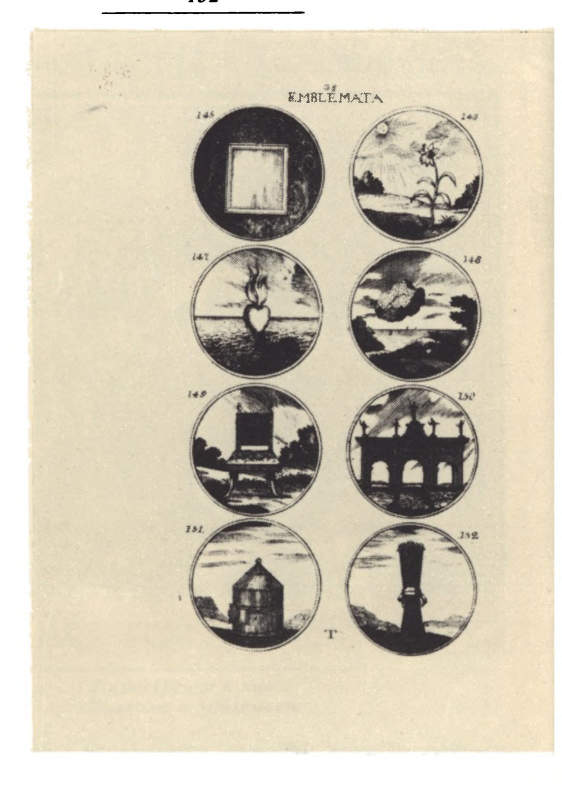

покойного Сергея Дягилева, назначенной к продаже в Париже.

ЕЩЕ КНИЖКИ ИВАНА СЕРГЕЕВИЧА

Любил наш писатель хорошие старые книжки и о многих упоминал в своих сочинениях.

Вот, например, Мартын Петрович («Степной король Лир»), когда находила на него меланхолия, запирался в комнате и приказывал казачку Максимке читать вслух томик новиковского «Покоящегося трудолюбца» [3], и Максимка жарил по складам: «Но человек страстный выводит из сего

Разворот из книги «Символы и эмблемата»

пустого места, которое он находит в тварях, совсем противные следствия. Каждая тварь особо, сказывает он, не сильна сделать меня счастливым».

Взято это место Тургеневым из части 3-й «Трудолюбца» 1785 года со страницы 23, строка сверху 11-я. А самое издание носило такой титул: «Покоящийся трудолюбец, заключающий в себе богословские, философические, нравоучи-

39

SYMBOLA.

145. *Зеркало.*

Отъ движенія свѣтлѣе. Чѣмъ больше меня движутъ, тѣмъ ярчае сіяю. Splendidior motu. Je suis plus brillant, quand on m'agite. Je mehr man mich bewegt, je mehr ich glänze. I twinkels more beig stirred.

146. *Солнечникъ.*

Мои желанія его теченію послѣдуютъ. Vota sequuntur euntem. Mes desirs le suivent dans sa course. Meine Wünsche folgen ihr in ihrem Laufe. My wishes follow it in its course.

147. *Горящее сердце по водамъ плавающее.*

На успокоившихся волнахъ играетъ. Послѣ бури и ненастья восхищается. Pacatis ludit in undis. Il se joue aprés l'orage. Es ergötzet sich nach dem Sturm. It takes its sport after the storm.

148. *Морская губка.*

Чуждое меня обремѣняетъ. Все внѣшнее меня творитъ тяжелымъ. Aliena gravant. Ce que je prends de dehors, me rend pesante. Das ich von aussen her nehme, macht mich schwer. That, which j take from outwards, makes me heavy.

149. *Стулъ.*

Безполезенъ для прохаживающагося. Не нуженъ тому, кто не покоится. Inutile ambulanti. Je suis inutile à qui ne se repose point. Ich diene dem nicht, welcher nicht ruhet. I do not serve to him, who does not rest.

150. *Тріумфальныя врата.*

Земля радуется подъ моимъ тяжестію. Земля желаетъ охотно меня носить на себѣ. Gaudet sub pondere tellus. La terre est bien aise de me p[illegible]er. Die Erde erfreuet sich meiner Last. The earth is glad to carry me.

151. *Пустая клѣтка.*

Безъ искусства всегда пуста. Sine arte vacat. Elle est toujours vuide, si la ruse ne s'en mêle. Er ist allezeit leer, wenn List nicht hilft. It is always empty, if cheat does not assist.

152. *Пучекъ стрѣлъ.*

Единство содержитъ всѣхъ. Omnes continet unus. Un seul les unit tous. Nur eins hält sie alle zusammen. But one keeps them joyned together.

T

тельные, исторические и всякого рода как важные, так и забавные материи, и проч., служащий третьим продолжением «Утреннего света», Москва, 1784—85». Первой и второй части у Мартына Петровича не было, а были только разрозненные номера третьей и четвертой. И читал ему Максимка, следовательно, статьи гг. Антона и Михаила Прокопович-Антонских, Василия Подшивалова, Павла Сохацкого,

Карпа Мисловского, Росинского, Келембета и многих других. Вышла книга без пометки об указном дозволении, и впоследствии, вместе с другими книгами, была отобрана у издателя в его имении. И однако, как мы видим, Мартын Петрович ею обладал, хотя по рассказу не видно, чтобы имел принадлежность к свободным каменщикам.

Или, например, в романе Тургенева «Новь» — чем занимались Фома Лаврентьевич и Евфимия Павловна Субочевы, старинные обитатели города С. Вставали поздно, кушали утром шоколад, а потом «...садились друг перед другом — и либо беседовали (и всегда находили о чем), либо читали из «Приятного препровождения времени», «Зеркала света» или «Аонид».

Названия совершенно точны. «Приятное препровождение времени» — это была такая книжечка, переведенная с французского Петром Шварцем и изданная в Москве в 1799 году. Потом тот же Шварц издал и другую, размером поменьше, назвав ее: «Приятное препровождение вечернего времени». Но Фомочка и Фимочка читали, по-видимому, первую, так как читали по утрам. Был еще и журнал, по названию схожий («Приятное и полезное препровождение времени»), выходивший с 1794 по 1798 год, а писали в нем те же писатели (Подшивалов, Сохацкий и пр.), сочинения которых Мартыну Петровичу читал вслух по складам казачок Максимка. Выходил журнал как приложение к «Московским ведомостям».

Что касается «Зеркала света» [4], то этот журнал выходил несколько раньше, в конце 80-х годов, а издавали его Федор Туманский и Петр Богданович; выходил еженедельно, и всего за два года вышло 104 номера, или шесть частей. Эту книжку Фимочка с Фомочкой, вероятно, читали-перечитали. Третья же, «Аониды», была для них поновее, так как издана она Карамзиным в 1796—97—98 годах в трех частях малого размера под названием «Аониды, или Собрание разных новых стихотворений». Заплатили за нее господа Субочевы десять рублей.

Вот как приятно точно знать, какие книжки были в руках героев великого нашего писателя!

А то, например, в рассказе «Три портрета» сказано, что «русские девицы начали почитывать романы вроде «Похож-

дений маркиза Глаголя», «Фанфана и Лолотты», «Алексея, или Хижины в лесу"». Тут разобраться гораздо труднее, потому что точные титулы книжек писатель наш запамятовал. Нужно было сказать про первую книгу: «Приключения Маркиза Г., или Жизнь благородного человека, оставившего свет». Такая книжка сочинена аббатом Прево и переведена И. Елагиным и Вл. Лукиным в 1756—1765 годах, издана же в 6 томах в Санкт-Петербурге.

Как была фамилия маркиза, не сказано, по-русски же, по значению буквы Г., называли его действительно Глаголем. Позже вышли еще два тома, и там была описана история кавалера Грие и Манон Леско.

Переводчик Елагин, Иван Перфильевич, был при Екатерине министром, потом сенатором и директором придворной музыки и театра, а еще известен как виднейший петербургский масон. А Лукин, Владимир Игнатьевич, был при Елагине секретарем, вообще же был писатель очень интересный. Это он вел борьбу против Сумарокова, предлагал переделывать французские пьесы на русские нравы и первый дал мысль о народном русском театре. Очень его тогда за это бранили и осмеивали в печати.

Две другие книжечки, названные Тургеневым, хотя и неточно обозначены, а разысканы быть могут. Первая — «Лолотта и Фанфан, или Приключения двух младенцев, оставленных на необитаемом острове» (1791). При ней картинки: «Батюшка, ах батюшка — Как я, любезные мои дети...» и вторая: «Провидение есть их кормчий». Гравюрки довольно грубые. А другая книжка озаглавлена: «Алексис, или Домик в лесу... изданный в свет сочинителем „Лолотты и Фанфана"», и тоже картинки с надписями: «Смотри, видишь ли ты домик?», «Поверь своей Клеретте», «Ах, государь мой» и «Родитель мой, опусти нам мост». Тоже — плохи гравюрки, а сама книжка переведена с французского [5].

Думается мне при этом, что «Хижину в лесу» Иван Сергеевич назвал напрасно. Была, правда, и такая книга, но вышла она на сорок лет позже (1833) под названием «Хижина в лесу, или Добрые дети, соч. г-жи Г.» — с пятнадцатью плохими картинками. Но эта книжка для барышень не так интересна, больше детская. И прибавил ее Иван

Сергеевич лишь по случайному созвучью, спутавши два названия. Утверждать, однако, не возьмусь.

В романе «Дым» упоминает Тургенев сборник Кирши Данилова, а в «Нови» говорит о рукописном «Кандиде» Вольтера. Еще в «Дыме» встречаются старые альманахи «Шаривари» и «Тентамарра», а в рассказе «Несчастная» — книжка Де-Жерандо «О вреде страстей» [6], мною не разысканная.

По всему этому видно, что мимо старой книги Иван Сергеевич равнодушно не проходил; а кто будет сомневаться, тому нужно прочитать в рассказе «Пунин и Бабурин», как сам рассказчик, Петр Петрович Б., читал книги под руководством Пунина; стоит это место здесь привести:

«Невозможно передать чувство, которое я испытывал, когда, улучив удобную минуту, он внезапно, словно сказочный пустынник или добрый дух, появлялся передо мною с увесистой книгой под мышкой и, украдкой кивая длинным, кривым пальцем и таинственно подмигивая, указывал головой, бровями, плечами, всем телом на глубь и глушь сада, куда никто не мог проникнуть за нами и где невозможно было нас отыскать. И вот удалось нам уйти незамеченными, вот мы благополучно достигли одного из наших тайных местечек, вот мы уже сидим рядком, вот уже и книга медленно раскрывается, издавая резкий, для меня тогда неизъяснимо приятный запах плесени и „старья"».

И подлинно: только тот и книголюб, кто книгу чувствует не только глазами, а и носом. Понимал это Иван Сергеевич Тургенев!

Там же, подальше, рассказано, как читали они с Пуниным «Россиаду» Хераскова. Жаль, не сказано, какое издание; если первое или третье — хорошо, потому что эти издания (1779 и 1801 гг.) приятны и изящны; по времени же выходит как будто четвертое, которое плоховато и настоящего запаха плесени и старья иметь не должно. В этой поэме действует одна мужественная татарка, великанша-героиня, и вот о ней очень любил читать Пунин, как и вообще любил он Хераскова.

«Да,— говаривал бывало Пунин, значительно кивая головою,— Херасков — тот спуску не дает. Иной раз такой выдвинет стишок — просто зашибет... Только держись!.. Ты его

постигнуть желаешь, а уж он — вон где! и трубит, трубит, аки кимвалом! За то уж и́ имя ему дано! Одно слово: Херрасков!..»

По малости места настоящим отрывочком закончу. И о любимых тургеневских книжках приятно было вспомнить, и самого его хорошо почитать. Нам, книголюбам, Иван Сергеевич — истинный друг!

[11 мая 1930 г.]

XIII

„ПРИГОЖАЯ ПОВАРИХА“

Такова уже привычка книголюба: читаешь произведения писателя и, как встретится упоминание о какой старой книге, так на этом месте и застрянешь, задумаешься. Один курильщик рассказывал мне, что как только он прочитает в романе про героя, что тот, мол, закурил папиросу,— так и хочется самому закурить. Это я, хоть и не курящий, легко понимаю.

Так вот, читал я на днях роман А. С. Пушкина «Дубровский». Стихов я никаких не люблю (смешно стихи читать), а прозу, да еще такую замечательную, хорошо почитать. У Кирилы Петровича Троекурова,— описывает Пушкин,— была огромная библиотека, больше из французских писателей, но сам он никогда не читал ничего, кроме «Совершенной поварихи». И вот на этом месте я остановился.

Книги с таким названием не было, ошибся Александр Сергеевич. А была знаменитая книга, теперь ставшая великой редкостью, под титулом «Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины». О ней, конечно, Пушкин и говорит, только позабыл название. Написана она М. Чулковым, и только первая часть, а дальше он не написал, хотя книга очень хорошо разошлась. Издана была в Санкт-Петербурге в 1770 году. Редкой стала потому, что зачитывали и трепали ее все читатели до полной ветхости. Роману своему Чулков (хотя имени его на книге не значится) предпослал стихи с такими начальными строчками:

Ни звери, ни скоты наук не разумеют,
Ни рыбы, ни гады читати не умеют.
Не спорят о стихах между собою мухи
И все летающие духи...

Содержание же рассказать очень трудно — сложно оно и запутано. Хотя действие происходит в России, но героиню зовут Мартоной, а обожатели ее именуются Светоном, Ахалем и Свидалем.

ЧЕТЫРЕ ЛЮБАЩИХ СЕРДЕЦЪ, ВЫГРАХЪ ІВЗАБАВАХЪ ВРЕМА ПРОВОДАЮТ
ІЗДРАВІЕ ЛЮБЕЗНЫХЪ, ПОПОЛНОИ ІСПОЧТЕНИЕМЪ ВЫПИВАЮТЪ.
ХОТА БЫЛИ РАЗГОВОРЫ, НЕНАВИРШАХЪ АЛЮБЕЗНЫ ІПЛЕННЫ:
ІОТВЗГЛАДОВЪ ДРУГЪ КОДРУГУ, ВЛЮБОВНОИ СТРАСТІ РАСПАЛЕННЫ
ЗГОВОРІВШІСЪ. БУДЕТЪ КОЗЫРЬ, ТОМУ ВСЛЮБЕЗНО ПОПОЦАЛУЮ ДАТЬ
ІСТАЛІ ТАКЪ МОЛЧАІВО, ЧТО КОМПАНИА СКУЧНА БУДЕМЪ ЛУТЧЕ ВРАТ
ОДІНЪ ОТВЕРНУЛСА, ЗДРУГОИ УЛЫБНУЛСА, ДРУГОИ ДАЕТЪ ЗНАКЪ
КАКУЮ КАРТУ ДАТЬ. ВЕНЕРА ОТБАХУСА ПРИСЛАНА УГОЖАЕТЪ
СКОРО ИХЪ ИГРУ ДРУГОИ ИГРОИ ОКОНЧАЕТЪ.

№ 128.

ПРИГОЖАЯ
ПОВАРИХА,
или
ПОХОЖДЕНІЕ
РАЗВРАТНОЙ ЖЕНЩИНЫ.
Часть I.
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ 1770 года.

Титульный лист

Мартоне 19 лет; она сирота и уже вдова, а проживает в Киеве. Сначала водит дружбу с дворецким богатого барина, а потом с самим барином Светоном.

Но так как жена Светона, обо всем проведав, ее жестоко избила, то едет она в Москву и устраивается там поварихой у взяточника-секретаря; отсюда тоже вышибает ее ревнивая секретарева жена. Тогда она переходит ко вдовому полковнику, который задаривает ее и очень ревнует. И вот тут

подвертывается офицер Ахаль; переодевшись женщиной, он, по соглашению с Мартоной, забирается в дом полковника под видом ее сестры, а потом сманивает Мартону бежать с ним. Но он обманул ее, забрал ее вещи, а сам скрылся. Она было вернулась к полковнику, а тот успел с горя по ней помереть. Тут ее арестуют, но Ахаль с другим офицером, Свидалем, ее освобождают. Оба они пользуются ее милостями, но, перессорившись, дерутся на дуэли, и Ахаль убивает Свидаля и скрывается. Тут является мнимо убитый Свидаль (он только притворился мертвым) — и очень они с Мартоной друг другу рады.

Однажды познакомилась Мартона с купчихой, в доме которой собирались писатели и происходили свиданья любовников. Эта купчиха подговорила слугу убить ее мужа, а слуга рассказал про то Мартоне. И вот купчиха ведет всех к своему купцу в комнату, думая, что купец умирает. А купец вскочил здоровехонек и побил ее. Тогда Мартона рассказала всем, как было дело, и поэтому купец разошелся с женой. А в скором времени Ахаль написал Мартоне, что решил покончить с собой, так как убил своего друга Свидаля (он не знал, что тот жив). Мартона со Свидалем спешат к Ахалю в деревню, но поздно: он и вправду отравился и умирает на их руках.

Тут первой части романа конец, а второй части автор не написал,— вот какая досада!

Эту самую книжку купил Кирила Петрович Троекуров и ее единственную читал, хотя была у него наследственная библиотека из французских писателей 18-го столетия. И за книгу он заплатил сорок копеек.

ПИСЬМОВНИК КУРГАНОВА

А вот в «Истории села Горюхина» Пушкин очень хорошо и много говорит о поистине замечательной книге Курганова — «Новейший письмовник». «Чтение письмовника,— говорит автор «Истории...»,— долго было любимым моим упражнением. Я знал его наизусть, и, несмотря на то, каждый день находил в нем новые, незамеченные красоты. После генерала Н. Н., у которого батюшка некогда был адъютантом, Курганов казался мне величайшим человеком.

Я расспрашивал о нем у всех — и, к сожалению, никто не мог удовлетворить моему любопытству, никто не знал его лично... Мрак неизвестности окружал его, как некоего древнего полубога; иногда я даже сомневался в истине его существования... Наконец, я решил, что должен он походить на земского заседателя Корючкина, маленького старичка, с красным носом и сверкающими глазами».

Позже автор «Истории...», приехав в свою деревню, нашел старый «Письмовник» между рухлядью в жалком состоянии. «Я вынес его на свет и принялся было за него, но Курганов потерял для меня прежнюю свою прелесть. Я прочел его еще раз и больше уже не открывал».

Эти строки Пушкина относятся к 1810—1820-м годам [1]. И любопытно знать, какое издание «Письмовника» было в руках автора «Истории села Горюхина»?

Нужно сказать, что и тут Александр Сергеевич Пушкин опять допустил неточность, назвав книгу «Новейшим письмовником». Под таким названием было несколько книг, содержавших образцы писем («Новейший полный письмовник, или Всеобщий календарь» и др.), но не кургановские, хотя как раз того же времени. А кургановская книга, в ее современных автору «Истории...» изданиях, называлась просто «Книга Письмовник», хотя ее первое издание (1769) носило длинный титул: «Российская универсальная граматика, или Всеобщее письмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку с седмью присовокуплениями разных учебных и полезно-забавных вещей». Дальше по-латински и дата. После название было упрощено, и известно множество изданий вплоть до 1840 года.

В руках же мальчика, восхищенного «Письмовником» Курганова, могло быть одно из первых восьми изданий, а вернее всего, именно восьмое (1809), как только что купленное для него родителями [2].

Сама же по себе книга Курганова была, действительно, до поразительности интересна и занимательна. Грамматике в ней отдано только 100 страниц из 430, а остальное состоит из весьма любопытных и хорошо написанных «присовокуплений». Сначала идут 960 пословиц и поговорок, как, например, «Бабка скачет и задом и передом, а дело идет

своим чередом». Дальше следуют «Краткие замысловатые повести», и вот из них для образчика:

«Поп, поссорясь с одной бабой на пиру, грозил ее за то поколотить. Но она, ударяя себя по бедре, сказала: дай Боже ей здравье, я тебя нисколько не боюсь. Поп... поди, ну к черту плеха! а она закричала: извольте, господа, прислушать; он открыл мою исповедь» (стр. 142).

«Некто женился на девушке, которая вскоре родила другую, и, по разнесшемуся слуху, иные новобрачному смеялись, что женился он на кобыле с жеребенком. Другие говорили, что плод еще очень рано поспел. Но один сказал ему: не прогневайтесь, сударь, вы очень поздно сыграли свадьбу» (стр. 154).

А дальше идут «Различные шутки» и «Достопамятные речи», как, например: «Четыре вещи невозвратимы: младость, время, выговоренное слово и девство». Или же: «Говорил некто, что рыжева италианца, белокурого ишпанца и черного немца весьма надобно опасаться». Много в книге стихотворений, нравоучительных слов, философских разговоров, статей по мифологии, сведений о «знании и науках», астрономических, физических, медицинских, филологических, и все изложено занятно и легко, хотя подчас не вполне пристойно, особенно в соображении детей. Особенно много места отведено рассуждениям о чистоте русского языка и насмешкам над теми, кто вводит в него иностранщину. Так, например, приводит Курганов такую речь:

«Некто кандидат говорил полуросски так: служил-де я сорок лет, а капиталу нет; и я-де о том юристов просил, но они-де не азардируют ныне на аксиденцию (взятку), точию-де по новомодной поведенции очень политично екскузуясь (извиняясь), завтренят (обещают завтра) и проч.»

А другой говорит: «Я в дистракции и дезеспере; аманта моя сделала мне инфиделите, а я, а ку сюр против риваля своего буду реванжироваться».

«Надлежало бы,— говорит Курганов,— стараться оные слова истреблять, и в лучшее приращение приводить отеческий язык, и не вводить в него чужого ничего, но собственной своей красотой украшаться».

Всего, что имелось в «Письмовнике», невозможно и

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЙ
КАЛЕНДАРЬ
НА ЛѢТО
ОТЪ
РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА
1744.
которое есть
ВИСОКОСНОЕ
содержащее 366 дней,
сочиненный
на
знатнѣйшія мѣста
РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Титульный лист и страница

перечислить. Он был и вправду одной из лучших и занимательнейших книг, а зачитаться им можно и сейчас. Так много в нем всяких сведений и разнообразного материала, что недаром он закончен следующими словами:

«Все тут. Нет больше. Только».

Вот какую книжку держал в руках мальчик, описанный Пушкиным. Ну как же было не увлечься, если кроме нее ему пришлось видеть еще только азбуку да несколько календарей!

♂	1	Муч: Іустіна.	✱♄ ☍♃ дождь съ	3. во всю но.
☿	2	Нікифора Патр.	☌♄♀ ✱☉ перемѣня-	
♃	3	Муч: Лукілліана.	□♄ □♀ ♣ ющимся	
♀	4	Свят: Митрофана.	☍♂ ✱☿ ♣ теплымъ	
♄	5	Муч: Доровеа.	☽ 5. 32. пр. солнечнымъ	
☉	6	Преп: Вісаріона.	△☉ △♃ ☋ сіяніемъ.	3. во всю ночь.
☽	7	Муч: Θеодота.	☋ ✚ ♣ плодоносная	
♂	8	М: Θеодора стра[т]:	□♃ △☿ ♉ лѣтняя	
☿	9	Кирілла Архіеп:	△♂☿ ☍♄ погода.	
♃	10	Муч: Тімоθеа.	✱♃ ☍♀ *должан. день.*	
♀	11	*Апос: Варθоломеа.*	□♂ пріятное и	
♄	12	Онуфріа и Петра.	● 8. 41. пр. △♂♀	
☉	13	Муч: Акуліны.	☿ *вечерн. звѣзда.* ✱♂	3. во всю ночь.
☽	14	Пророка Елиссеа.	△♄ ☍☿ ♣ полез-	
♂	15	Пророка Аммоса.	☿ во ☊ ☌♃ ное	
☿	16	Тихона Амаθунт:	□♄ ✚ время. ясные.∴.	
♃	17	Муч: Мануила.	△☉ ♉ ♣ и те-	
♀	18	Муч: Леонтіа.	♂ въ ♈ □♀ плые	
♄	19	*Ап: Іуды брата вос п:*	✚ ✱♄ ☌♂ △☿ дни.	
☉	20	Муч: Меθодіа.	◐ 9. 44 пр. ✱♃ лѣтняя	3. во всю ночь.
☽	21	Муч: Іуліана.	✱♀ □☿ погода	
♂	22	Муч: Евсевіа.	✱☉ □♃ про-	
☿	23	*Мученицы Агріпіны.*	должается. къ окон-	
♃	24	*Рождест: Предтечи.*	♀ въ ♋ ☌♄ ✱♂	
♀	25	Февроніи и Петра.	△♃ чанію мѣсяца	
♄	26	Давіда Селунскаго	□♂☌♀ могутъ быть	
☉	27	*Преподоб: Сампсона.*	◉ 6. 57. п. ☿ *позвр*	3. во всю н.
☽	28	Кура и Іоанна.	✱♄ △♂ вѣтры и	
♂	29	*Ап: Петра и Павла.*	□♂♀ сильные дожди	
☿	30	*Соб: Апостолъ 12.*	✱♄♂ тихая погода	

...Марта 14 выехали из Москвы в Можайск прибыли 17 в Вязму 19 в Дорогобуж где и пасху взяли 23 [illegible] 24 25 в 8 26 числа [illegible] пополудни в 1 часу выехали в Смоленск прибыли марта 30 пополудни в 5 часу

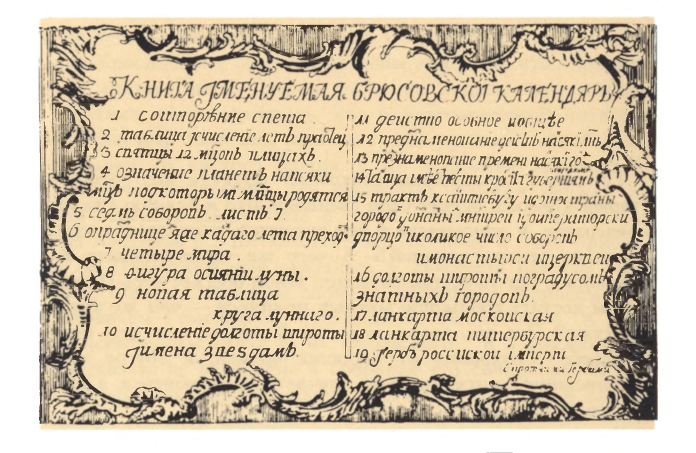
ЧТО ЗА КАЛЕНДАРИ?

И вот, кстати сказать, заинтересовало меня, на каких-таких календарях записана была «История села Горюхина»? Про них пишет Пушкин, что принесли его герою «...целую груду книг в зеленом и синем бумажном переплете. Это было собрание старых календарей. 〈...〉 Они составляли непрерывную цепь годов от 1744 до 1799, т. е. ровно 55 лет».

Если бы я стал здесь подробно излагать, какие по тем временам печатались календари и месяцесловы, то читатель меня забранил бы, потому что разобраться в этом очень мудрено. О календарях осьмнадцатого века существует в библиографии целая наука. Знаменитейший календарь был Брюсов, о котором как-нибудь стоит поговорить; но здесь речь не о нем. Из любопытных месяцесловов еще назову один (1774), весь гравированный, в 256-ю долю листа. Из обычных же календарей, имевшихся за указанные года, ни один в течение всего времени не продолжался. Значит, были календари разных изданий, и полагаю, что в основе были календари «Санкт-Петербургский» и, может быть, «Придворный» или «Месяцеслов на лето...», а с 70-х годов мог быть издания Академии наук. Для удобства эти календари сплетались с чистыми листами бумаги, для семейных и хозяйственных надобностей, чтобы записывать. На этих листах, да еще на обороте страниц и могла быть записана «История села Горюхина».

Но одно нужно сказать: такой коллекции календарей, погодно за пятьдесят пять лет подряд, не было и нет ни в одном русском книгохранилище. И не знал автор «Истории...», что в его руках такое сокровище, на которое невозможно наглядеться и за которое иной библиоман отдал бы и все состояние, и на придачу жену, если уже немолода.

В заключение позвольте, ради любопытства, привести здесь из стариннейшего Брюсова (1726) календаря, сорокасемилистового, предсказание лицам, кои между 12 мая и 12 июня будут справлять свое рождение.

КНИГА ИМЕНУЕМАЯ БРЮСОВСКОЙ КАЛЕНДАРЬ

1 сотворение света.

5 седмь соборов лист 7.

7 четыре мира.

8 фигура осияния луны.

9 новая таблица круга лунного.

16 долготы широты по градусом знатных городов.

17 ландкарта московская

18 ландкарта питербурская

19 гербъ россиской империи

Титульный лист

БРЮСОВО ПРЕДСКАЗАНИЕ

«...Черноволос и очи черные, долгий лоб, шия и нос, явного лица, малая на щеке ямочка. Егда смеется, великие зубы, иметь будет знак на ногтях и на груди, слаб телом, тонок, изряден языком, искусно глаголет и хвалу сам себе ведет; чудными подражаниями, во гневе много говорит, будет празднолюбец, охотно гулять, скоро седеет, непостоянен, будет вельми богат и жена принесет много богатства ему, много приобрящет друзей, но обаче мало счастия имеет от них, скоролюбив женам, три супружества покажется ему, первая вдова, от двема имети будет сопротивности» [3].

[21 мая 1930 г.]

XIV

Тут меня спрашивали знакомые: «Откуда вы, господин старый книгоед, берете свои сведения, что и всякую книжку проверяете, и описываете в ней картинки, и печатаете отрывочки из редких изданий?» А чего же удивительного: кто что любит, тот то всегда разыщет! Иной обегает весь Париж, чтобы достать воблы или мятных пряников,— чем же книжка хуже? Это уж такая страсть! Конечно, кое что имею при себе — сохранил от хороших времен, а другое знаю по описаниям, хотя, конечно, случается и ошибиться, а иной раз не разыщешь.

Нынешний день, например, читал роман «Княгиня Лиговская», сочинение Лермонтова, как Печорин посетил господина Красинского, а застал его матушку и стал с ней разговаривать о книжке под названием «Легчайший способ быть всегда богатым и счастливым», сочинение Н. П., Москва, в типографии И. Глазунова, цена 25 копеек. Указание точное, а все же, по отсутствию надлежащих о новых книгах справочников (книге-то не больше ста лет), разыскать не мог. Я думаю так: за такую цену много не дашь и, вероятно, издатель выбрал и издал кусочки из известной книги «Истинный способ быть здоровым, долговечным и богатым, открытие особливых, редких, удобоисполнительных, испытанных и весьма дешевых секретов, посредством которых всякий может доставить себе прочное здоровье и обогатиться честным образом в кратчайшее время». Такую книгу в 1809—1810 годах издал Панкратий Платонович Сумароков в трех частях, а в 1833 году была она перепечатана. А ведь что любопытно: значит, Михаил Юрьевич Лермонтов интересовался, как стать богатым и счастливым, если такие книжки читал и даже знал, что стоит им помянутая 25 копеек! Если бы не прочитал, не мог бы рассказать содержания, а у него Печорин говорит, что книжка эта была «резкое изображение мечтаний обманутых, надежд несбыточных, тщетных усилий представить себе в лучшем

виде печальную существенность». Старушка же, мать чиновника Красинского, со своей стороны заметила, что в книжке этой «ничего нет»,— верно, тоже не нашла, чего искала.

Должен также признать, что и благосклонный читатель иной раз мне помогает, описывая свои книжки, а иной даже присылает от чистого сердца, я же отдариваю справочкой. И до чего любопытно, как разошлась русская книжка по всем странам! Пишут мне о своих редкостях и из Каира, и из Америки, и с Балканского полуострова, а ныне прислали из Палестины, где оказалась у любителя книжка «Пестрые сказки с красным словцом, собранные Иринеем Модестовичем Гомозейкой, изданные В. Безгласным». А ведь это псевдонимы князя В. Ф. Одоевского [1], и в книжке есть три сказки, не вошедшие в собрание его сочинений. И вот такая книжка попала в город Тель-Авив, который и сам-то моложе молодой книжки!

А то зашел ко мне один читатель, принес амстердамское издание, а между прочим прибавляет:

— Купил,— говорит,— я на Марше-о-пюс немножко книжного мусора, да только вот это любопытно, а остальное пустяк: какая-то рукопись 18 века с описанием инвентаря турецкого посольства...

А знает ли благосклонный читатель, как ценно все, что описывает старый быт, и уж не говорю о рукописях, а и печатное! Так вот высоко ценим мы, книголюбы, редчайшую книжицу «Аптека домашняя и дорожная, лекарями пересмотренная, вместе с полным списком белью для хозяйств и путешествующих... Издание оригинальное, для воровского перепечатания с печатью моего имени замеченное. Лейпциг, у К. Г. Е. Арндта; во время ярмонок на площади в лавке близко верхнего фонаря на среднем главном ряду». Издана в Лейпциге около 1816 года. И тем ценна, что имеются в ней не только средства от мозолей, от колики, от ветров в брюхе, от бородавок, от глистов, от клопов, от досадования и страха, от моли, озноблення, ожогов и прочего, но еще и совершенный реестр для белья по букварному порядку. А в реестре записаны из белья мужского, ныне не в употреблении, как то:

Жасо

Жилеты (камзольчики)

Камзолы
Карпетки
Колпаки спальные
Платки шейные разноцветные
Полусорочки
Шлафроки.

А из белья женского, детского и домашнего:

Епанчи
Исподницы
Камзолы спальные
Чепчики
Обвязки
Юпки (длинные кафтаны)
Юпочки
Шапки
Платки на покрывание
Наволочки на одну особу
—»— на оконишные подушки
—»— на стулья и на канапеи
Занавесы постельные
—»— подъемные (катки).

А при книжке аспидный грифель на аспидном, в стороне находящемся пергаменте.

Что же касается средства от блох, то вот оно:

«В домах и комнатах чищение полу песком самым лучшим средствием будет. Но кто сам от блох беспокоится, тот лучше сделает вытрясать все свое платье в окошко направо и налево, так убежит труда ловить их и убить».

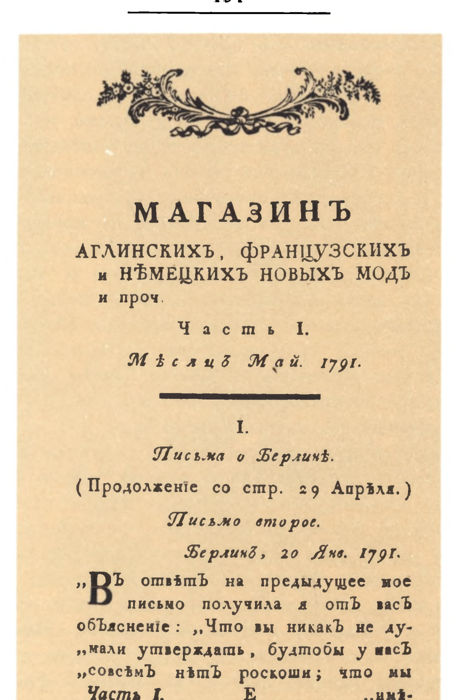
А про других насекомых, по части головной, просто сказано:

«Хотя опрятность есть лучшим способом от вшей, но и са́мому опрятному человеку случается нередко».

МОДНЫЙ ЖУРНАЛ

О старом быте вспомнив, расскажу попутно для любезных читательниц о русском модном журнале, выходившем в Москве ежемесячно в 1791 году под титлом «Магазин аглинских, французских и немецких новых мод» [2].

Как раз в этом году в Париже стали дамы носить «...че-

МАГАЗИНЪ

АГЛИНСКИХЪ, ФРАНЦУЗСКИХЪ и НѢМЕЦКИХЪ НОВЫХЪ МОДЪ и проч.

Часть I.

Мѣсяцъ Май. 1791.

I.

Письма о Берлинѣ.

(Продолженіе со стр. 29 Апрѣля.)

Письмо второе.

Берлинъ, 20 Янв. 1791.

„Въ отвѣтъ на предыдущее мое письмо получила я отъ васъ объясненіе: „Что вы никакъ не думали утверждать, будтобы у насъ „совсѣмъ нѣтъ роскоши; что мы

Часть I. Е „имѣ-

Титульный лист

пец или наколки на манер цилиндра, вышиною равняющиеся настоящей голове сахару, так что по причине высоты прически в залах собрания все люстры и жирандоли повешены гораздо выше прежнего, для предупреждения пожару на головах красавиц». Но и наши русские дамы не отставали, и вот что они носили:

1. Для балов в торжественные дни и для выездов:

«Русские платья из объерей, двойных тафт и из разных как аглинских, так и французских материй, шитые шел-

ками, или каменьями, или другого цвету; рукава бывают одинакового цвету с юпкою; пояса носят по корсету шитые шелками или каменьями, по приличию платья; на шее носят околки, или род косынок на вздержке, или с складками из блонд или из кружева; на грудь надевают закладку или рубашечку из итальянского или из простого флеру на вздержке, а ко вздержке пришивают блонды или кружева; рукавчики в два ряда, из блонд или из кружева складками, перевязываются лентами по пристойности к платью; голова причесывается буклями, большими и маленькими, по желанию, виски же отбираются и подрезываются наравне с ушами; шиньон гладкий, и конец его завивается буклею; на волоса накалывают ленты с перьями же и цветами, также гирлянды из цветов; ленты же и перья употребляются по приличию к цвету платья».

2. Для выездов на партикулярные балы:

«Сюртуки без фраков, флеровые и тафтяные полосатые с цветочками и одинаких тафт разных цветов с белыми флеровыми юпками, как с шитыми, так и с простыми, и с наклейкой белою и цветною с фалбалами; на шее платки и рубашечки с мужскими воротниками, флеровые, и линовые белые, и шитые цветными шелками; рукавчики такие ж, как и к русскому платью; пояса из лент с концами и с бантами и пряжки к поясам стальные или с каменьями; голова убирается также буклями, а на оной носят тюрбаны разных цветов, из цветных флеров, как полосатых, так и одинаких, с перьями и цветами, также и разные наколки».

Вот как тогда было сложно одеваться! Еще требовались туркезы, лацканы и шемизы с фалбалами и с рубцами и по кисее печатные кушаки, а на выездах — шляпки а-ля Клош, т. е. наподобие колокола, либо а-ля Бержер — по-пастушечьи, на один бок, с лентами и гирляндами цветов.

А нынче — и на бал, и на прием, и на вокзал, и в клуб, и просто к добрым знакомым — надевают дамы поднизничего, а сверху и того половинку.

А впрочем, тогдашний модный журнал давал дамам такое наставление:

Красавица, не тщитесь
За модой вслед бежать,
Искусством не учитесь
Натуру украшать.
Поверьте, и без шляпок,
Без тафт и без парчей,
Без лент, цветов и касок,
Без толстых обручей,
Она в простом наряде
Умеет дух пленять,
В приятном, скромном взгляде
Всю прелесть сохранять.

Мужчинам же предписывалось:

«Прическа обыкновенная есть: в три букли на стороне, одна возле другой, и широкий алавержет. Шляпы к фракам круглые, остроконечные, перевязанные лентами. Шелковые половинчатые чулки, наподобие сапожков, до половины икры темного цвета, а от икры до колена белые».

ПИСЬМО КУТУЗОВА

Таков был тех времен обиход и таковы одежды.

А вот каков был тех времен приятный стиль писем. Один любезный читатель переписал и прислал мне документ, им хранимый, а именно письмо генерал-фельдмаршала М. Кутузова к графу Александру Ивановичу Рибопьеру, обер-камергеру и члену Государственного совета, которого Кутузов именовал своим племянником. С разрешения владельца подлинника этого письма, Ив. Дм. Федоровского, проживающего в Праге, позволю себе к удовольствию любителей старого стиля впервые это письмо здесь опубликовать:

«Любезный и очень милой Александр Иванович. Я обрадован несказанно, получа письмо ваше, знав Катерину Михайловну еще дитятию и видая ее иногда уже взрослой, а более всего наслышась о ней; уверяю вас, что мои седые волосы не могли мне помешать завидовать вашему щастью, а все, что бы мог я еще вам сказать, увидите из письма моего к Катерине Михайловне, примите мое

пророчество: вы оба будете непременно щастливы. Остаюсь верный и покорный слуга Михайла Г[оленищев-] Кутузов. Вильна, 22 августа».

Екатерина Михайловна Потемкина была невестой Рибопьера, и письмо писано по случаю помолвки в 1809 году.

[4 июня 1930 г.]

XV

ЮБИЛЕЙНЫЕ ИЗДАНИЯ

В заголовке сего проставляю римскую цифру XV, не всякому читателю понятную; ею обозначается, что настоящие скромные заметки были печатаемы и в прошедшие годы и что, пока не все старые книги истреблены временем, червем и человеческим небрежением,— неизбежен и возврат к их забаве и мудрости.

Прошедшие годы... и невольно тянется рука старого книгоеда, чтобы перелистать назад не одну-две, а полтораста и двести страниц книги жизни человеческой. Может быть, там, в далях ушедших, найдем отдохновение от современных тревог и ожиданий новой человеческой бойни? Может быть, тогда жили иным и не помышляли об орудиях смерти и взаимоистребления?

И вот, раскрыв справочник, нахожу под юбилейной датой 1732 года лишь одну значительную и приметную книгу, вышедшую в России в дни Анны Иоанновны, хотя и предположенную к изданию еще Великим Петром:

«Мемории, или записки артиллерийские, в которых описаны мортиры, петарды, доппельгакены, мушкеты, фузеи и все, что принадлежит ко всем сим оружиям; бомбы, каркасы и гранаты и проч.; литье пушек, дело селитры и пороху; мосты, мины, карры и телеги; и лошади, и генерально все, что касается до артиллерии, так на море, как на сухом пути».

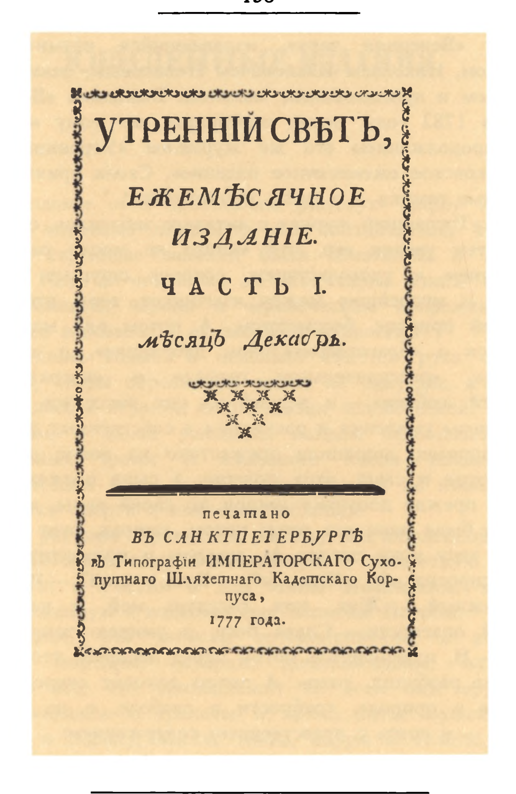
Сия книга, написанная «чрез г. Сюрирей де Сен Реми», а переведенная наполовину Тредьяковским, весьма была бы любопытна книголюбу (в заглавии иные слова печатаны киноварью, да портрет Анны Иоанновны, да 122 листа гравированных таблиц!), если бы не наводила она на грустные размышления: орудия за двести лет, конечно, изменились, да не изменился за долгие годы тот, кто этими орудиями орудует! Не дает нам утехи юбилейная книга!..

И вот, не нашедши достаточного удовлетворения в книгах давности двухсотлетней, беру со своей полочки

журнал «Вечерняя заря», издававшийся изумительным человеком, Николаем Ивановичем Новиковым, знаменитым издателем и просвещенным масоном. Выходила «Вечерняя заря» в 1782 году, ровно полтораста лет тому назад, и была продолжением его же журналов «Утренний свет» и «Московское ежемесячное издание». Сколь приятны эти старинные томики — и сколь утешительны!

<...>Тогдашний журнал о читателе заботился, с первой же статьи уверяя его, что «ничто не могло равняться с веселием и удовольствием, которое ощущали разумнейшие и мудрейшие между язычников, веря, что душа, по своей природе, бессмертна». А потом ряд маленьких рассказов о «благотворительном дворянине», о «нежных друзьях», «рассудительном отроке» и «награжденной сыновней любови»,— и редкий из сих рассказов не вызовет слезы умиления и раскаяния в собственных пороках! Так, например, поранили прежестоко на войне одновременно отца и сына, отца полегче, а сына потяжеле. Но сын не прежде допустил лекаря до своей раны, как уже увязана была рана его отца; потом, умирая, этот сын во втором часу ночи послал за лекарем и полумертвым голосом спросил его: «Жив ли?..— Кто, г. мой? — Родитель мой нежный...— Жив, жив, государь мой, и не имеет никакой опасности.— Слава богу, я умираю теперь спокойно.— И, извинившись потом перед лекарем, что он его так рано разбудил, умер». А потом доходит очередь и до стишков о природе, храбрости и свободе, и на закуску загадка — и опять с нравственным содержанием:

Читатель, отгадай,
О чем задумал я,
Что значит, мне скажи,
Загадочка моя?
Четыре букв она
В себе содержит гласных
И шесть согласных,
Безгласная одна,
Всех позади стоит она.
Загадка заключает
Такое существо,
Что свет весь почитает
И само божество.

УТРЕННІЙ СВѢТЪ,

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ.

ЧАСТЬ I.

мѣсяцъ Декабрь.

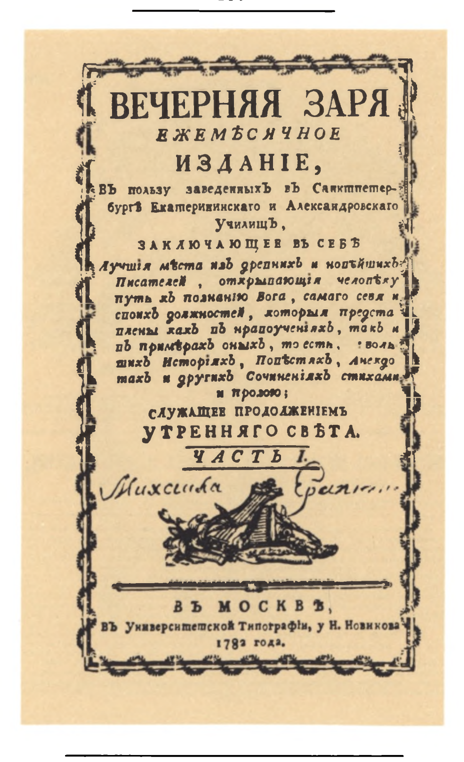
печатано
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
въ Типографіи ИМПЕРАТОРСКАГО Сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса,
1777 года.

Титульный лист

В наше время никто бы не отгадал такой загадки, а тогда всякий знал, что плохого журнал не загадает и зря, без поучения, не станет тратить бумаги. И действительно, дальше видим:

Отгадка

Что ты в загадке загадал,
Мне то приятнее всего:
Вить это добродетель!

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИЗДАНІЕ,
ВЪ пользу заведенныхЪ вЪ Санктпетербургѣ Екатерининскаго и Александровскаго УчилищЪ,
ЗАКЛЮЧАЮЩЕЕ ВЪ СЕБѢ
Лучшія мѣста изъ древнихъ и новѣйшихъ Писателей, открывающія человѣку путь къ познанію Бога, самаго себя и своихъ должностей, которыя представлены какъ въ нравоученіяхъ, такъ и въ примѣрахъ оныхъ, то есть, въ вольныхъ Исторіяхъ, Повѣстяхъ, Анекдотахъ и другихъ Сочиненіяхъ стихами и прозою;
СЛУЖАЩЕЕ ПРОДОЛЖЕНІЕМЪ
УТРЕННЯГО СВѢТА.
ЧАСТЬ I.

ВЪ МОСКВѢ,
ВЪ Университетской Типографіи, у Н. Новикова
1782 года.

Титульный лист

А в иной книжке рассуждение о темпераментах, в виде беседы между сангвиником, холериком, флегматиком и меланхоликом, да статейка в осуждение поединков, да о начале и происхождении малороссийских казаков: одних — от россиян, других — от татар, о чем нынче и заикаться нельзя, во избежание неприятностей от украинского правительства, проживающего в Париже и других европейских столицах.

Допустим, однако, и незлобные шуточки и эпиграммы:

№ 52. 1858 г.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ

— 25 ДЕКАБРЯ. —

ЖУРНАЛЪ ВСЯКИХЪ РАЗНЫХЪ СТРАННОСТЕЙ,

СВѢТСКИХЪ, ЛИТЕРАТУРНЫХЪ, ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ, И ИНЫХЪ.

ЕЩЕ ПИСЬМО ИВ. ИВ. ПУСТЯКОВСКАГО

Титульный лист

Муж к жене

> Жена, не уверяй меня, что ты верна,
> Вить я не позабыл, что очень ты дурна.

Или же «К пеняющему Велоксу», а кто он такой, того я, откровенно говоря, разобрать не мог:

> Я кратко все пишу; а ты и ничего,
> Так это кажется короче моего.

„ВЕСЕЛЬЧАКЪ".
ЮМОРИСТИЧЕСКIЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
АЛЬМАНАХЪ-ЕЖЕГОДНИКЪ
на 1900 годъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
„Центральная" типо-литографiя М. Я. Минкова. 3 Рождеств. 7.
1900.

Титульный лист

Вероятно, по тому времени было довольно ядовито! Нынче бы, конечно, такими двумя строками полемика не ограничилась, а один пустил бы свинью, другой же расписался небольшим газетным доносцем селедочного духа.

Роясь на полочках в поисках книг и журналов юбилейных, с удивлением усмотрел, что если полтораста лет назад выходили журналы и книги поучительного и нравственного направления, то семьдесят пять лет тому назад преобладали журналы легкомысленные; года 1857—

1859-й до странности урожайны на юмористические листки! Было, конечно, много и другого, но старому книгоеду мила вещь редкая и более ненаходимая, а из таких изданий того времени всех реже и ценнее именно эти уличные листочки.

Рассказывать о них нечего: сами говорят о себе и названием, и заметочками от редакции. Для забавы я их в заключение и приведу.

«Весельчак» — журнал всяких разных странностей, светских, литературных, художественных и иных. Цель издания: «Приходите смеяться с нами, смеяться над нами, над собой, над всем и обо всем смеяться, лишь бы только не скучать».

«Говорун». Был такой уличный листок, а вот из него и стишки:

К красавице

Колико солнце не блестит,
Всех очи смертных поражая,
Но взор твой разум наш слепит,
А никого не убивая.

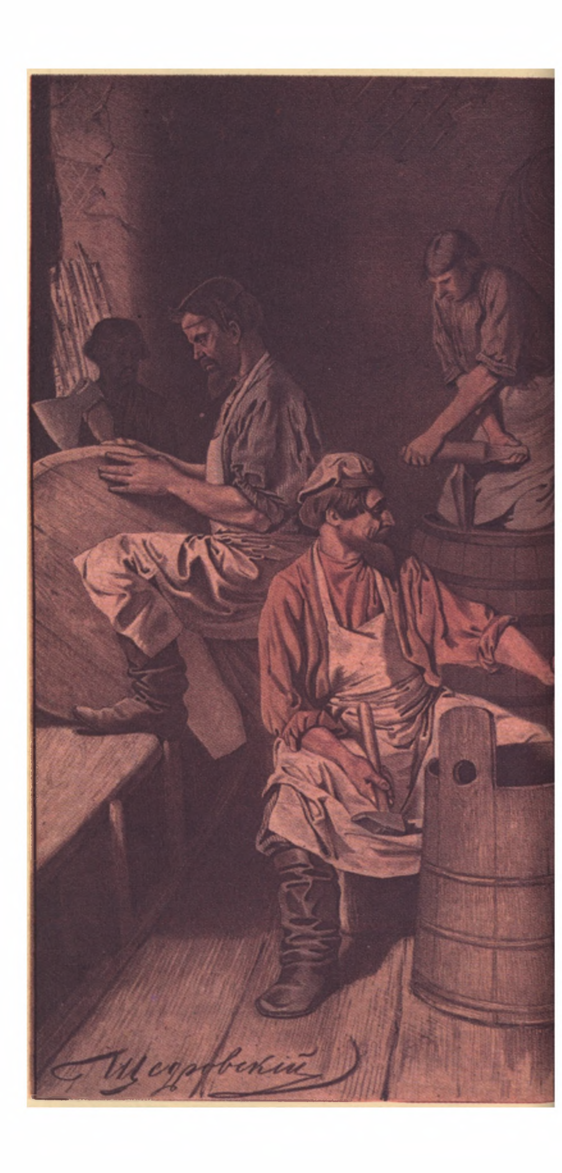

В том же Петербурге выходил журнальчик длинного названия: «Дядя шут гороховый со племянники чепухой и дребеденью — жалкотворный журнал, без никого и ничего появляется на свет как мать родила! В трех отделах (только вы нас не отделайте за эти отделы)».

В те же года и там же выходила «Искра» с отличным заголовком, сложенным из восьми человеческих фигурок весьма искусно и художественно. А направления сатирического.

И был еще «Листок без названия», так и называвшийся. В заголовке значилось: «Выходит ежедневно, кроме праздников и будничных дней.— Подписка принимается в конторе редакции, редакция находится там же, где принимается подписка». И вышел только один номер — 7581-й; читай наоборот — и будет год издания. Сотрудник был, кажется, только один — сам редактор-издатель, по фамилии Татаринов.

Затем выходил в течение всего года очень неплохой

Щедровский

— 91 —

№ 2.

Въ Петербургѣ.

— Право я не знаю, мой ангелъ, какъ мнѣ отблагодарить тебя за эти дорогія минуты?

— Купи мнѣ браслетъ съ брилліантами.

— Съ большимъ удовольствіемъ; такая бездѣлица!

Страница уличного листка «Говорун»

журнал карикатур «Листок знакомых Н. А. Степанова», обложку к которому рисовал М. Зичи.

И еще — «Моим трутням совет», карикатурный листок со стихами в таком роде:

О, богатый, хлыщеватый,
Бородатый и косматый
Евстигнеич — полный дум,
Замолчишь ли ты, мой кум!

Вышел было ядовитый и передовой летучий листок «Муха», да осекся на номере А [3]. В заголовке стояло: «Барона А. Б...— без сотрудников».

Несколько позже выходил журнал «Петербургская клубничка для не детей», где значилось в предисловии: «О сущности нашего направления мы считаем неудобным говорить пред публикой. Название и виньетка нашего издания немного намекают на наше направление, а дух и содержание наших статей разовьет его в подробностях». На виньетке две девицы чокались бокалами, а между ними разбросаны были сочинения Поль де Кока[4] и славного нашего Баркова [5]. Содержание же разрешите не излагать, хотя и много скромнее недавно прославленной английской книги, переведенной с французского на русский язык, про которую говорят, что она очень художественна, почему и читается любителями этой самой «клубнички».

И еще — «Потеха. Учено-литературный листок?! Выходит в свое время, №?». Цена листку 5 копеек. В нем такое остроумие: «Кто вздумает жениться, тот должен выбирать жену малого роста, чтобы меньше выходило материи для платьев и потому что всякое малое зло лучше великого».

Был также журнал «Пустозвон. Карикатурные бредни», с девизом: «Не любо — не слушай, а лгать не мешай».

И такой же листок «Раек», хотя и печатался в типографии Главного штаба его величества (но, по тому времени, без погромных надобностей). Издавал его мещанин Тарас Заиграев. Ничего, грамотно писал, хоть и раешным штилем.

А в 1859 году стал выходить в Москве и журнал «Развлечение», основанный Федором Богдановичем Миллером. Первый год его считается ныне немалой редкостью.

А вот «Рододендрон, листок, возникший случайно». В нем рассказано, как члены одной врачебной управы послали стихи ветеринару Быкову:

Совет коров
Молил богов,
Чтоб врач быков
Был всем здоров.
И врач Быков

Совсем здоров
И сам готов
Доить коров.

А чтобы было это понятнее, то тут же пояснено, что это — каламбур.

Еще был тогда «Смех. Потешный листок без подписчиков и сотрудников». В первых строках издатель особо сообщает: «По случаю внезапной болезни дяди Пахома (а именно: бурчанию в животе), он до благополучного облегчения не может явиться лично к почтеннейшей публике». А дальше недурной рассказец:

«Интересный разговор двух приятелей после долгой разлучки.

— А! здравствуй, Миша.— А! здравствуй! — Как здоров? — Кто? — Ты! — Я? — Да.— Ничего, здоров... а ты? — Что? Здоров? — Кто? — Ты! — Я? — Да.— Ничего, слава богу! (Молчание.) — Да ты женат? — Кто? — Ты! — Я? — Да.— Женат.— А!»

И еще (чтобы закончить, хотя и не исчерпав) были журнальчики и листки: «Смех и горе», «Смех (под хреном)», «Смех Смехович» (с прибавкой: «Аз — не выколи себе глаз»), «Сплетни. Всесветное великосветское карманное издание, для всех карманов, больших и малых, мужских и дамских...», «Сплетник. Листок, возникший вследствие литературной промышленности. Цена знакома. Редакция дома», «Фантазер. Листок смеха и колоссального успеха. Листок простой, незнаком с тоской, а только веселит да смешит», «Фонарь», «Шутник. Редактор листка за занавеской скрывается, а потому контора редакции нигде не открывается. Листок будет выходить в лирическом беспорядке, то есть в неопределенном порядке», «Юморист. Выходит неопределенно в свет, а потому и редакции нигде нет. Цена листку 5 копеек сер., без всякой льготы, вредить никому не имеет охоты».

Из сего последнего проза:

«Издателя от читателя можно отличить тем, что первый издает журнал, а второй издает неодобрительные звуки».

И поэзия:

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА 2 РУБ ВЪ ГОДЪ. РЕДАКЦІЯ: МОСКВА, Б. ЯКИМАНКА, ДОМЪ БЫВ. ГОРИНА. ◆ РЕДАКТОРЪ ПРИНИМАЕТЪ ПО СРЕДАМЪ И СУББОТАМЪ ОТЪ 10 ДО 12 ЧАС. ДНЯ. ОБЪЯВЛЕНІЯ ПО СОГЛАШЕНІЮ. ◆

Москва, 25 Января 1907 г. № 1.

После продолжительной и тяжкой болѣзни скончался въ гостинницѣ „Россія“
ЗДРАВЫЙ СМЫСЛЪ.
О днѣ выноса будетъ объявлено особо.

НОВАЯ КНИГА

(одобрена м. в. д. для выпускныхъ классовъ кадетскихъ корпусовъ и юнкерскихъ училищъ).

„**Руководство для администраторовъ**. Состав. корнетъ **Отлетаевъ**. Ц. 1 р. съ пер.

М-МЪ ЭСТЕРЪ

КОРСЕТЫ! КОРСЕТЫ!

С.-Петербургъ, Караванная. Тамъ-же принимаются заказы на хлѣбъ въ зернѣ, на куколь и на лебеду.

Г. ГУРКО, проходя по Караванной улицѣ, потерялъ престижъ. Нашедшаго просятъ оставить себѣ, вернувъ только находившуюся при немъ паспортную книжку на имя тов. М. Внутр. Дѣлъ.

Ищу диктатора,
который-бы не боялся выходить на улицу. Обращаться къ В. А. Грингмуту въ Союзъ русскаго народа.

НЕ СТЫДНО-ЛИ ТЕБѢ, ВАСЯ,

бѣгать въ короткихъ штанишкахъ, когда ты давно-бы могъ получить административное назначеніе, заручившись протекціей у Петербургской бабушки, умѣющей ворожить?!

ГАДАЛКА

на бобахъ и кофейной гущѣ.

Предсказываетъ результаты выборовъ.

Октябристамъ 50% скидки, монархистамъ — «даромъ».

Адресъ въ ред. „Мухи“.

Москва, 24 Января.

Отъ редакціи.

Изъ роя безчисленныхъ журналовъ и газетъ вылетаетъ наша „Муха“: въ трубу или на вольный воздухъ!—это пока составу редакціи неизвѣстно. Но судя потому, что „Мухѣ“ немного надо, она обѣщаетъ просуществовать долго, если ее не ударятъ хлопушкой.

„Муха“ будетъ жужжать, но будетъ иногда превращаться и въ осеннюю муху, умѣющую покусывать кого слѣдуетъ. Во всякомъ случаѣ, познакомившійся съ „Мухой“ не испытаетъ скуки, отъ которой „Мухи“ дохнутъ.

Мы можемъ съ гордостью заявить еще, что наша „Муха“ — первое и единственное изданіе въ Россіи новаго типа, а посему изданія, которыя несомнѣнно послѣдуютъ за „Мухой“, будутъ только подделкою подъ „Муху“.

Поэтому мы отъ души желаемъ нашимъ читателемъ быть всегда только съ „Мухой“, о привиллегіи на которую нами куда слѣдуетъ заявлено.

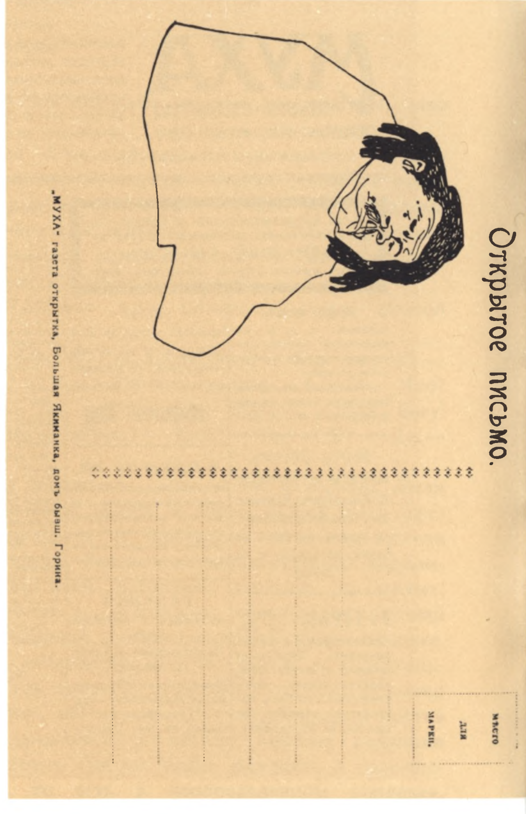
Итакъ вылетаемъ:

Жжжж... жжжж....

Стоял у кузницы тоскуя
Кузнец, железный таз куя.
И понял ту его тоску я,
И задал ему таску я.

Правда, в те же года зачалось «Русское слово», ежемесячник Кушелева-Безбородко, пострадавший за статью Писарева «Бедная русская мысль» и закрытый после покушения Каракозова. Выходил «Современник». Как

раз сейчас можно праздновать юбилей рождения газеты «Сын Отечества». И еще многое появлялось в свет, до чего мало дела старому книгоеду, любителю редчайших летучих листков и забавной чепухи, о которой забыли историки литературы, да которую они вряд ли когда и знали.

От сих шутливых пустяков дозвольте вернуться к мыслям серьезным, с коих и начали. Что есть — прошедшие годы? Что есть — старость?

7. МУХА ГАЗЕТА ОТКРЫТКА. № 1.

ЗРѢЛИЩА.

Театръ скоморохъ (Страстной бульваръ).

Въ пользу недостаточныхъ членовъ союза Русскаго народа будетъ поставлена пьеса „Женитьба“ (совершенно невѣроятное происшествіе); участв. монархисты и октябристы.

Новый театръ. Артистами императ. театровъ будетъ представлено: Адвокатъ Стенсгорнъ (союзъ молодежи), комедія фарсъ *Мясницкаго*.

Театръ Синематографъ-пиэнтосекцъ. Сенсаціонныя новинки. Программа мѣняется черезъ три дня. Съ почтеніемъ директоръ Столыпинъ - Нововременскій.

Крупный казенный лѣсъ на р. Печорѣ годенъ для постройки каменныхъ домовъ въ С.-Петербургѣ.

НУЖЕНЪ УЧИТЕЛЬ ПРАВОПИСАНІЯ для Московскаго отд. Союза Русскаго Народа.

ЗАКУСОЧНАЯ

газеты „Россія“ всегда готовы бутерброды.

Ред.-изд. **И. Митропольскій**.

Театръ Солодовникова

(товарищ. оперн. артист.).

Реперт. съ 25 по 28 Янв.

25. Хованщина—опера.
26. Прекрасная Елена.
27. Въ 1-й разъ «Гейша».
28. Утромъ: Вильгельмъ Телль. Вечеромъ: **бенефисъ В. С. Севастьянова**. «Дубровскій» опера.

„ДРОБЬ“

Сборникъ юмористическихъ разсказовъ **И. Митропольскаго**

Выстрѣлы по дичи.

Ружье уже заряжено.

„КАКЪ ОНЪ ЖИЛЪ“

ром. П. Оленина ц. 50 к. съ пер. 65 к. Новая книга по позовому вопросу (фарисеямъ не продается). С.-Пб. и Москва, книг. Вольфа, Трухъ, Сувор. и др.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НОВОСТЬ:

Роскошная бумага для обоевъ. Стиль Рента. Складъ при Биржѣ.

ДИЧЬ! ДИЧЬ! ДИЧЬ!

Тверская, домъ Бахрушина, (гдѣ „Голосъ Москвы“). Тамъ же принимается оберточная бумага.

Бюро похоронныхъ процессій

Содержатель Н. Ф. Рихтеръ (Д. Благороднаго Собранія). Тамъ же случайно за прекращеніемъ дѣятельности дешево продается вновь сшитый мундиръ Предсѣд. Губ. Земск. Управы.

ИЩУ МѢСТО ЖИВОДЕРА

Продолж. Практ. соглас. въ отъѣздъ. Обр. къ Крушеу.

Г. Фредериксомъ найденъ въ Парижѣ неизвѣстно кому принадлежащ. бумажникъ съ 25000 франковъ. Временно до отыск. хоз. оставленъ имъ у себя.

Р. Ф. БРОДОВСКІЙ

фотографъ

Московскаго Филармоническаго Общества.

Москва, Кузнецкій пер. уг. Кузнецк. моста, д. Хомякова.

Телефонъ № 49-75.

МЕФИСТОФЕЛЬ

еженед. сатир. пол. и литер. худож. журн. съ карикат.

Год. **9** руб., полг. **5** руб. № **20** коп. Проб. № за **4** семикоп. м. **Москва, Твер. бульв. д. Яголовскаго.**

Ред. изд. *Н. А. Соколовъ*.

Вышелъ изъ печати новый каталогъ пластинокъ въ исполненіи русскихъ артистовъ на 1907 г. ☆ ☆ ☆ ☆ ☆ ☆ ☆ ☆

Акціонерное Общество Граммофонъ

Москва, Тверская, д. Саввинскаго подворья.

Телефонъ № 74-40.

TRADE MARK.

ТИПО-ЛИТ. ТОРГ. ДОМА Е. КУДИНОВА и А. ЛЕЗИНА

МОСКВА, Б. ЯКИМАНКА, Д. ГОРИНА. ТЕЛ. № 118-71.

Художественныя открытки

Не мало выпущено серій
Открытокъ въ краскахъ, и онѣ,
Въ отличье отъ казенныхъ серій,
Надежны и цѣнны вполнѣ!

Тамъ же можно получать оптомъ „**Муху**“ но за нею надо приходить „**безъ Мухи**“.

Типо-Литографія Торг. Дома Е. Кудинова и А. Лезина, Б. Якиманка, д. бывш. Горина.

Читаешь эти «юмористические» листочки,— и будто составлены они совсем на днях перышком потасканного остроумия в скудной беженской типографии, потому что ведь есть и творить человеку надобно! Тот же слог и та же жалобная улыбка голодного самоиздателя: «Вот, я тебе протанцую голый, обмазанный дегтем и вываленный в пуху,— а уж ты кинь мне франчишко лишний, залежалый!» Это не прошедшие годы, это — нынешнее! А с

другой стороны, возьмешь книгу, которая еще и краской пахнуть не перестала, которой едва стукнуло пятнадцать — двадцать лет,— и ужаснешься ее древности! Исполосана и измызгана тяжким колесом недавних судеб, и уже нет в ней души, и плоть ее ветха, и смешны ее несбывшиеся пророчества, и титульный лист — бескровная, мертвая маска. Страшна и странна судьба книг! Есть такие, что из веков приходят в нетронутой коже — и блистают красотой бессмертия; и есть такие, словно бы на днях владевшие умами, которые за три пятка лет скрутила собачья старость: их презирает тот, кто их прославлял, их не дарит и рассеянным взглядом человеческая молодь.

И только иной старый книголюб, член малочисленной семьи таких же чудаков,— только он любовно бродит среди живых и трупов, к тем и другим равно внимательный, готовый и при солнце, и при лампе листать сананицы и щупать переплет, спасая из-под обвала идей и зданий и пышный том, и мятую жалкую страничку. Кем ты был при жизни? Великим трибуном? Жалким ничтожеством? Не все ли равно! На полке книголюба нет чинов и местничества! Первый может стать последним, и тонкая брошюрка в бо́льшем почете, чем ряд томов златого обреза.

Пушистой метелкой и мягкой тряпочкой снимает он слой пыли — недельной ли или вековой — и матерински, равно ласково голубит и красавца, и уродливое дитя человеческой мысли. Стойте, книжки, стойте мирно и бестревожно на полках, не боясь забвения! Люди проходят, идеи гаснут и линяют,— книги остаются!

[2 апреля 1932 г.]

ХОЧУ ІМЕ ПОКОИ
ТЫ БУДУЩЕИ ЖЕНОИ СЕБА УТЕШАЕШ: КАКУЮ ВЗЯТ ТЕБЕ ВОПРОШ
ВОЗМИ БОГАТУЮ ТАК БУДЕШ ТЫ БОГАТ. ВОЗМІ БОЛШЕИ РОДНІ БОЯРА БУДЕШ БРАТ
ВОЗМІ РАЗУМНУЮ КЛЮБВІ ПОХВАЛНОИ СТРАТІ. ВОЗМІ ПРЕКРАСНУЮ ТЕЛЕСНОИ РАДІ СЛАТ
А ТЫ ѾВЕТСТВУЕШ МНЕ ХОЧУ ІМЕТ ПОКОИ: ТАК ЛУТЧЕ НЕБЕРІ ПОЖАЛУИ НІКАКОИ:

XVI
НАВОДНЕНИЕ 1824 ГОДА

По улице неспешно проходя, и как не могу не вперять глаз в выставки книжных лавочек, особливо антикварных, то увидал малую брошюрку, в изрыжа-розовой обертке с нижеследующим басурманским титулом:

'Inondazione di Pietroburgo accaduta il giorno 18 Novembre 1824. Lettere di Ferdinando Pasquinoli. Prezzo Cent. 50 Austr. Milano, 1825'.

Учась на медные гроши, понять, не то чтобы понял, а есть у старого книгоеда некий нюх, трудно словами объяснимый, по причине которого, позвенев в кармане монетой и в меру поторговавшись, ту книжечку поспешил приобрести в собственность. А оттоле прямым путем на конке к книжному и личному моему другу, писателю Мих. Осоргину, на итальянском языке съевшему зубы в силу долгого пребывания в тех краях, так что знает и макароны сварить с разной подливкой, и свободно поихнему может написать адрес на конверте. И точно, немедленно и без запинки перевел:

«Наводнение в Ленинграде, происшедшее в день 18 ноября 1824 года. Письма Фердинанда Пасквиноли. Цена пятьдесят австрийских чентезимов. Милан, 1825».

Пробовал осторожно возразить, что в те времена, пожалуй, города Ленинграда не было, но он с твердостью заметил, что по-буржуазному выражаться вовсе не намерен и которое, говорит, было когда-то, того уже не вернешь. Однако, друг на дружку поглядевши, одновременно догадались, что в книжке описано то самое наводнение, про которое Александр Сергеевич Пушкин написал своего «Медного всадника», так что должно быть до чрезвычайности занимательно. Что касается до австрийских чентезимов, то по тем временам никак иначе итальянцам считать было невозможно, не будучи еще самостоятельными.

Сев рядком, ту книжечку перевели, он — свободно

толкуя, а я — карандашиком записывая собственным присущим стилем.

Своровать у Пушкина автор не мог, потому что «Медный всадник» написан только в 1833 году. Но и лично автор наводнения не видал, писал же его по рассказу «...одного петербургского синьора, каковой там находился в те роковые дни и даже прискорбно утратил супругу и сына, сверх части своего благосостояния». Нужно, однако, сказать, что и наш великий поэт лично наводнения не видал, будучи в то время, надо полагать, в селе Михайловском, описывал же по тогдашним журналам. И небезлюбопытно, что и другой поэт, Мицкевич, также не был личным свидетелем и совсем напрасно покрыл реку Неву льдом и посыпал Петербург снегом,— а ни льду, ни снегу в те дни не было [1]. Видел же и с натуры описал только Его светлость граф Хвостов, «поэт, любимый небесами», каковой и воспел «бессмертными стихами несчастье невских берегов».

Так вот означенный итальянский описатель, с присущим ихней нации жаром и увлечением, так начинает свое повествование:

«Ночь была звездной, и луна почти закончила свой бег в тот час, когда все сотворенное предавалось покою. И в час предрассветный смертные друзья зари, встав ото сна, услыхали необычный шум весьма дюжего ветра, заставившего их опасаться некоего несчастья. Была осенняя пора, стоял месяц ноябрь, уже отсчитавший восемнадцать ден, год же был 1824 вульгарной христианской эры, когда, как сказано, страшнейший ветер, порывистый и бурный, налетел со стороны Англии и, с другими ветрами повстречавшись, совокупился с ними как бы в ураган, каковой, заревев, надул и взбучил поверхность моря. Отсюда он быстро прянул к берегам Швеции, невероятно ее повредивши, выдрав тысячи и тысячи дерев в ее густейших лесах, затем пронесся над Балтикой, дальше ринулся к Петербургу, задувши с такой силой, что в меньший срок, чем я сие рассказываю, беспримерные волны ворвались в течение Невы. Река вспухла ужасным образом и, не вместив толикой воды, вышла из берегов, сорвала мосты и в один миг залила весь Петербург и Крон-

штадт, равно как и соседние деревни кругом, быть может, на двенадцать миль, причинив огромный вред агрокультуре, огородам и коммерции. И при сем ураган не удовольствовался бушевать лишь восемнадцатое число, а пожелал с еще большей силой продолжать свою деятельность и на следующий день».

В данном месте, оторвавшись от итальянской книжки, без сговора протянули мы руку к полке, чтобы, взявши томик Пушкина, прочитать:

Но силой ветров от залива
Перегражденная Нева
Обратно шла, гневна, бурлива,
И затопляла острова,
Погода пуще свирепела,
Нева вздувалась и ревела,
Котлом клокоча и клубясь,
И вдруг, как зверь остервенясь,
На город кинулась.

И уж дальше все время сравнивали описанье итальянца с поэтическими словами.

Однако карандашик мой литературный друг у меня отобрал, сказав, что запись моя недостаточно современна по стилю, так что в дальнейшем переводил и писал сам, а именно:

«Множество домов обрушилось или было затоплено, и те, что остались, были с пробоинами, обвалившейся штукатуркой, трещинами — нужны годы, чтобы их поправить. Наводнение ничего не пощадило и повергло все: дома, дворцы, церкви, часовни, больницы, торговые ряды и даже дворец императора. Буря так неистовствовала, что выбросила на площадь Кронштадта военное судно с восьмидесятью пушками, а один паровой катер упал на княжеский дом. Целый кавалерийский полк оказался запертым в казармах, и солдаты, чтобы избегнуть смерти, хотели спастись на крыше. Они уже поднялись по лестнице, уже достигли крыши,— и тут вода так ударила в казарму, что здание обрушилось, и все кавалеристы погибли в бушующей стихии. Ни один не спасся — все потонули в волнах, и казарма растаяла, как рассеянный солнцем туман.

О, боже! Как описать мне вам все, что со слезами на глазах рассказал мне несчастный синьор? Какой разгром, какое разрушенье! Какие убытки, сколько преждевременных смертей! О, как карает твоя божественная рука, создатель! А мы — мы продолжаем погрязать во грехе! — Почти на всех улицах были видны только нагромождения камней, обрушившиеся стены, кучи осколков всякого рода, разодранные и обратившиеся в тряпье одежды, трупы быков, лошадей, собак, кошек и домашней птицы».

И опять, отдыха для, беремся за томик Пушкина:

Осада! приступ! злые волны,
Как воры, лезут в окна. Челны
С разбега стекла бьют кормой.
Лотки под мокрой пеленой,
Обломки хижин, бревна, кровли,
Товар запасливой торговли,
Пожитки бледной нищеты,
Грозой снесенные мосты...

Скривились домики, другие
Совсем обрушились, иные
Волнами сдвинуты; кругом,
Как будто в поле боевом,
Тела валяются...

«Но все это — ничто, когда представишь себе, что тридцать тысяч человек обоего пола, всех возрастов и всех положений утонули, умерли от горя, от ужаса, погибли от голода! В этом плачевном смешении уже никто не мог отличить отца от сына, слуги от господина, нищего от богача, молодого от старика, красавца от урода — все были так обезображены, что можно было только лить слезы, чувствовать, как черным обволакивается душа и как дрожит сердце — а разум тускнеет!»

И не видал сам человек — а пишет, истинно, со слезой. Конечно — итальянец! Они и в австрийском владычестве намучены, и сейчас не сладко [2]! И дале с тем же чувством описывает:

«Какое страшное зрелище, какой ужас, какая нищета в тысячах жилищ! Ах, при одном пересказе меня душат слезы,— не могу их сдерживать! Какая жалость видеть, как вода несет не только изящнейшую, элегантнейшую мебель из сотни домов, не только тончайшую утварь священного культа, драгоценные туалеты стольких дам, мужское и женское платье, всякого рода белье, фарфор, фаянс, стекло, кристалл [3], оружие и тысячу подобных вещей, которых не увидать уже боле, не только огромное количество мертвого скота... все это еще было не столь жалко видеть, как иное, ни с чем не сравнимое: трупы мужчин, женщин и детей, тела тонущих, которые вот-вот исчезнут под водой, тех, что еще дышут — и сейчас погрузятся в волны, без надежды на спасение. Превечный Боже! Но ведь это Твои дети, те, что погибли в дни рокового наводнения? Только ты мог спасти их жизнь... Но что я осмеливаюсь говорить, жалкий профан! О нет! Прости меня! Униженно чту Твою божественную волю!»

Возроптал итальянец, но удержался вовремя! Описано же все с такой живостью, что даже фарфор, фаянс, стекло и оружие, качающиеся на волнах, кажутся живыми, при всей их возможной тяжести.

И еще много описано: и как горючими слезами плакал император, и как оказывала помощь их августейшая родительница, и как бросились генералы, жизни не щадя, спасать из воды живых, мертвых, фаянс, фарфор и оружие. Сказано и у Пушкина:

В опасный путь средь бурных вод
Его пустились генералы...

Мы же знаем, что были это граф Милорадович и генерал-адъютант Бенкендорф.

Однако не заметил описатель — Медного Всадника! В этом у него с Пушкиным большое расхожденье.

«Вот, дорогой друг, печальный рассказ о несчастии, которое хоть и уступает Лиссабонскому землетрясению, происшедшему в 55 году прошлого века, а все же приближается к нему ужасом обстоятельств, делая его если не во всем, то во многом равным. Ваш верный друг Алессандро».

Мы же, любопытный документ изложив в малых кусочках перевода, подпишемся по обычаю — старый книгоед.

[15 апреля 1932 г.]

XVII

„НАСТОЯЩИЙ РЕВИЗОР"

Девяносто шесть лет спустя [1] случилось со мной то ж, что с Антоном Антоновичем Сквозник-Дмухановским: «Сосульку, тряпку принял за важного человека!»

Разбирая книжечки в Тургеневской библиотеке [2], куда, зная мою страсть, допускают беспрепятственно, усмотрел на корешке переплета: «Гоголь. Ревизор», год же издания 1836-й. Памятуя, что именно в сей год Николай Васильевич впервые поставил на сцене свою пьесу, и как раз в апреле месяце, подумал: пожалуй, первое издание, и выдавать таковое публике на трепку и растерзание не годится! И книжечку извлек и отложил до рассмотрения.

И что же оказалось? Самозванец! Чистой воды Иван Александрович Хлестаков!

Другой бы загрустил, а старому книгоеду — нечаянная радость! Порылся, справился — нет такой книжки в каталогах; в свое время не сочли нужным, а по прошествии времени, за ее ничтожеством, забыли. И стала самозванная книжка через одно это редкостью, так что теперь, по полному праву, убрана в особый, почетный шкап.

Издана действительно в 1836 году, и в титуле ловко крупными литерами выделены нужные слова, чтобы привлечь внимание. А называется полностью так:

«Настоящий РЕВИЗОР, комедия в трех днях или действиях, служащая продолжением комедии «РЕВИЗОР», сочиненной г. ГОГОЛЕМ».

Автор, имени своего не выставив [3], вдохновился чужим произведением, написал свое того же размера и с теми же действующими лицами и пустил гулять: раскупят по случаю всеобщего интереса!

И хоть таланта не заметно, а разрешите кратко изложить содержание ради простого курьеза.

Оказалось, видите ли, что настоящий ревизор, по причине которого вышла у Гоголя в конце знаменитая немая

НАСТОЯЩІЙ

РЕВИЗОРЪ,

КОМЕДІЯ

въ трехъ дняхъ или дѣйствіяхъ,

служащая

продолженіемъ Комедіи: Ревизоръ, *сочиненной*

Г. ГОГОЛЕМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

печатано въ типографіи Христіана Гинце.

1836.

Титульный лист

сцена, проживал в городе инкогнито целый месяц, прикрывшись именем Рулева, соляного пристава, а подлинное имя — Алексей Петрович Проводов, действительный статский советник. И такая еще выдумка: будто этот ревизор, под видом соляного пристава, влюбился в городничеву дочку Марью Антоновну, а она в него. Как Рулев, он всюду показывался и бывал, а как Проводов будто бы притворился больным и городничего с другими чиновни-

ками громил при посредстве своего секретаря. Интрижка сложная!

Иван же Александрович Хлестаков, в Питер вернувшись, наболтал всем про свое приключение, так что дошло и до генерала. Конечно, Хлестакова на цугундер, дали ему встряску и послали его обратно в тот городок, в распоряжение настоящего ревизора, для выяснения дел.

Вернувшись, застал Хлестаков всеобщий перепуг и смятение. Однако остановился опять у городничего как лицо, близкое к настоящему ревизору, которого сам еще и не видел. И тут разные сценки. Одураченные чиновники требуют с него обратно деньги, которые он у них «занял», а он их застращивает, кого дуэлями и пистолетами, кого иным, и со всех берет расписки, что не только не должен, а еще они ему должны. Узнав же, что дочка городничего выходит замуж за соляного пристава, с этим он соглашается, а сам приухлестывает за маменькой.

Тут, по его и по Рулева совету, городничий устраивает званый обед, по случаю помолвки Рулева с Марьей Антоновной, а на тот обед зовет и настоящего ревизора, генерала. Генерал ничего, согласен, а сам все не показывается. Пришел день, все собрались на обед, и вот тут-то и оказалось, что Рулев, дочкин жених, и есть не кто иной, как настоящий ревизор, Алексей Петрович Проводов, обо всех делах прекрасно осведомленный (еще бы!) и до чрезвычайности строгий, но благородный. И тут, объявившись, начал он их чесать громовой речью!

«Господа,— говорит,— я тот самый, которому поручено от высшего начальства восстановить в здешнем городе порядок, ниспровергнутый гнусным злоупотреблением власти. Благодаря счастливому случаю, мне удалось сделать то, что не удавалось еще никому: узнать все, не трогаясь с места. Вы,— говорит,— заслужили примерное наказание, но, к счастью вашему, я люблю смягчать приговор законов, не ослабляя правосудия».

И объяснил им обстоятельно, что под суд отдает только одного Землянику, остальных в отставку, а Хлестакова — в подпрапорщики в дальний армейский полк.

Однако Марью Антоновну он действительно любил, а она его, и даже еще раньше, до приезда Хлестакова.

А потому, как будущий зять городничего, он своего тестя хотя от должности и отрешил, однако всего на пять лет, пока же отправил его вместе с дочкой, а своей женой, в свое имение, в глушь, в Бессарабию (она ведь тогда была нашей) [4], «...где — говорит,— вам не с кого будет брать взятки, а ей не с кем кокетничать». И так свою речь заключил:

«Дабы собственным опытом удостовериться в вашем исправлении, я поручаю вам заведывать этим имением. Таким образом, я буду иметь беспрерывное за вами наблюдение. Приготовьтесь,— говорит,— к отъезду в Бессарабию на другой день после нашей свадьбы».

Вот как занятно распорядился! Можно себе представить, что там, в его имении, бывший городничий потом накрутил! Но об этом в пьесе «Настоящий ревизор» ничего не сказано.

В общем — пьеса занимательная, на выдумку автор очень горазд. Хоть и не Гоголь-Яновский, а все же вроде как Брешко-Брешковский! [5]

Сию курьезную книжечку решаюсь зачислить в книжные редкости, потому что, уж наверное, ее никто по тому времени не хранил, да вряд ли и бойко продавалась. Верно, пошла бабам на обертку селедок. А вот попал-таки экземплярчик, чистый и нетронутый, в секретный шкап Тургеневской общественной библиотеки!

ПО ЧАСТИ РОЗОГ

И в том же шкапчике еще одна книжка, нужно сказать — редчайшая и как будто никому не известная. На книжке знак: «Из библиотеки С. В. Ешевского». И на пустой страничке пером, весьма каллиграфически, посвятительная надпись подарившего: «Степану. Васильевичу. Ешевскому. На. Память. Безнравственного. Лганья. И. Позорного. С. Моей. Стороны. Несдержанного. Слова. Сию. Библиографическую. Редкость. Усерднейше. Приносит. Н. Буличь. Казань. 31 марта. МДСССLVI».

С. В. Ешевский был профессором русской истории Московского университета (р. 1829, ум. 1865); в 1854—1858 годах он был в Казани, где, очевидно, и получил

книжечку в подарок; а после, по болезни, долго жил за границей; потому, надо полагать, и попала книжка, после разных странствий, в Тургеневскую библиотеку. А Булич, Николай Никитич, был профессором истории русской литературы и ректором Казанского университета (р. 1824, ум. 1895). В словаре Брокгауза он неправильно назван Николаем Николаевичем, а его автобиография, очень любопытная, есть в шестом томе «Словаря» Венгерова. И там он рассказывает, как увлекался книголюбием и покупал редкости на разных толкучках и как были у него шкапы книг, «изъятых цензурой». И уж если он называл книжку редкостью, значит, так и было, а теперь, семьдесят пять лет спустя,— тем более.

А написана та книжка некиим Леоном Рогальским, секретарем Совета народного просвещения и, надо полагать, таким зубром, светогасильником и, по выражению славного Шишкова [6], задопятом (ретроградом), каких и позже было мало. Титул книжечки таков:

«Изложение причин, побудивших к дополнению постановлений относительно школьной дисциплины, с присовокуплением наставления для училищного начальства и правил для учеников. Варшава, 1835».

Издана книжка на двух языках, русском и французском, левая страничка — русская, правая — французская. И по стилю видно, что на русский переведена.

Была ли то записка по начальству или готовый устав к обязательному исполнению — сказать не могу. Господин Леон Рогальский обращает внимание правительства и начальства на то, что «...отродие детей от 12-ти до 15-летнего возраста, известных во Франции под названием gamins (мальчишки), стало и в нашей земле возмутительным и развращенным» и что поэтому «...не должно колебаться в выборе, обратиться ли к прежним правилам, или оставаться при новых, коль скоро сии последние очевидно обращаются ко вреду и к пагубе юношества». Ибо в последнее время «...вкралось ложное, но для нынешних понятий лакомое мнение, что с детьми надобно обходиться как можно ласковее и что особливо не должно употреблять противу их телесного наказания как средства уничижительного и постыдного».

Между тем сей секретарь Совета народного просвещения полагает, что «опыты многих веков удостоверяют, что одна только розга, разумеется с рассудком отеческою рукою употребляемая, может содержать детей в спасительном страхе» и что нужно бороться с детской резвостью в невинном возрассте. «Это есть злое семя, заключающее в себе часто зародыш страстей самых гибельных, подобно тому как при первых весенних отпрысках крапива под нежной оболочкою скрывает жгучее свое свойство, на том же стебле впоследствии раскрывающееся».

Прямо — поэт! А сверх того, любитель священного писания:

«Вот что сказано в книге Премудрости Иисуса сына Сирахова, главе 30-й: — Ласкай чадо и устрашит тя, играй с ним и опечалит тя; любяй сына участит ему раны, да возвеселится в последняя своя. Конь не укрощен, свиреп бывает, и сын самовольный продерз будет. Сляцы выю его в юности и сокруши ребра его дондеже млад есть, да некогда ожестев не покорится».

Надлежит посему принять меру против «скороспелого отродья» и драть его нещадно, что подробно, в тринадцати пунктах правил, и изложено, как нужно поступать. Особенно же обстоятельно изложен пункт пятый, а именно:

«Дабы телесное наказание чуждо было всяких мер самопроизвольных и не сопровождалось последствиями вредными для здоровья, не дозволяется употреблять для сего ничего другого, кроме пучка розог из березовых сырых или размоченных в воде прутьев с необрезанными концами. Пучок в связке должен иметь около дюйма толщины и длиною быть от 5 до 6 четвертей локтя. Биение должно производиться по... [тут разрешите воспользоваться текстом французским, где значится: il taut frapper sur le derrière] и не иначе, как по голому телу».

Дальше описана целая последовательность наказаний, а в приложении помещены «Правила для учеников, Советом народного просвещения утвержденные», каковые хорошо знакомы каждому, кто был в классических гимназиях доброго старого времени, так как выдавали нам,

гимназистам, особые книжечки, где все эти правила были пропечатаны,— даже вспомнить противно!

Так вот такой был гусь этот секретарь Совета! Вероятно, сделал неплохую карьеру на детских дерриерах!

А что книжка издана в Варшаве — тоже понятно. Там особенно старались деятели просвещения, и хуже всего те, которые сами носили польскую фамилию. Старались, старались, да и достарались.

А все от того, что своевременно не задрали секретарские штанишки и не всыпали ему на французском языке: «Verges de bouleau fraiches ou trempées dans l'eau, les bouts non coupés».

[4 мая 1932 г.]

XVIII

О ВЕЛИКОМ ЛЮБИТЕЛЕ КНИГИ

Очень часто вот так сижу у стола, вооружившись перышком, а глазом вожу по книжным полкам, где любимец стоит, прислонившись плечом к другому любимцу,— и ласково на меня смотрят.

— Ну как? Живем?

Отвечают:

— Да ведь что ж! Жить можно. Года идут, века бегут, люди рождаются и опять уходят в землю, а наше дело простое: стоим себе на полочках и глядим, из-за чего вся суета.

И приходит в голову соображение. Старый книгоед — человек маленький, но ведь так же, в окружении любимых книг, сиживали и работали люди великие, знаменитые писатели, и Шекспир, и Ломоносов, и Брешко-Брешковский[1] У кого застекленный шкап, у кого простые полочки, и помыслить писателя без окружающих книг невозможно!

Лев Николаевич Толстой к старой книге был словно бы довольно равнодушен; в его сочинениях они почти и не упоминаются. Вот только в «Войне и мире» старый князь Николай Андреевич Болконский говорит княжне Марье:

— Вот еще какой-то «Ключ таинства» тебе твоя Элоиза посылает. Религиозная. А я ни в чью веру не вмешиваюсь... Просмотрел. Возьми. Ну, ступай, ступай.

И дал ей, как сказано, «новую неразрезанную книгу».

Что верно — то верно; дело происходило в 1805 году, а в год предшествовавший вышло действительно замечательное произведение Эккартсгаузена «Ключ к таинствам натуры», впоследствии запрещенное. Но есть тут недоразумение: почему же старый князь дал дочери одну книжку, когда сочинение это вышло в четырех томах с отличными гравюрами Ухтомского, Галактионова и Сандерса? И каждый том свыше трехсот страниц!

И как можно такую книгу, больше чем в тысячу страниц, просмотреть, не разрезавши,— очень странно и непонятно! Не очень уважал старую книгу Лев Николаевич!

Скажем, просмотрел он только предисловие, как и ныне делают литературные критики. А в предисловии прямо сказано: «Не спеши заключением о книге по одной какой главе без связи с предыдущею и последующею и не набивай себе только понятия из понятий автора, а считай оные с самою вещию и ищи истины с чистым сердцем», и еще сказано, что «сия книга не для тех острых голов, которые с одного взгляда все знают и разумеют, а для истинно ищущих истины, которые допускают вести себя, дабы после итти самим».

Если же просмотреть только картинки, а их в книге восемь, то понять было еще труднее. Вот, например, «Творец миров» с объяснением: «Глава старца представляет творца миров, все сотворшего единицу. Три пламя, главу его окружающие, суть символ совершенства: в телесном мире означают они долготу, широту и глубину; в духовном мысль, ум, душу, в отношении к телам число, меру, вес; в отношении к душе разум, память, волю... Сим иероглифом выражается вся натура, т. е. существо, свойство, множественность и движение».

Где же понять это простым просмотром!

Еще упоминает Лев Толстой в «Детстве» журнал «Северную пчелу» [2], стоявшую на полочке у Карла Ивановича; будто тот только ее и читал, да еще курс гидростатики и брошюру об унавожении огородов. Дело происходит в 30-х годах, а журнал вышел в 1807-м, и вышла только одна книжка, вместо обещанных двенадцати, и издали ее петербургские гимназисты. Зачем она попала на полочку к Карлу Ивановичу — как-то не очень понятно. А попади она на нашу полочку — была бы радость, потому что даже знаменитый библиограф Геннади еще в 70-х годах писал: «Мне не случалось ее видеть; полагаю, что ее трудно достать». И никто ее не описал. И до чего же обидно: о такой редчайшей книжке упомянуть — и ничего не прибавить! Расскажи Лев Николаевич — мы бы знали!

А вот Пушкин — это был настоящий книголюб! И его

легко представить себе перед книжными шкапами. Книг у него было множество; сколько раскрадено, сколько растащено и зачитано,— а и посейчас сохранилось около 4000 томов, 1522 названия! И много редкостей замечательных. И все читаны-перечитаны, и на многих пометочки поэта:

То кратким словом, то крестом,
То вопросительным крючком...[3]

Бегал по букинистам, искал, шарил, радовался, огорчался. Писал жене в 1836 году: «Что-то дети мои и книги мои?» Как и мы, грешные, часто справлялся о старых книжках в «Опыте российской библиографии» бессмертного Сопикова.

Будучи в Калуге, написал памятку:

«Александр Пушкин с чувством живейшей благодарности принимает знак лестного внимания почтенных своих соотечественников Ивана Фомича Антипина и Фаддея Ивановича Аббакумова. 27 мая 1830. П. Завод».

Кому это написал? — Двум калужским букинистам, которые, узнав об его проезде, пришли почтительно приветствовать знаменитого поэта и книголюба!

Понимал автографы, собирал их и сам умел писать!

Я себе так представляю. Сидит этот кудрявый и необыкновенный человек, с лицом серьезным и ласковым, и любовно смотрит на полочки. Были у него полки длинные и покороче. (Однажды писал он жене: «Пришли мне, если можно, «Essays de M. Montaigne», 4 синих книги на длинных моих полках».) И стоят на этих полках рядком и вразбивку:

«Еней. Героическая Поема Публия Виргилия Марона. Переведена с латинского г-ном Петровым» [4].— Возил с собой и в ссылку, и в путешествия:

Люблю с моим Мароном
Под ясным небосклоном
Близ озера сидеть [5].

«Ложный Петр III, или Жизнь, характер и злодеяния бунтовщика Емельки Пугачева» [6] — Эта книжечка, запрещенная и редкая, была у Пушкина в двух экземплярах. Одним пользовался, на другой посматривал.

«Историа, в неи же пишет о разорении града Трои Фригииского Царства».— Название длинное-предлинное, одно заглавие — целая повесть, а издана при Петре Великом, книжка весьма редкая [7]!

И еще такие же, все кряду. А любимейшая из них подмигивает ему красным сафьяном и золотым обрезом: Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». И вообще-то она редчайшая (была сожжена), а у Александра Сергеевича был экземпляр особый: добытый из Тайной канцелярии с отметками цензора. Так и написано рукой Пушкина:

«Экземпляр, бывший в Тайной канцелярии. Заплачено двести рублей».

Больших денег не пожалел! Об этой книге он писал сам:

«Книга, некогда прошумевшая соблазном и навлекшая на сочинителя гнев Екатерины, смертный приговор и ссылку в Сибирь; ныне типографическая редкость, случайно встречаемая на пыльной полке библиомана или в мешке бродячего разносчика».

Запретные книги он называл «сочиненья, презревшие печать».— «В час утренний досуга я часто друг от друга люблю их отрывать» [8].

И вот еще из его заветных книжек:

«Переписка моды, содержащая письма безруких Мод, размышления неодушевленных нарядов, бессловесных чепцов, чувствования мебелей, карет, записных книжек, пуговиц старозаветных манек, кунташей, шлафоров, телогрей и пр.»

Об этой книжке [9] мало кто знает. Автор (Н. И. Страхов) в ней пишет:

«С тех пор как правда, или по-ученому истина, сделалась для глаз неприятнее едкого дыма, то она должна, чтобы не быть узнанною, являться в свет не иначе как инкогнито или в платье навыворот».

И наворачивает разных рассуждений и разговоров! Идет переписка между «Модой», «Непостоянством», «Дурачеством», а то письма «от Бюро к Комоде» и «от Комоды к Бюро», и в них нарисованы «Молодой Вертопрах», «Бездарный Писец», «Прелестница»,

Титульный разворот

«Корыстолюбивый Судья». И еще письма в редакцию от Кокошника с перепелами, Собольей бархатной шапочки корабликом, Рогатой шапки, Чепца бармотика и других. Над такими старичками Мода посмеивается и отвечает им: «Ваша бономи и семплисите заставили меня так смеяться, что я едва от того не лопнула. Фуй, фуй! Как вы меня уморили! Сюр мон онер, вы, видно, презабавные твари! Ну! Совершенно интересуюсь вас видеть и узнать персонально!»

ЛОЖНЫЙ

ПЕТРЪ III,

или

жизнь, характеръ и злодѣянія

БУНТОВЩИКА,

Емельки Пугачева.

Часть I.

МОСКВА, 1809.

Въ вольной Типографіи,

Ѳедора Любія.

Книжечка интересная, и будь читатель на такие книжки полакомее — не преминул бы я многое из нее выписать. Да ведь где ж! Пушкин такими книжками интересовался, а ныне они в загоне. Нынче читателю подай «актуальное», да еще с перчиком, чтобы она его любила, а он ее — не поймешь, а у каждого еще есть на стороне, да все встретились и заново перетасовались, так что и не разберешь толком, где у кого голова, а где ноги... Такую книжку купил, разрезал, прочитал, отшвырнул — и нет ее. И хра-

нить такую не к чему, и любоваться на нее не приходится.

Александра Сергеевича Пушкина мы, книголюбы, считаем как бы нашим святым и единомышленником, память его чтя с радостным душевным дрожанием. Среди великих он нам ближайший, страстью нашей горевший, чувств наших истолкователь, перстом божественным отмеченный книгоед. Мимо лотка не проходил, не порывшись, пыли не боялся, книжного червя не презирал, страницы листал с любовью, умел поторговаться, а купивши — писал на чистом листе покупки: «Куплено там-то и тогда-то».

А когда пришел его последний и слишком — ох, слишком! — ранний час и лежал он раненый, с печальным взглядом, теряя жизненные силы, и когда спросили его: «Не желаете ли видеть кого из ваших близких?» — он сказал, обратив глаза на свою библиотеку:

— Прощайте, друзья!

То было 27 января 1837 года. А после трех часов пополудни числа 29-го уже умиравший Пушкин, в последний миг просветления, опять обвел свои шкапы и полочки потухавшим взором и опять чуть внятно прошептал:

— Прощайте, прощайте!

Так рассказали нам о нем его близкие люди. Но ближе людей были Пушкину книги — друзья верные, нельстивые, не предатели, не клеветники, не завистники. Друзья, с которыми он проводил лучшие минуты жизни — и средь которых скончался, завещав и нам любить их всего превыше и им одним верить свободно и до конца!

Чувство, сим трогательным рассказом в душе пробужденное, век буду нести в полной до краев чаще, осторожно и бережно, чтобы и капли не пролить, запнувшись за привязанности временные и случайные!

Тебе, книга, наша любовь и низкий наш поклон! Тебе, дарящей сладкие минуты и радостные дни и великому и пигмею, и поэту и простому человеку, и тому, чье имя проживет века, и тому, кто, лишь на полчаса памятный, скромно подписывает эти строки [10].

[13 мая 1932 г.]

Разнощикъ бюстовъ.
Le Sculpteur en plâtre.
Der Gypsarbeiter.

XIX

„МОПС БЕЗ ОШЕЙНИКА“

По летнему времени, может бы, и не след говорить о старых книжках, да и новыми не всякий интересуется; приходит в свой цветущий палисадник, располагается в соответствующем гамаке с романом в руках,— а мысли уходят в туманные дали, попросту говоря, дремлется.

В нашем же возрасте и при неизбывной нашей страстишке к дарам прекрасной старины — книжная пыль слаще той, коей опыляются цветы в целях продолжения рода. И вот, прогуливаясь по садам российской словесности, забрел старый книгоед в тенистую аллею осьмнадцатого века, где в числе прочих любопытных диковинок приобрел в собственность большую редкость под титулом:

«Мопс без ошейника и без цепи, или Свободное и точное открытие таинств общества, именующегося Мопсами.— В Санктпетербурге 1784 года. Печатано с дозволения указного у Христофора Геннинга».

Лицо, к истории прилежное, сразу отметит дату расцвета в России масонских тайных обществ, вначале свободных от гонений, а позже привлекших гнев богоподобной Фелицы [1]. Много есть весьма ныне искомых книг, изданных Новиковым и типографической компанией московских мартинистов. Однако означенная книга не из их числа, а как раз наоборот: издана, надо полагать, с благословения Екатерины для насмешки над просвещенным увлечением; знаем, что ею внушено издание «Тайны противунелепого общества», а может быть, ее ручкой и писано, а также книжки «Масон без маски», переведенной с французского языка.

Книжечка о Мопсе также переведена, и очень плохо, с французского языка, а автором ее был аббат Ларюдан [2]. Аббат пишет: «Ils drèssèrent des Statuts», а у переводчика выходит: «Они поставили статуи». В том же роде и все — и, однако, книжечка любопытна и заслуживает внимания.

МАСОНЪ

БЕЗЪ МАСКИ

или

подлинныя таинства масонскія, изданныя со многими подробностями точно и безпристрастно.

Въ Санктпетербургѣ 1784 года,
Печатано съ дозволенія указнаго
у Христофора Геннинга.

Титульный лист

Что это было за общество Мопсов — послушаем самого автора:

«Сей Орден имеет свое начало от неспокойной совести. Климент вторыйнадесять, наложив проклятие на франкмасонов в 1736 году, принудил великое множество католиков-немцев, устрашенных папским его указом, отстать от своего общества. Но они, не зная, что делать, и видя себя лишенных увеселений, которыми пользовалися,

предприняли учредить другое, которое, будучи свободно от досмотру Ватиканского, доставило им те же забавы, что и первое».

Хотя на деле было не совсем так, однако действительно вошло в моду за границей тайное общество веселых забавников и забавниц, как бы на манер масонского, но в целях развлечения и игры. Тоже — и устав, и слова, и знаки, и будто бы символы, и должности, и ритуал посвящения, но лишь в одну степень. «А как верность и любовь, которые они себе обещают, делают существо их обществва, то они взяли для эмблемы собаку и дали себе имя Мопса, которое на немецком языке значит небольшую английскую собаку, косматую и кудрявую, которая из всего рода собак почитается за вернейшую».

В отличие от масонов, Мопсы допустили в свою среду женщин, будто бы чтобы их задобрить доверием. «Слышны крики, которыми они противу масонов всю Европу наполнили. Мопсы по причине боятся привлечь на себя столь страшных неприятелей». И даже в должности Мастера Ложи допущена женщина: «Ложею управляют шесть месяцев мужчина, а шесть женщина, и когда принимают женщину, всегда великая Мопса, смотрительница и другие чиновницы, исправляют должность принятия».

И дальше разоблачитель подробно описывает весь ритуал принятия лиц обоего пола в тайное общество Мопсов, являющийся насмешливым искажением масонского.

Когда посвящаемого подводят к двери храма, то он не стучит ни рукой, ни ногой, а «...скребет в оные, как собака: сие делает он трижды; и когда ему не отворяют, он опять начинает скресть пуще, и изо всей своей силы, и воет точно так, как собака». Затем новичка вводят, налагают ему на руки цепь, а на шею ошейник и десять раз обводят вокруг назначенного места. В это время все прочие стучат тростями и шпагами, воют по-собачьи и кричат: «Мементо мори», то есть помни, что надобно умереть. Многие при этом пугаются, так как глаза из завязаны. Так, описывает аббат случай, когда одна женщина даже упала от страху в обморок. Однако «надобно,— говорит он,— согласиться, что есть много мужчин, которые себя показывают женщи-

нами в этом случае: не могут на ногах держаться, другие всем телом потеют. Все сие представляет чудное позорище для собрания».

Дальше говорит великий Мастер, а за приемлемого отвечает первый Смотритель:

В. М.— Что значит шум, который был теперь только слышен?

Смотр.— Вошла сюда собака, которая не есть Мопс, и Мопсы хотят ее кусать.

В. М.— Спроси у него, что он хочет.

Смотр.— Он хочет быть Мопсом.

В. М.— Как может сделаться сие превращение?

Смотр.— Сдружась с нами.

В. М.— Не любопытство ли его побуждает сюда войти?

Смотр.— Нет, великий Мопс, польза соединиться с собранием, в котором члены суть препочтенные.

В. М.— Спроси у него, боится ли он дьявола?

Тут отвечают «да» или «нет». А затем приемлемому приказывают высунуть язык, сколь может, берут его за язык пальцами и осматривают со всех сторон, «как бы хотели вытянуть и смотреть язык свиньи, не поросная ли она». И в то же время два брата будто бы серьезно между собою разговаривают поблизости, чтобы посвящаемый слышал:

— Над меру жарко, над меру жарко, пусти его немного прохладиться!

— Теплота умеренна, поверьте мне, что не жарко; надобно, чтобы он мог сделать знак.

А тот слушает и дрожит от страха. «Я видел,— пишет аббат,— что некоторые, крича от ужаса, скоропостижно прыгали назад и приносили руки ко рту, как бы действительно дотронуты были раскаленным железом».

Затем опять разговор:

Смотр.— Великий Мопс, все уже имеет он, что надобно иметь, дабы быть Мопсом.

В. М.— Я радуюсь тому. Однако спроси его, хочет ли он целовать братьев.

Смотр.— Так, великий Мопс!

В. М.— Спроси у него, хочет ли он целовать... Мопса или великого Мастера?

Тут, где поставлены точки, у автора книжки тоже точки, и он просит прощения, что «не может переменить употребительны слова».

Происходит, конечно, недоразумение и большое замешательство. Принимаемый жалуется, что больше никогда в такой компании играть не придет. Особенно женщины не соглашаются. Однако Смотритель убеждает сделать выбор: либо Мопса, либо великого Мастера поцеловать в указанное место. И наконец, Смотритель «берет вышепоказанную собаку, сделанную из штофу или из другой какой подобной материи, у которой хвост загнут, как держат все собаки сего рода; он его прилагает ко рту приемлемого и таким образом насильно велит ему целовать».

По выполнении сего берут с новичка торжественное обещание, что он не выдаст никому тайн общества, иначе «да почтут меня за бесчестного человека» или же «почтут за бесчестную женщину, и да не почтут меня ни красивою, ни разумною, ни достойною любви никакого мужчины, и да откажутся от меня все приятности, которые жены получают от уборного своего столика». Потому что мужчины клянутся на шпаге, а женщины — на уборном столике.

Потом посвящаемому «дают свет», снимают с глаз повязку, и он видит всю компанию Мопсов, мужчин со шпагами, а женщин, «имеющих в одной руке нечто из своего уборного столика», а в другой мопсовое чучело.

Тайный же знак у Мопсов таков: крепко прижать средним пальцем кончик носа, два другие пальца по краям рта, а большой палец под подобородок, мизинец отставить в сторону, а высунутый кончик языка скосить направо. «Не можно вообразить большей шалости той, которая бывает в собрании мужчин и женщин, когда учатся делать сей знак! Вообразите заботливое состояние женщин, принужденных искажать прелести свои таковым гнусным знаком, и мужчин, старающихся показать себя тут как возможно страшнее и безобразнее».

В заключение же всех сих шуточек устраивается обед, и все охотно выпивают и закусывают. Автор описывает это с видимым удовольствием: «Собрание, состоящее из самых молодых мужчин и женщин или, по крайней мере, из таких, которые еще в состоянии веселиться, ествы нежные, вина

отборные! веселость, искренняя любовь и дружеское обхождение. Однако,— прибавляет он,— пристойность там наблюдается. Любятся между собою, но обыкновенно только глазами! Объявление словами, сделанное при полном столе, почтено бы было за нескромность и грубость; но имеют случай и на самом месте изъясняться откровеннее и самопроизвольно».

Ему, аббату Ларюдану, это тайное общество все же кажется гораздо приятнее и лучше масонского. У масонов есть присяга, признанная папой Климентом действием безбожным, между тем как Мопсы довольствуются одним торжественным обещанием и, таким образом, законов не нарушают.

И вот — чтобы закончить — еще кусочек из катехизиса Мопсов, который дается им для изучения.

Вопрос: — Мопс ли ты?

Ответ: — Я не был тем, уже тридцать лет.

В.— Чем же ты был, чрез тридцать лет?

О.— Я был собакою, однако недомашнею собакою.

В.— Когда ты стал домашнею?

О.— Когда мой провожатый начал скресть и лаять у дверей.

В.— Откуда идет ветр?

О.— От востока.

В.— Который час?

О.— Еще рано.

В.— Как ходят Мопсы?

О.— Ведут их цепью от запада к востоку.

В.— Как они пьют?

Но об этом уже рассказано: пьют они хорошее вино и ведут себя достаточно благопристойно, если только все тайны были доступны аббату Ларюдану и от нас он ничего не скрыл.

Сей занятный рассказ об обществе Мопсов великая русская императрица благословила пропечатать, чтобы противопоставить деятельности московских мартинистов, Новикова, Шварца, Лопухина и других, двинувших русское просвещение, впервые поставивших на высоту печатное дело, основавших Дружеское ученое общество, посылавших молодежь учиться за границу, а дома открывших училища,

приюты, больницы, аптеки и во дни неурожая и голодухи на личные средства кормивших хлебом голодные деревни и целые округа [3]. А затем, когда книжка не подействовала,— посадила в узилище замечательнейшего из деятелей конца осьмнадцатого века, Николая Ивановича Новикова.

Однако, по летнему времени, книжка изложена мною не в поучение, а лишь для невинной забавы.

[7 июля 1932 г.]

XX

ЖИЗНЬ ВАНЬКИ КАИНА

Сколько пишется уголовных и приключенческих романов, сколько их печатается в газетных приложениях! И все-таки, думается мне, лучше «Жизни Ваньки Каина» ничего не написано. Всякий, любящий русский язык, слыхал про эту книжку, а вот читали ее, вероятно, немногие.

Говорю про нынешних. В прежнее время она читалась тысячами людей и выдержала до 17 изданий. Но конечно, читал ее простой народ, а человек образованный читал больше Платона и Плотина [1] да Гегеля и Гоголя, а таким вздором не интересовался. По прошествии же ста лет со дня ее написания ею занялись ученые Геннади, Бартенев,[2] Мордовцев [3], Есипов [4]. Порылись в документах сыскного приказа и архива М. Ю. камер-коллегии: подлинно ли жил на свете разбойник и сыщик Иван Каин? Оказывается — был такой. И Николай Васильевич Губерти, великий сих вопросов знаток, признал, что жизнь свою Ванька Каин либо описал сам, либо кому-нибудь продиктовал. Наряду с незабвенным произведением протопопа Аввакума, каинова жизнь — драгоценнейший памятник русского говора и рассказа.

И вот — эта книжечка передо мной, и даже, пожалуй, в ее наилучшем тексте, под таким заголовком:

«Жизнь и похождения российского Картуша, именуемого Каина, известного мошенника и того ремесла людей сыщика, за раскаяние в злодействе получившего от казны свободу, но за обращение в прежний промысел сосланного вечно на каторжную работу, прежде в Рогервик, а потом в Сибирь, писанная им самим, при Балтийском порте, в 1764 году».

Автор — Иван Осипович Каин [5], крестьянин Ростовского уезда села Иванова, принадлежавшего гостиной сотни купцу Петру Дмитриевичу Филатьеву. Родился в 1714 году — а кончил плохо.

Жизнь же его, где можно, изложу подлинными его словами.

Служил Каин в Москве у своего хозяина Филатьева и должность свою отправлял с усердием, а в награду получал несносные бои. «Чего ради вздумал встать поране и шагнуть от двора его подале», а кстати, прихватил и его ларец, и платье. Выйдя со двора, подписал на воротах: «Пей воду, как гусь, ешь хлеб, как свинья, а работай черт, а не я». На улице его поджидал товарищ, по прозванью Камчатка.

Как вышли — так сразу за дело. Дорогой не большой, а проселочной (через забор) забрались к попу, пристукнули церковного сторожа, утащили сарафан попадьи да длиннополый поповский кафтан — и легко пробрались через московские рогатки, будто поп и дьячок. Так и явились под каменный мост, где был воровской притон. Приняты были хорошо, со словами: «Ты будешь, брат, нашего сукна епанча; поживи здесь в нашем доме, в котором всего довольно: наготы и босоты изнавешаны шесты, а голоду и холоду анбары стоят. Пыль да копоть, притом нечего и лопать».

Однако в тот же день поймали Ивана и привели обратно на двор к помещику. На дворе был медведь, близ которого его и приковали и два дня держали без пищи. Кормить медведя приходила девка, которая потихоньку уделяла корму и прикованному. От этой девки Иван узнал новость: помещик отодрал палками ландмилицкого солдата, а тот и помер; тогда этого солдата бросили в колодец, где тело его и пребывает. Это Иван запомнил.

Когда же стал его помещик, раздевши донага, драть, запел Иван «старую песню»: сказал «слово и дело».

Кто кричал «слово и дело», тех обязаны были отправлять в «Стукалов монастырь, сиречь в Тайную, где тихонько говорят» — на пытку.

Здесь отвели Ивана в «...немшоную баню, то есть в застенок, где людей весют, сколько кто потянет». Секретарю, Ивана пытавшему, он ничего не рассказал, чтобы тот «левой рукой к Филатьеву не отписал», а самому графу Семену Андреевичу Салтыкову, начальнику Тайной, рассказал про ландмилицкого солдата в колодце. Дали Ивану конвой, явились с ним к помещику, нашли тело солдата, увезли Филатьева в «Стукалов монастырь», а Иван Каин

.1. ОХОХО БРАТЪ ВГЛАЅА КУЛАКОМЪ: ХОЧЕТЪ МЕНЯ ЅДЕ
ЛАТЬ ДУРАКОМЪ. ДОБРО ТЫ БЕШЕН ДА КОЅЫ НЕСКОРО ПОДОБЬ
ЕШЪ МНЕ ГЛАЅА. ЗАПО[illegible]ТЫ ИСАМЪ ВГОЛОСЫ: КАКЪ ВЛЕПЛЮ
ТЕБЕ ВВОЛОСЫ. .2. АЧТО ПОСТО БРАТЪ МАЛЕНКО: ПОСТУ
ПЛЮ А СТОБОИ ВОДРЕНКО. РОЖАТ УТЕБЯ ПЛОСКА: ДА А
ХВАЧЮ БИТЬ СНОСКА. ИЛИ ЅДЕЛА СОТВАГОЮ ПОПУГАЮ
ТЕБЯ ШПАГОЮ. .3. БАТКА МОИ НЕЅАДАИ: МЕНЯ ТОЛКО ЅНА
КУДА А УИДУ: ЕЖЕЛИ ЗДЕЛАЕШЪ ПАКУЮ БЕДУ. .2. МОЛЧИ
ВТЕБЕ СТАЛИ ДРАКИ: ПОДБИВАЮТЪ ЅРАКИ. НИКТО ИХЪ
НЕРАЗНИМАЕТЪ: АОДИНЪ ОДН ГО ОДОЛЕВАЕТЪ

получил от Тайной канцелярии за услугу вольное для житья письмо.

Так началась его вольная жизнь, которую он хорошо использовал. Первым делом собрал шайку головорезов — и начал работу. Забрались в дом доктора Елвиха и «...увидели того доктора с женой под тем окном спящих; принужден я был в том же окне разуться и влезть в ту спальню; видя их разметавшихся неопрятно, накрыл одеялом, которое сбито было ими в ноги» (попросту — связал); подвернулась докторова девка — связали и ее и положили на ту же кровать «...в середину того доктора и докторши, а сами говорили: бей во все, колоти во все и того не забудь, что и в кашу кладут»,— т. е. чтобы все забирали начисто. Забрали серебро и свезли на продажу дворнику в Данилов монастырь. Тем же вечером ограбили дворцового закройщика, а случайного того дела свидетеля положили, связавши, в лодку и отпихнули ту лодку от берега.

И пошел крутить Ванька Каин со товарищи — всего не расскажешь. Поймает курицу, пустит на чужой двор через забор,— а сам просится ловить; тем временем осмотрит затворы и замки,— а той же ночью с визитом. В помощь себе сманили с Филатьевского двора ту девку, что Ивана кормила, одевали ее барыней и с ее помощью делали разные дела. За это Иван одаривал ее деньгами и краденными драгоценными камнями: «Вот тебе луковка попова! облуплена готова! знай почитай, а умру — поминай!»

Потом поехали на Макарьевскую ярмарку, а по дороге вели разбой. Случалось и попадаться. Тогда Ванька Каин пел свою песню «слово и дело», лупили его батогами и железной сутугой, налагали на шею монастырские четки (т. е. стул) и запирали в каменный мешок Редькиной канцелярии. Выручал товарищ Камчатка с приятелями, подпаивая драгунов «товаром из безумного ряду» (вином). Удерет из тюрьмы — и за новую работу. Ограбили даже татарского мурзу. «Я привязал того татарина ногу к стоящей при его кибитке на аркане лошади, ударил ту лошадь колом, которая оного татарина потащила во всю прыть; а я, схватя тот подголовок, который был полон монет, сказал: неужели татарских денег на Руси брать не будут? — Пришед к товарищам своим, говорил: «На одной неделе

четверга четыре, а деревенский месяц с неделей десять», т. е. везде нас погоня ищет».

Нет числа и разбоям и побегам Ваньки Каина; обычно товарищи выручали его подкупами подьячих и стражи. Пришлют в тюрьму старуху спросить его: «У Ивана в лавке по два гроша лапти» (т. е. нельзя ли из-под караула уйти?). А он отвечает: «Чай примечай, куды чайки летят» (т. е. я и сам время выбираю). Сунут подьячему «муки фунта два с походом» (кафтан с камзолом) — и, глядишь, исчез Иван, и уже разбойничает в городе Кашире, в Ямской слободе, во Фролищевой пустыни, в Шелковом Затоне, у Макарья, на Волге. Шайка растет,— у всех теперь ружья, но больше работали гостинцем (кистенем). Иногда же отдыхали в каком-нибудь селе «в смирном образе», себя же величали донскими казаками, только особенными: «Как увидим деньги, так не подержут их никакие замки». Поразбойничав вдоволь, повернули обратно на Москву и тут временно разбрелись.

С откровенностью рассказывает Ванька Каин, как решил он заняться иным делом: ловить московских воров. Сначала обошел всех, узнал, где кого искать, затем заявился к набольшому московскому командиру, к сенатору князю Кропоткину, «объявив за собой важность». На службу его приняли с радостью, и воров он переловил множество. Так он начал свою карьеру знаменитого московского сыщика Каина. Все дела ему были прощены, жил богатым домом и еще оттого богател, что брал с воров и разбойников немалые взятки. Решил жениться,— да его избранница не хотела за него идти. «Почему она взята была в тот приказ, где, по приводе, под жестоким битьем плетьми, спрашивана; однако, по правости своей, ничего на себя показать не могла, после чего я прислал к ней женщину сказать: ежели она пойдет за меня замуж, то в то же время освобождена на волю будет». Так как та не соглашалась, то Каин попросил наказать ее кнутом и выпустить на его поруки, потому что «сколоченная посуда два века живет», а после отдал ее на излеченье одной просвирне. И таки победил ее Каин: согласилась! Тогда он арестовал попа на улице и приказал обвенчать себя с нею в церкви. Жили мирно и хорошо.

Зарвался Ванька Каин главным образом на великих по-

борах с купцов-мошенников. Затем стал сам подсылать воров — и за хорошую награду возвращал обкраденным, якобы разыскав. А сильно заскучавши, и сам снова тайно заразбойничал. Окончательно попал, когда увез у подьячего Будаева его жену. Тут не помогла ему и команда, бывшая у него под началом, которая не раз его отбивала и избавляла от ареста. В заключение попал Ванька Каин в тайную Шуваловскую канцелярию, «где посмирнее говорят», под пыткой выдал всех своих товарищей, но себя не спас. В 1755 году он был приговорен к смертной казни: «...колесовав, отрубить голову», но, по указу Сената, очевидно, в память великих заслуг сыщика, был наказан кнутом, подвергся вырыванию ноздрей и клеймению на лбу и на щеках (буквы В.О.Р.) и ссылке в «тяжкую работу». Об этом он в своей автобиографии уже не рассказывает, а просто говорит, что «был отправлен я в Рогервик, или Балтийский порт, то есть на холодные воды, от Москвы за семь верст с походом, где и ныне нахожусь».

Только малые кусочки из его рассказа здесь приведены; а рассказ его так красочен, так обильно пересыпан словечками и говорком тогдашней воровской Москвы, так непрерывен в действии, что читается как занятнейший роман. Для историка — клад, для любителя языка — истинное наслаждение [6]!

Что же это был за Ванька Каин? Простой жулик и разбойник, обычный негодяй и преступник? Нет,— побольше! Историк С. Соловьев [7] называет Каина «исторической личностью, типической в своем роде». Геннади называет его «своеобразным героем». Мордовцев говорит, что имя Ваньки Каина самим народом внесено в список имен исторических, «и если народный голос имеет какой-либо вес в русской истории, то голос этот присуждает Каину историческое бессмертие». «Каин,— говорит он,— это громадный рефрактор, в котором отразилась вся подпочвенная историческая Русь, доселе не выбравшаяся еще на божий свет».

А нынешнему читателю нетрудно догадаться: Ванька Каин — <...>это соединение разгула, свободолюбия, сознательного отрицания законов и порядка с отсутствием всякой

морали, придуманной и предложенной; образчик нерабочей, развращенной «широкой русской натуры» — при исключительной природной даровитости.

Не одна эта книжка осталась от Ваньки Каина; есть еще другая: «Песни Ваньки Каина». Никто точно не скажет, был ли он автором хоть части этих песен, хотя, например, в одной из них рассказана его женитьба, в других — его похождения. Из числа этих песен одна, любимая народная, всегда носила название песни «каиновой», хотя образами и выражениями она как будто старше его времени; это знаменитая песня:

Не шуми, мати зеленая дубравушка,
Не мешай мне, добру молодцу, думу думати!

[8 октября 1932 г.]

XXI

Причиною дурных настроений чаще всего является у нас сравнение настоящего с прошлым, к полной первого невыгоде. И так в этом отношении увлекаются, что прошлое кажется сплошным сиянием, без чуточной тени, без единого пятнышка: и люди были лучше, и учреждения прекраснее, и личная жизнь уж до чего хороша! Подумать только: запекали к празднику цельный окорок, варенье заготовляли огромными банками, к обеду ждали ежедневно пять человек. И у каждого было свое дело: этот вел торговлю, тот был прокурором, другой, напротив, защитником, а кто просто наклеивал в альбом редчайшие почтовые марки. Деточки все говорили по-русски и получали двойки по арифметике. А вверху надо всем стояло первоклассного качества правительство, с доброй улыбкою смотревшее, как весело резвятся граждане. Не говоря уже, конечно, о климате: куда было меньше дождей, больше дней солнечных! Население росло неустанно, умирали более от старости и несварения, оставляя завещание родственникам и просветительным заведениям. За границей же нас так уважали, что было даже неловко и хотелось сказать: «Не беспокойтесь, пожалуйста, а заверните в бумагу весь ваш магазин и пришлите мне в гостиницу при счете; а вот это вам за услуги». И бывало, на наш славный русский рубль можно было купить весь Лувр, а за десятку — Вестминстерское аббатство!..

К прошлому имеет неизбывную страстишку и старый книгоед. Поздно вечером, когда замолкают у соседей граммофоны и теесефы, берет он старый русский журнал и любовно листает его. И ах! — сколь много в сем журнале занимательного, чего ныне в жизни уже не отыскать.

Так, например, позвольте извлечь из «Русского архива» [1] забытый документ, возрастом в сто тридцать лет, свидетельствующий о том, как покойно и весело жилось под добрым и мудрым начальственным попечением.

211

О ЛОШАДИ В ОЧКАХ

В нумере 36 «Московских ведомостей» 1802 года было помещено следующее сообщение:

«Мая 1 числа, на гулянье, между чрезвычайного множества экипажей, была лошадь, довольно странно убранная. Молодой поселянин держал за узду молодую, 3-х лет, чалую лошадь, на которой были очки, величиною вершка в 4 в диаметре и обделанные в широких полосах жести. Между очками, по переносью, на красном сафьяне, подписано крупными литерами: «А только 3-х лет». Лошадь в очках возбудила и общий смех, и общее любопытство, и, кто ни спрашивал у поселянина, он всем постоянно отвечал, что в его селе все лошади видят, а молодые все непременно смотрят в очки. Правду или нет сказал мужик, остается решить молодым знатокам в деле окулярном».

По поводу такого известия в делах Московской управы благочиния в архиве старых дел, за номером 381 от 5 мая 1802 года, находится отпуск следующего письма от Московского военного губернатора графа И. П. Салтыкова к тогдашнему директору Московского университета Тургеневу:

«Милостивый государь мой

Иван Петрович!

Помещенное в смеси прошлой субботы Московских публичных ведомостей известие о бывшей маия 1 числа на гулянье лошади в очках подало мне причину покорнейше просить ваше превосходительство уведомить меня, от кого оное для внесения в ведомости доставлено и, каким правилом руководствуясь, поместила типография в газеты происшествие, в самой Москве почти случившееся, без ведома и согласия начальства сей столицы, ибо хотя в нем и не означено места, но то вообще уже известно, и самое издание в печать упадет, как услышу, насчет данного от сего начальства позволения. Не сомневаюсь, что вы согласитесь в том, что подобные известия, до высочайше вверенной мне столицы и губернии относящиеся, следовало бы доводимы быть до сведения моего прежде, нежели сдадутся в печать, я присовокупляю мою просьбу, чтобы вы, милостивый государь мой, в предупреждение могущих иногда быть каковых-либо насчет сего объяснений, приказали не

оставлять впредь о таковых предварительно со мною сноситься. Пребываю, впрочем, с моим истинным и проч. Граф Салтыков».

Столь просто и столь великодушно, в выражениях хотя и строгих, но справедливых, высший московский начальник доброго старого времени поставил на вид директору университета крайнее неудобство появления лошади в очках без предварительного на то разрешения властей!.. Между тем как странно даже помыслить, что было бы в той же Москве в наше время, когда бы мог в ней подобный факт произойти?! Могло бы кончиться не только высшей мерой социальной защиты, но и исключением из партии.

ОБ ИЗЯЩЕСТВЕ НРАВОВ

Во дни, от наших времен удаленные, было этакое особое изящество нравов. То есть, конечно, и секли, и четвертовали, и вымогательствовали, но в этом не было большой разницы со временами настоящими, потому что голове-то все равно, рубят ли ее топором на бревне, или же отчикивают точным научным инструментом. И нечего греха таить — таскали жен за волосья и младенцев учили битием нещадно. Но зато ежели накатывала на человека голубая волна любови, то внешне он проявлял это в выражениях, супротив нынешних гораздо тончайших.

Современных поэтов читаешь — и диву даешься, до чего их чувства открыто неумеренны. Чуть что — сейчас ему нужно совлекать нежно-журчащий шелк ее одежд, и, лба не перекрестивши, немедленно физически изнуряться, и все это публично описывать. Я,— говорит,— от страсти изнемогаю, и наши,— говорит,— потрескавшиеся от жара губы потребовали соединения. А прилично ли таковое обнародовать?

Между тем старинный молодой человек, естественно воспылав, сдерживался и старался действовать уместным тонким комплиментом. Как раз я нашел в старом журнале стихотворение, автор которого неизвестен, но предположительно это — поэт Шаликов [2], ибо его стиль. И вот какие прекрасные по изящной умеренности строки восхищения:

В окне за стеклами у вас алела роза,
Я думал, это вы, и поклонился ей.

Лучше не скажешь! Как бы: «Разрешите лишь мимоходом и издали поддаться невольному восхищению несказанными прелестями». А не то чтобы тут же броситься на предмет любви и проявить непохвальную несдержанность натуры, что на женщин воспитанных производит отталкивающее впечатление, хотя иногда и завершается победой.

Другая человеческая черта — искренняя признательность и благодарность. И она в наше время встречается реже: норовят использовать, ничем не отблагодаривши. Уснуло чувство признательности, обуяла человека ненасытимая жадность!

И вот, очень кстати, в памятках записной книжки кн. П. Вяземского нахожу отмеченным пример человеческой полной удовлетворенности и признательности, а именно: слова одной старушки, довольной своей участью, которая с умилением говорила:

«Да будет господь бог **вознагражден** за все его милости ко мне!»

И кажется мне, что дальше в человеческой благожелательности идти некуда.

ОШИБКИ ВСЕГДА ВОЗМОЖНЫ

Единственное, в чем особой разницы между прошлым и настоящим не проявилось,— это в склонности русского человека к употреблению в домашнем обиходе выражений на иностранных языках. В особой чести всегда был у нас французский. Известно, что не все русские говорят на нем отчетливо и безошибочно; иной брякнет даме с красивыми губками:

— Vos èponges sont belles!

Другой попросит в аптеке:

— Donnez-moi du purgatoir...

Третий пожалуется на больную свою ногу:

— J'ai mal an jambon.

Так вот то же самое случалось и в те времена, когда российское просвещенное общество только по-французски и говорило, а по-русски даже стыдилось. Об этом, старые анекдоты в журналах перебирая, находим указания на небезлюбопытные примеры.

Барон Мальтиц, зять поэта Тютчева, рассказывает, как он впервые в своей жизни получил знак отличия — орден св. равноапостольного князя Владимира, четвертой (последней) степени, о чем рассказывал охотно в обществе, говоря, что имел счастье получить:

— L'ordre du grand-duc, Saint Wladimir, ègal aux apôtres, de la quatrième classe: c'est la dernière.

Писатель Гнедич [3], любитель пофранцузить, приняв участие в светском обсуждении наружности одной девицы, громко возгласил:

— Ce n'est pas un bel visage, mais comme disent les français, c'est une jolie figurlette.

Один русский ученый путешественник, побывавши в Париже в 1814 году, очень живо и восхищенно перечислял достоинства:

— De l'illustre coupable du triomphe d'aujourd'hui.

А венецианский дипломат, не отставая от русских коллег, галантно заявил императрице:

— J'ai le bonheur d'être jusqu'à la mort attaché à la grande potence de votre majesté.

Хотя по-итальянски «потенца» значит — держава, но по-французски «потанс» больше означает — виселица.

Всех же превзошла русская дама, впервые попавшая ко двору, которая, зная, что государя следует звать «сир», августейшую его супругу называла в разговоре «сирен». И еще другая, быв представлена в Риме папе, поразила его почтительным обращением:

— Mon pape!

Так что нам смущаться нечего, ошибочки всегда возможны, и нет ничего плохого, когда русский человек, позвонивши и услыхав за дверью оклик «кто там», достойно и кратко отвечает:

— Je!

[27 октября 1932 г.]

XXII

СУДЬБА РЕДКОСТЕЙ

Любителям старой книги, не оставляющим мысли о ней и в тяжкие дни, под любыми широтами и долготами, задам загадку:

— Делается ли от течения времени редкая книга еще более редкой, или же случается и наоборот?

Для всего мира ответ прост, для нашей страны — весьма спорен и сложен.

Кажется — о чем говорить? По-настоящему редкой книжицы все экземпляры на счету, а время — самый страшный книжный червь. Иная погибнет в пожаре, другую уничтожит наводнение, третью — случай, четвертую — злая воля, а еще иная просто истлеет от времени, хотя бы и в наилучшем шкапу.

Переиздание ценной книги, хотя бы самое любовное и фотолитографическое, как преискусно было переиздано «Остромирово евангелие» спустя восемь с половиной веков,— ничего не убавляет в ценности и редкости оригинала.

Но вот что случается и что случилось у нас.

В бурные российские дни погибло много редких и драгоценных книг. Сам слыхал и видал, как плавали такие книги в затопленных погребах и как по былым помещичьим деревням мальчики играли в бабки, взяв вместо битка гладкий кожаный томик осьмнадцатого века. И было еще такое учреждение «Правбум», которое перемалывало что угодно на бумагу, будь то макулатура или будь то великая книжная драгоценность. Синодик погибших славных библиотек, начатый С. Р. Минцловым [1], продолженный Ленинградским обществом библиофилов [2], и по сю пору не закончен.

И в то же самое время выплыло на свет божий и на рынок, сначала на вольный, потом — на казенный, столько чудес, покоившихся по городам и весям, неописанных и неописуемых, что убыль покрылась с избытком.

Все прежние подсчеты книголюбов и книгоедов оказались неверными. Потянулись книги с чердаков и с полочек, из усадеб и домов, из городов и весей, в солидной коже и в трепаном виде, с невиданным раньше экслибрисом и рыжей чернильной пометкой, кому «сея книга принадлежит».

И случилось, что иная редкость, сущий уникум, отыскала своего братца, а то и целую семейку близнецов. Часть пошла в большие книгохранилища, другая часть поступила на предмет нового разбазаривания. И теперь, в превосходных каталогах «Международной книги», выходящих еженедельно, мы находим то, о чем раньше и не мечтали. Теперь это все идет для продажи за границу; но книге все равно где быть, только бы не теряться в забвенье, не гнить от незнанья и небреженья. Долетает и сюда к нам иная бывшая великая редкость, ищет любителя, слоняется из рук в руки, заглядывает на публичные продажи и успокаивается на полочках истинных книголюбов. Может быть, здесь и останется, а может быть, со временем вернется домой.

Как на самый яркий пример, укажу на книги мистические и масонские времен Екатерины и Александра Первого. Казалось раньше, что все они были на счету и редкостны вне сомненья. Редкими они остались и теперь, но счет их сильно изменился. Сейчас любитель, при достаточных средствах, может за один год собрать их столько, сколько раньше не собрал бы и за двадцать лет.

Укажу для примера на книгу «Магазин свободно-каменщической, содержащий в себе: Речи, говоренные в собраниях; песни, письма, разговоры и другие разные краткие писания, стихами и прозою[3]». Изданная всего в 600 экземплярах, она в продаже никогда не была: раздавалась только вступившим в братство в некоторых ложах. Роздано было немного, а все остатки были конфискованы и сожжены. Больше ста лет тому назад славной памяти Василий Сопиков, наших библиографов отец и дядька, называл ее книгой редкой; позднейшие исследования в один голос называли редчайшей.

Стоя около книги пять лет уже в советские времена, пропустив мимо себя десятки, а то и сотни тысяч книг

Титульный лист

всякого рода, ни разу этой книги я не видал, хотя хорошо знал ее по описаниям и Губерти, и Геннади, и Лонгинова [4], и Бурцева, и Березина-Ширяева.

И вот года два тому назад увидал я эту книгу в каталоге одного европейского торговца, воспылал, подсчитал в кармане — и выписал. А в ответ получил: «Книга продана; постараюсь найти другой экземпляр». Поплакал: где же другой достанешь! А месяца через два книгу действительно получил, за цену весьма почтенную, и подумал: «Ту же са-

мую, разбойник, перекупил и продал мне втридорога!» А с той поры ту же книгу, из редких редкую, уже дважды вновь видел в разных каталогах. Вот тебе и великая редкость!

Менее редка книга «Апология» [5]; однако радовался, купив ее за пятнадцать долларов наличной монетой. Ныне частенько вижу в советских каталогах, и цена ей в десять раз меньше; опять — обида!.. Правда, моя печатана в типографии Н. Рассказова, а не в опухинской, как у других; но ведь мы-то, старые волки, знаем, как это делалось; все же горжусь хоть этим.

За пять рублей, конечно валютой, идут «Братские увещания» [6] Седдага, за грош — «Хризомандер» [7]. До чего же это дойдет, товарищи! А почем у вас мыло? Пареная репа почем на базаре? Ведь этак, пожалуй, отыщется и книга «Магикон», кой-кем серьезно отмеченная, но никогда печати не видавшая, отыщется — и пойдет за полпары башмаков в лучшем случае.

Смотрю на свои малые полочки, считаю сдачу на прачкином счете и думаю: если бы да я не курил, да если бы не ел досыта, да если бы не мировой кризис, да если бы не термы, да еще бы разные «если бы»,— полок бы не хватило, и стен бы не было видно, и пришел бы казенный инженер и сказал: «Господин, освободите квартиру, а то пол провалится».

«МАСОН БЕЗ МАСКИ»

Среди книг мистических, масонских и противумасонских, имевших столь много любителей и собирателей, редкими считались и остались, между прочими, две, на которые имею счастье дома у себя любоваться.

Одна — нынешнему читателю малоинтересная: «Святого отца нашего Иоанна Златоуста архиепископа константинопольского книга о девстве», купленная мною в Париже по случаю по цене бросовой — два месяца подписки на «Возрождение», ежели, конечно, кому хочется подписываться. В сей книге показывается, что не всякая дева есть дева. Так, например, «еретических дев я никогда девами именовати не могу; во-первых, яко оне не суть чисти, вто-

рое, яко оне, гнушаяся супружеством, удаляются от брака: почему беззаконным оное поставляя быти делом, упредительно сами себе девства мзду отъемлют. Ибо от злых дел уклоняющимся не достойно есть увенчеваемым быти, но точию от казни освободится могут таковые».

Как попала такая книга в Париж — уму непостижимо. Издана она в 1783 году Н. Новиковым, а в 1816 году ее купил неизвестный мне Марк Морозов, тут же и подписавший чернилами, что книге возраст 33 года! Очевидно, это мистическое число его очень поразило.

Другая же прелюбопытная книжечка противумасонская называется «Масон без маски, или Подлинные таинства масонские, изданные со многими подробностями, точно и беспристрастно. Спб., 1784».

О ней только и известно, что перевел ее с английского некий Иван Иванович Соц [8], но английского такого издания мы пока не знаем. Она издана в самую пору расцвета просветительной деятельности той общественной группы, которую неправильно называли «мартинистами». Екатерина их недолюбливала, писала против них книжки и комедии и другим то же поручала. Возможно, что и книга «Масон без маски» была издана с ее благословения, хотя любопытно, что предатель масонских тайн выставляет себя в этой книжке в весьма невыгодном свете, а самые «тайны» излагает старательно и без особого вздора, так что книга могла не только вызвать интерес к масонству, но и служить некоторым пособием для прозелитов [9].

А вот и его предисловие:

«Господа масоны! Я беглец, оставивший братство ваше и вашу работу, дабы быть по-прежнему профаном. Свет, коим вы меня озарили, не должен быть всегда под спудом и в рассуждении прочих ближних наших, но время уже просветить оным и их очи. Позвольте мне, государи мои, разогнать ныне густой их мрак и представить им в ясности ваши таинства. Не взропщите на меня за сие и одобрите сами мое намерение, ибо я хочу оказать услугу многим благонамеренным сочленам вашего общества и тем, кои оному не причастны. Добродетели ваши, государи мои, должны быть известны всем, и вы не имеете никакого на оные исключительного права. Пороки же, произведенные

злоупотреблением странных таинств ваших, могут навсегда остаться в сердцах ревностных членов вашего вольнокаменщичьего общества. Многие из вас станут, может быть, порицать меня в вероломстве, несоблюдении торжественного обета своего и нарушении священной клятвы своей, но в том и совесть моя и все добродушные люди совершенно меня оправдают. Обязательство свободное есть поистине священное, но учиненное при обнаженных мечах и посреди храма ужаса есть не что иное, как поругание клятвы и жертва единого только коварства и легковерия. Я есмь, государи мои, усердный таинств ваших предатель Н. Н.»

Однако в дальнейшем «предатель тайны» обстоятельно описывает ритуал принятия его "аппрантивом", называя его шуткой и пустяками; это не помешало ему пройти три степени масонства с полной серьезностью, а уйдя, он жалел больше всего о десяти гинеях, взятых с него в благотворительный фонд. Всего он пробыл в братстве четырнадцать лет (во Франции, Англии и Голландии), причем ничего дурного видеть не удосужился, в чем и признается: «Больше ничего не видел, как то, что тут описал, естьли бы видел больше, то бы также объявил».

То, что он описал, ныне общеизвестно и можно найти в общей литературе, да и раньше никакой особой тайны не представляло. Что же касается самого масонского учения, то «предатель тайны» откровенно признается:

«Ничего нет лучше масонской системы, и основатель оной заслуживает бессмертную славу. Я думаю, что он был англичанин; по крайней мере, он должен быть англичанин для того, что никому так не свойственно, как сему народу, поставлять человека в равенстве с человеком и отдавать человечеству достодолжное почтение...» «Он усмотрел, что все люди равны и что ничего недостает к их благополучию, как токмо чтобы они сами хотели оного достигнуть чрез взаимную и искреннюю любовь». «Сей человек, коему должно приписывать по справедливости бессмертие, имел просвещенный разум и чистое сердце».

Таким образом, «предатель тайны» протестует только против того, что братство вольных каменщиков остается тайным, в то время как нет в этом никакой надобности «...в земле, какова есть Англия и почти вся северная часть

Европы, где представлена всем полная и совершенная свобода ко изъяснению мыслей своих и где давно уже не страждет никто за произвольную игру слов, устами его произнесенных».

А спустя два года по выходе в Москве сей книжечки, волею императрицы, издание ее благословившей, христианнейшие писания русских «мартинистов» были сожжены и Новиков заключен в Шлиссельбургскую крепость. Так что автор «Масона без маски» мог почесать затылок и сообразить:

— Это тебе, брат, не Англия!

[20 декабря 1932 г.]

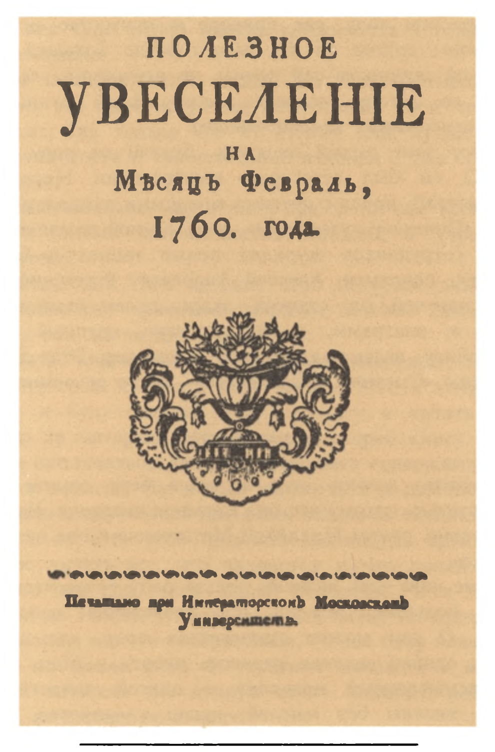
XXIII
ЮБИЛЕЙ ПОЭТА

Приятель, дорогой и любезнейший, забежал с улыбочкой и говорит:

— Вот вы разного барахла любитель, так я прихватил вам книжечку, может быть, вас заинтересует. Купил по случаю, а мне ни к чему.

И, щедрую руку простерев, подал мне кожаный томик, проеденный червяком, да и кожа сама от времени стала рябой и поистерлась. Однако все в порядке, бумага не по-нынешнему хороша, на титульном листе гравюрка, на гравюрке слева солнце заходит за скалу, а справа стоймя стоит месяц, внизу же дерево и два амура собирают в корзину цветочки. На белой странице рыжими чернилами размашисто написано: «Ном. 225. Казенная», а если перевернуть, то между строчками можно прочитать помельче: «а моя».

Солнце и луна вместе — это я очень уважаю! Это и на петровских книгах встречается (хоть бы на книге «География Генералная, или Повсюдная» [1]), а уж, главное, на мистических рубежах двух веков: и небесные светила, и треугольники, и пеликан, мясом своим птенцов кормящий, и лучезарная дельта. Но данная книжка, мне подаренная, оказалсь просто «Полезным увеселением» за 1760 год [2]. Легко сказать «просто»! Книжка редчайшая! Этот журнал издавал Михайла Херасков, Михаил Матвеевич, знаменитый писатель и стихотворец, родившийся ровно двести лет тому назад — в 1733 году. За долгую свою жизнь воспевал он Елизавету и Екатерину, был сам прославлен «величайшим поэтом», написал тьму од и поэм, в том числе «Россиаду», был куратором Московского университета в течение почти сорока лет, был другом и сподвижником Н. И. Новикова, членом «Дружеского ученого общества», видным масоном-розенкрейцером, человеком изумительнейшим по кротости и душевной доброте — и был, наконец, крепко-накрепко забыт потомством.

ПОЛЕЗНОЕ
УВЕСЕЛЕНІЕ
НА
Мѣсяцъ Февраль,
1760. года.

Печатано при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Титульный лист

Это он, «быв уже украшен сединами, с юношескою пылкостью играл на златострунной лире своей». И это он сказал: «Человек может состареться, но сердце его состареться не может». Это он считал, что счастье не во внешних условиях жизни, а в нас самих, и что выше свободы политической — свобода духовная. И это он больше всякого другого заслужил отзыв: «Ни словом единым бессмертной души не унизил».

Иные, читая его «Россиаду», уверяли, что прогуливаясь

«в прекрасном саду, где природа и искусство истощили дары свои»; другие (и их было гораздо больше) зевали от великой скучности сей поэмы, но неизменно уважали и любили ее автора, человека отличнейшей души и во многих отношениях замечательного.

Так вот этот самый писатель, будучи от роду 27 лет (а в 22 он был асессором конференции Московского университета!), начал с другими молодыми людьми издавать журнал «Полезное увеселение», передо мной лежащий. Кое-кто из сотрудников журнала позже вышел в большие люди, как, например, Алексей Андреевич Ржевский, автор многих притчей, од, стансов, эклог, писем сатирических, загадок и эпиграмм, а впоследствии крупный масон-розенкрейцер, вельможа, сенатор и кавалер. Этот написал и трагедию «Смердий и Прелеста»,— а кто ее помнит?

О ЧИТАТЕЛЕ

Из первого номера сего журнала беру самую в нем первую статью, потому что она касается читателя. Написана же, вероятно, самим Михайлой Матвеевичем: она передовая в журнале.

«Чтение книг есть великая польза роду человеческому, и гораздо большая, нежели все врачеванья неискусных медиков. О сем можно сумневаться тому, кто книг не читывал; однако великая разность читать и быть читателем. Несмысленный подьячий с охотой читает книги, которые писаны без мыслей, купец удивляется, по их наречию, виршам, сочиненным таким же невежею, каков сам он; однако они не читатели».

И тут сразу автор начинает сердиться на плохих читателей, сравнивая их со столь же плохими сочинителями:

«Сколько есть неискусных сочинителей, гораздо большее число безумных чтецов; но сочинитель, написав дурную книгу, делает бесчестие себе, а глупый чтец, читая оную, и себе и другим вред делает; омраченные мысли, погрузнув в мраке глупого сочинения, вдвое тупее становятся, и, не прочистив настоящим образом свету к познанию прямого содержания хорошей или дурной книги, сообщает свое безумие другому невеже».

Вот как худо читать плохие книжки! Да к тому же еще и небезопасно:

«Сии знатоки, или чтецы по просторечию, весьма досадно, что грамоте учены; они пользы иной чрез то не приносят, как только что от чтения или, лучше сказать, от непонятности и тупости своей наконец с ума сойдут или ослепнут».

И действительно, ладно ли у нас и по сие время выбирают и читают книги, взятые, скажем, в Тургеневской библиотеке?

«Романы для того читают, чтоб искуснее любиться, и часто отмечают красными знаками нежные самые речи».

Ну, а как же читать? А вот как:

«Читать книги много наблюдать надлежит; первое — испытать себя: на что я хочу читать? Что я хочу читать? И как я буду читать? Что за книгу я читать берусь? Всякую ли материю толковать или скорей книгу кончить? Но это непохвально для книг хорошего содержания».

Выбор нелегок! Ну, а если только для развлечения?

«Ежели стану читать для того, что дома скушно, а гости не едут, то есть чтоб прогнать как-нибудь время, так я советую читать все, что захочется и что попадется, для того что это для таких людей неопасно; гости приехали, материя из головы уехала, да и век назад не возвратится».

По-моему, все эти соображения, 70 лет тому назад писанные, и до наших дней не утратили свежести и важности. Плохой читатель «на дурную книгу походит, которая ни мысли, ни складу не имеет»!

Каковые мысли, по случаю 200-летия дня рождения издателя и пииты Михайлы Хераскова, счел уместным здесь привести.

Все же остальное в журнальчике сильно поустарело, хотя для старого книжника и любопытно. Из стихотворных творений можно привести его юношеские стансы в том же издании:

Все на свете сем проходит,
Постоянного в нем нет.
Солнце утром хоть восходит,
Вечером опять зайдет.
Ничего нам вечность люта

Не оставит никогда,
И с минутою минута
Истребляется всегда.
Есть ли жизнь я воображаю,
Ту минуту жизни чту,
Я в котору пребываю,
А не ту, котору жду.

По нынешнему времени с такими виршами не примут ни в один журнал, ни даже в парижский Союз поэтов! За подобные стишки нынче засмеют человека, скажут: ну, братец, ты уж лучше бы шел в литературные критики, а поэзию оставил! По тому же времени все это очень свободно и не без удовольствия потреблялось...

[13 января 1933 г.]

XXIV

„КАРТИНКИ РУССКИХ НРАВОВ“

Может быть и старое прекрасным — и новое ему не уступать. Порою искренне радуюсь, держа в руках современную русскую книжку, изданную старательно и любовно. Таковы некоторые книжки советского издательства «Academia», также Издательства писателей в Ленинграде, на достойной бумаге и с отличными иллюстрациями. Часть из этих книг надолго останется и будет цениться собирателями,— правда, небольшая часть, потому что все же сказывается на качестве массовое производство... Еще новенькая книжка уже шатается в корешке, материал переплета дешев, золото тиснения рыже и тускло, обрез неровен. И еще одно плохо в нынешних книгах, набираемых машинами: бегают по страницам белые змейки слившихся пропусков и выправить это невозможно; раньше, при наборе ручном, в дорогом издании за этим следили, не допуская лакун и пятен, чтобы глаз на странице отдыхал и не обижался.

Хорошему новому — привет! Но сколь же ласкает душу и глаз старое изданьице 40-х годов, когда в иллюстрацию вкладывали всю любовь и внимание! Сама книжка — пустяк, и роскоши в ней нет; а развернешь — и с первой до последней страницы любуешься и удивляешься!

Таковы, например, шесть малых книжечек, в 16-ю долю листа, под общим титулом «Картинки русских нравов» [1], все с политипажами по рисункам В. Тимма, резанными бар. Клодтом, Неттельгорстом [2] и другими. Тексты неважны: уже и по тому времени старые рассказы Греча, Булгарина, Мятлева, звезд третьей величины. Но нет странички без рисунка и нет начальной буквы без прекрасного украшения. Простенькое и в своей простоте воистину прелестное издание. К нему предисловие, не от издателя, а от самого издания, текст которого в кусочках позвольте привести, так как эти книжечки исключительно редки и давно уже в антикварной продаже ненаходимы.

ОТ ИЗДАНИЯ

«Я не книга! Литераторы не ломали головы, чтоб составить меня, книгопродавцы не издерживались на мое издание, следовательно, я — не книга. Что же я? Издание художественное, предпринятое артистами для опыта, могут ли у нас существовать иллюстрированные издания, и для доказательства, что и у нас можно иллюстрировать (т. е. прилагать к книге политипажи) хорошо и дешево! Сравните эти издания с парижскими книжечками в этом же роде, выходящими в свет под заглавием физиологий (т. е. очерков нравов) разных лиц, и вы удостоверитесь, что петербургское издание не только не уступает парижским, но во многом превосходит их. С лишком сто картинок, отлично оттиснутых на сатинированной веленевой бумаге — «за один рубль серебром». Дешевле этого невозможно иметь в целом мире!»

И знаете, что тут сказано, есть факт, а не реклама! Некоторое подражание парижским изданиям того времени, конечно, заметно, но ученик превзошел учителя тщательностью и изяществом.

«Но как же вы не называетесь книгою, спросят у этого издания, когда у вас есть печатный текст? Правда, есть тут статьи, но они здесь служат полем, на котором помещена миниатюрная картинная галерея! Статьи эти были уже несколько раз напечатаны, переведены на чужеземные языки, прочтены многими тысячами и обруганы несколькими противниками, словом, все совершилось в надлежащем беспорядке, как водится в литературе и журналистике, которых чуждается это артистическое издание... У артистов золотые таланты не закопаны в земле, на хранение, и они, в начале своего предприятия, ничем не могут поделиться с литераторами, как только любовию своею к изящному».

Что поругивали литераторов, особенно Греча и Булгарина, в том сомнения нет. Но по правде сказать, на текст как-то и внимания не обращаешь — так хороши сопровождающие его картинки. И автор предисловия кончает:

«Итак, ступайте в свет, «Картинки русских нравов», и

поразведайте хорошенько: любит ли наша публика иллюстрированные дешевые издания! Тогда можно будет предпринять много хорошего и сочетать русские художества с русскою литературою! — Ступайте в свет, «Картинки», не бойтесь критиков! На одного черновзглядного найдется пять добрых, которые вас утешат и призрят вашу юность!»

Книжки пошли гулять — и так загулялись, что сейчас редкий книголюб может похвалиться, что есть в его распоряжении все шесть книжек: «Салопница», «Корнет», «Петергофский праздник», «Невский пароход», «Находчивое поколение» и «Преферанс». Описаны они не раз, а мало кто их видал. И с грустью должен признаться старый книгоед, что и он каждодневно любуется только «Салопницей» Булгарина, его же «Корнетом» и «Невским пароходом» А. Греча, сплетенными в единый томик.

«КОРНЕТ»

А чтобы дать хоть малое представление, с каким усердием книжка расцвечена прекрасными гравюрами на дереве, позвольте привести здесь отрывок из «Корнета» с описанием иллюстраций.

Отрывок начинается буквой «М», к которой прислонена детская постелька:

«Младенец при рождении плачет, потому что следует внушению природы, а природа — философка и, зная, что такое жизнь в существе своем, не может внушить младенцу радости. Но если б младенец (разумеется, мужского пола) мог предвидеть, сколько пред ним в жизни шампанского,

И тут гравюрка на полстранички: две бутылки зажаты в пальцах лакея; кроме руки видны только пуговки одежды.

мазурок и кадрилей,

Опять гравюрка: склонила голову девушка, в бальном платье, а перед ней в почтительной позе молодой корнет — приглашает ее на танец.

красавиц,

И вслед за словом — на всю страницу рисунок: девица младая и большеглазая, с личиком воплощенной не-

изнатныя подпольныя мыши крiюшныя блудницы напоследок коту п
ослужили ночухонския дроги сказа лапы положили хотят печаль утоли
тьа кота вгоксной дне утопить 2 надрогах сидит кучира изнакозна
кучи 3 збалчуга старая крыса помивает алабрыса урусу поет поно
лилма дети свистом припевают 4 искусная мышка изнемецкой лавки
клавши свирель блавка мило играет кота проклинает 5 мыш корта
тащит кукон скорча 6 позади бежит истаганки самая поганка вне
тх вбубон похоть будет 7 деревенская мыш сарна всвирелку играет а
ладу кезвает 8 вбалалайку игратает напоминки коту собирает госте
а гремко здену изубогова дому 9 вина песни воспевает апосле коту доброю
жизнь возвещает 10 мыш татарская арина тож наиграбайт
балышку и мыш срезане всиних сарафане идучи так горько плачет
х акама вприсапху пляшет 12 мыши слеси идут хвосты повеса 13
мыши ермаки надели калпаки 14 окольных домов из больших питей
мых погребов сидит маниник 14 в однокоеке нас тце обвелает бе
сельа ..., це 15 уранспам мыш братиною гремит передних
бранит что скоро бегут істарых неждут хромыя малазрецкiа
мыши наснаук аними бежит 16 мыши очухонки вдовы тащат ме
мевамолоко ушат сметош ново году испоздходу 17 ... бежит кру

шкою гремит повозников бранит
мх кота помянайте похмельных
цу вина адругая назакуску порт
ыса седая смотрит бочки уко
мыш присвещнику заткнула
скрипицу 21 мыша охтанска пере
том кака ребенка 22 сельска
другая рыжа говорит аде ночью
борна попала вяму гонскою п
вон ее тащат 26 мыши дворы
невбрут 27 мыш курбата нес
сметаны адругой сметаны попу
сикает 29 мыши істатарской
зерецка мыш тащитца нанос
ровнах 30 сибирские мыши
ш чурила беду сокурила кота
коту нераздавила 33 мышка
пті азубайка 34 мышы арке кра
ши рака ічиним драку 36 коломен

...черных шрепицах как мыши кота погребают недруга своего

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Санктпетербургъ, Января 3 дня, 1842 года.

Ценсоръ *П. Корсаковъ.*

Печатано въ типографіи *Journal de St.-Pétersbourg.*

ПЕТЕРГОФСКІЙ

ПРАЗДНИКЪ.

ТРИ ПѢСНИ,

сочиненія

Н. МЯТЛЕВА.

рисунки

В. ТИММА.

гравированные на деревѣ

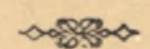
Барономъ Клотомъ, его ученикомъ,
Г. Линкомъ, и Г. Масловымъ.

КАРТИНКИ

РУССКИХЪ НРАВОВЪ.

КНИЖКА II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1842.

кататься на катерѣ, попросилъ, какъ будто шутя, чтобъ его высадили въ Петергофѣ, и раскланявшись съ новыми пріятелями отправился преспокойно пѣшкомъ въ Петербургъ.

Пройдя нѣсколько по Нарвской дорогѣ, поглядывая и посвистывая, голышъ мой поравнялся съ какою-то латышскою бричкою безконечной длины, подъ полотняною покрышкой. Бричка тянулась шагомъ; изъ боковыхъ амбразуръ выглядывала полдюжина приго-

НЕВСКІЙ ПАРОХОДЪ.

сочиненіе

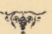
А. ГРЕЧА.

рисунки

В. ТИММА.

гравированные на деревѣ

Барономъ Неттельгорстомъ.

жихъ дѣтскихъ головокъ; Петитомъ услышалъ вскользъ нѣсколько словъ разговора, и могъ только разслышать, что говорили по-нѣмецки. Дѣти грызли крендели, и тощій желудокъ пѣшехода настоятельно запросилъ кренделька. Постой, сказалъ про себя Петитомъ.

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, прогуливаясь подъ арками Гостинаго Двора, встрѣтилъ я друга моего, и замѣтилъ на лицѣ его какое-то безпокойство. «Что съ тобой сдѣлалось?« спросилъ я. — «Ахъ, любезнѣйшій! я разстроенъ и растро-

винности, с чертами тонкими, бочком сидит на солидном кресле. Что за тонкость пера и резца! Что за прелесть легкого туалета и прически 40-х годов!

дуэлей, арестов,

И снова рисунок на страницу. Попал молодой корнет за решетку! Ничего себе, стоит к нам спиной, а лицом к оконцу камеры, покуривает из длинного чубука — стройненький в своем мундире.

любовных объяснений, любовных похищений,

Верно, увозит дамочку из какого-нибудь маскараду! Белые рейтузы, парадная треуголка, плащ; а она в маске и костюме пейзанки — гравюра опять на всю страницу, только в начале строчка текста.

обедов и ужинов,

С приятелем где-нибудь в ресторане. Друг дружке рассказывают любовные дела, покуривают, пьют кофе — а под столом три порожние бутылки. Гравюрка на полстранички, а нижняя половина с одним словечком:

пуль,

— тут черкес в мохнатой шапке, за поясом кинжал, целится в кого-то — может быть, в нашего корнета!

бессонных ночей,

Загрустил корнет! А вернее — проигрался. Сидит, локтем головку подпер, у стола, а на столе едва заметными штришочками разбросаны карты. И чубук не веселит — прислонен к стенке.

и прочего, и прочего, и прочего, то этот младенец хохотал бы при рождении во все горло,

И правда, на другой полстраничке валяется в люльке кривоногий младенчик и хохочет. А над ним видна рука нянюшки — вот, должно быть, удивлена его ранней резвостью!

хотя бы неуклюжая повивальная бабка или мамка сжала его в лапах своих, как приказные жмут богатого просителя.

И тотчас же изображен плут приказный, перо за ухом, нос пропойцы, поза раболепная, в руках документик — из жуликов жулик!

Так и идет книжка: текста на вершок, иллюстраций

Дворникъ и Трубочистъ.
Le Portier et le ramoneur.
Der Hausknecht und der Schornsteinfeger.

к нему восемь страниц. Всего же их в каждом тоненьком рассказе до пятидесяти. И уж так мне жаль, что приходится описывать то, что так хотелось бы посмотреть вместе с читателем. Да не воссоздашь! Нет той прекрасной черноты краски, нужной для деревянной гравюрки, и не может газетная бумага сохранить тонкость и красоту линий.

Кто видал иллюстрации Гаварни [3], тот знает, как все это делается. Но по тонкости и изяществу издания, при всей нарочитой простоте, при всей действительной дешевизне,— эта милая работа Тимма и дружественных ему граверов далеко обогнала и Гаварни, и других! Любуешься, удивляешься и сожалеешь: почему нынче нет таких изданий? Это при нынешнем-то богатстве техники, при бесконечных возможностях и великих тиражах! Чего нам не хватает? Знание — есть. Техника — огромная. Как будто и вкус в людях не иссяк. Чего же нет?

И отвечаю: нет прежней любви! Чистой и бескорыстной!

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ

Плодовитого и искусного художника и техника академика В. Тимма знают больше по его замечательному изданию «Художественный листок»; оно выходило в 50-х годах и в полном виде продолжает весьма цениться. По тому времени его литографии были редкостью. Но это было, так сказать, промышленное издание, огромное и доходное. Не то наши книжечки — сама молодость и красота, любовная затея группы настоящих артистов.

И тут — для заключения — будет кстати припомнить другое прелюбопытное издание, тоже великую редкость в полном виде, характера иного, далеко не столь художественного,— и, однако, она сыграла немалую роль в истории русских иллюстраций. Это — «Волшебный фонарь», ежемесячное издание на 1817 год, из двенадцати номеров, в четвертку листа, а в нем 40 гравюр да одна литография, едва ли не первая по времени в Росии («Народный праздник под Невским»). Называется издание длинно:

«Волшебный фонарь, или Зрелище С.-Петербургских рас-

Шарлатанъ и Школьникъ.
Le veilleur et l' ecolier.
Der Leyermann und der Schulknabe.

хожих продавцов, мастеров и других простонародных промышленников, изображенных верною кистию в настоящем их наряде и представленных разговаривающими друг с другом соответственно каждому лицу и званию» [4].

Рисунки хороши и забавны, да и текст — весь из разговоров — сейчас прочитать приятно. Тут и разносчица календарей и журналов с покупателем, и молочница с прачкой, конфетчик с парикмахерским учеником, торговка с евреем, гребенщик с девкой, шарлатан со школьником, саешник со своим лотком, кухарка с фонарщиком, кучер с блинником, торговка со щегольком,— и кого только нет! Для изучателя старого быта — истинный клад!

«Сахарны конфеты!
Коврижки голландски!
Жемочки медовые!
Патрончики, леденчики!
— Што стоит коврижка?
— Полтина.
— Возьми, брат, грош.
— Не приходится, эдаких цен нет.
— А жемочки почем?
— Пятак штука.
— Возьми, брат, грош.
— Не вороши, не вороши, как руки не хороши!»

[6 февраля 1933 г.]

Разнощикъ пасуды.
Le vendeur de la vaiſselle.
Der Verkäufer von Tischgerath.

XXV

„НИЩИЕ НА СВЯТОЙ РУСИ“

Время от времени, робко у дверей позвонив, вползает на тонких ножках и, ни слова не говоря, укладывается на полку какая-нибудь забавная и редкая книжка. Прежде так случалось часто, ныне же, по случаю кризиса, реже радуют старого книжника; тем радость сильнее, тем больше им привета.

Вот так и сегодня явилась такая, не высокой древности, сединами не убранная, червяком не точенная, лишь солидного человеческого возраста, когда, земное презрев, начинают подумывать о душе. Типографии московской, пера господина И. Прыжова, некогда весьма прошумевшая за смелый образ мысли и яркое письмо, под титлом «Нищие на святой Руси» [1]. Любителями была быстро раскуплена, книговедами запомнена и включена в почетную семью книжных редкостей.

Нет в ней никакого для наших дней срочного интереса, и рассказываю про нее только для тех, кто любит и ценит недавнюю русскую старину. Глаза закроешь и видишь перед собой явственно московскую улицу, либо проезжую дорогу, либо церковную паперть, а то ярмарку, крестный ход, иное какое народное скопление, или же двор богатого купца-ханжи, искупающего плутню жизни щедрым подаянием. Всюду — нищий и убогий человек, уродец и жулик, престарелый и потаскуха, красноносый пропойца и собиратель на новый храм взамен никогда не горевшего и не бывшего, истинно бедный, удрученный болезью и немощью, здоровяга, хитрец, юродивый и богобоязненный слепец с мальчиком-поводырем, шарманщик, сирота, карманник, богомолец и подлинный землепроход. Кто безрук-безног, кто поистине обижен матерью-природой, а кто так наделен здоровьем, что не берет его никакая водка и не свалит кулачный боец. Такова была на святой Руси нищая братия по профессии, армия без команды, плодимая обычаем копеечной милостыни...

«Нищие на святой Руси» были не «продуктом социального неравенства», как полагается говорить, и не «последствием экономического кризиса», а совершенно особым сословием «ничего не делающих и промышляющих подаянием Христа ради». Земля была достаточно обильна, безработицы не знали, из-за куска хлеба еще не дрались. Но нищенство было выгодной профессией и поддерживалось обычаем богатых людей спасать душу милостыней.

Были в нищенстве свои классы, от высокопочтенных до презренных, и на всех хватало доброхотного гроша дающих. Высшим классом были певцы, народные поэты, отрицавшие собственность и имущество, истинные мудрецы, чаще всего слепые. Пониже их стояли калики перехожие, «удалые и дородные молодцы», бродившие партиями, иногда по «сорок калик с каликою», не чуждавшиеся и разбоя; эти особым народным расположением уже не пользовались, и про них сложено немало печальных сказаний. Дальше шла остальная нищая братия, вольные нищие, лазари, в бога богатеющие, богомольцы за мир, церковные люди, богаделенные, кладбищенские, дворцовые, монастырские, гулящие и леженки, и «никто из них с голоду не помирал». Иные числились «в штате», даже имели форму, другие по воле шатались во имя божие одиночками и толпами по папертям, по домам благодетелей, по свадьбам и похоронам, по кабакам и святым местам. Общий их идеал — дармоедство, а по способам извлечения из карманов доброхотной копейки они делились на добрую сотню «школ» и «специальностей». Их и описывает книжечка Прыжова.

Вот идут бабы с грудными детьми и с поленами вместо детей; добыть себе живого младенца было предметом особого старания. Детей покупали, брали внаем, платя хорошие деньги родителям. Для большей жалости детей калечили, дробили им ноги, растравляли язвы.

А вот особое сословие — «выписавшиеся из больниц», с бледностью и в повязках. А то собиратели на похороны — чаще старухи, с крышкой от детского гробика, а то и с целым гробом под мышкой. Иные собирают на приданое невесте — тоже нужна сноровка и умелый рассказ. Мужич-

НИЩІЕ

НА СВЯТОЙ РУСИ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННАГО И НАРОДНАГО БЫТА ВЪ РОССІИ.

Соч. И. Прыжова.

МОСКВА.
Въ типографіи М. И. Смирновой.
на Никольской ул., домъ № 10.
1862.

ки просят на «угнанную лошадь»,— будто их разорили злые конокрады и пустили по ветру все их крестьянское хозяйство. А то подходит солдат, в настоящей форме, просит «на разбитое стекло в фонаре»,— будто его жестоко накажут штрафом и отсидкой. Черной вереницей идут монахи и монахини, собирающие на построение обители, степенные мужички — на построение церквей, с тарелками и книжками, обернутыми в пелену с крестом,— и у каждого в запасе документ, выданный в неведомом селе неведомым церковным причтом или полицейским начальством, и не всегда поддельный, за деньги все дела-

лось. Странники и странницы собирают себе на дорогу ко гробу господню, к Соловецким, к Тихону Преподобному, на Афон, к Николе в Бари. Целыми выводками идут бездомные сироты, мальцы и девочки,— а родители тут же где-нибудь ждут за углом, отбирают у них денежки. И целый особый класс, отличный наглостью и нахальством,— благородные отставные чиновники и военные, красноносые, с орденами в петличках.

Особо описывает наш автор приметных нищих, по своему знаменитых, больше — московских, скромно означая их имена только инициалами; по другим книгам (например, по отличной книге М. Пыляева «Старое житье» [2]) можно иные имена восстановить.

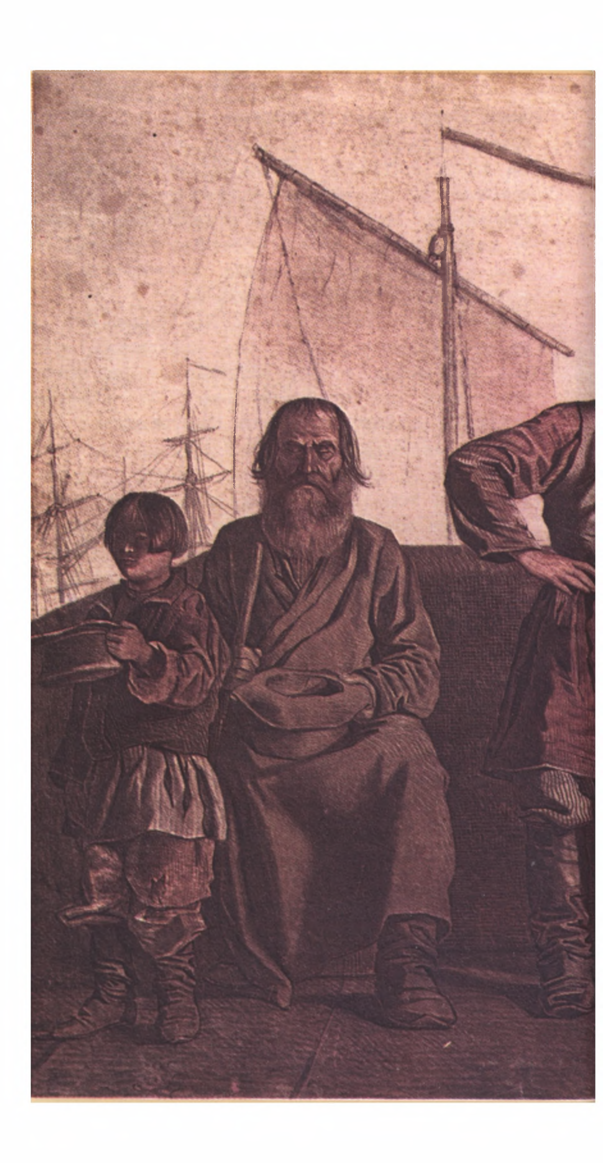
Вот, например, знаменитый попрошайка, московский мещанин Ф. Н. Н., изобретатель вечного движения и химик. Известен тем, что легко производит шампанское из капустных кочерыжек. Продает и книжку своего сочинения под названием «Издание Ф. Н. Н... Изобретателя разных машин. М., 1861. В типографии Серикова». В книжке всего три страницы. Сейчас за его книжку много дал бы собиратель книжных редкостей; но и раньше с ее помощью зарабатывал этот «химик» немало, больше иных писателей. Ф. Н. Н. блуждал обычно по торговым рядам, тешил купцов, кормился копеечками; за ним целой толпой бегали мальчишки, дергали его за полы, звали «беспашпортным» и «верхом на кобыле». Для него — реклама; зарабатывал недурно.

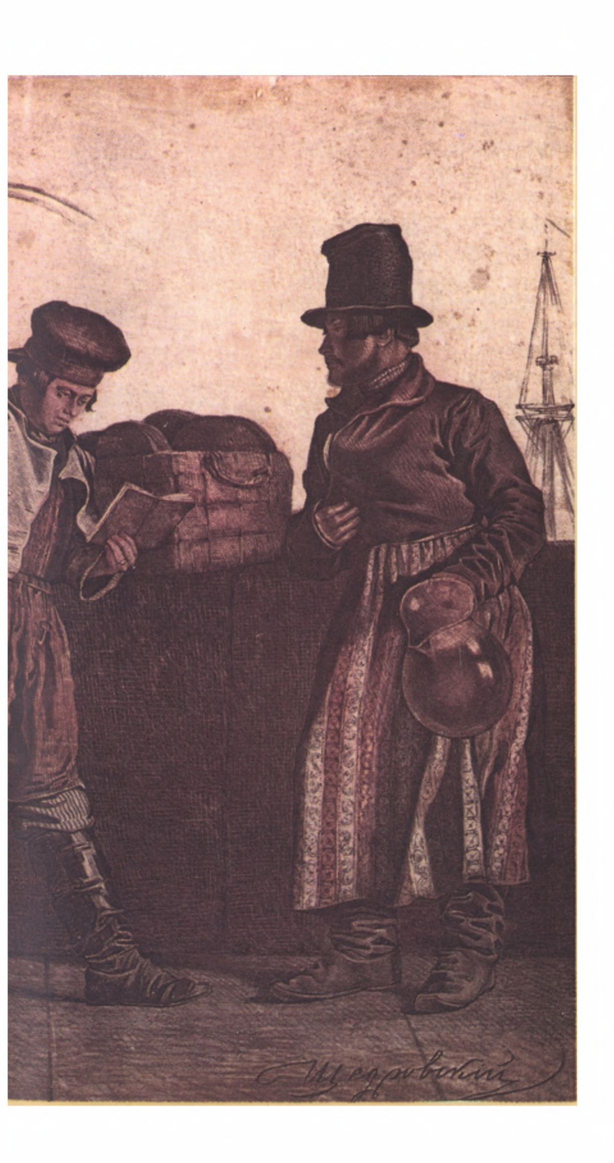
Тащится и другой писатель, вечно пьяненький крестьянский поэт С. За копеечку читает свои стихи нараспев и очень жалостно.

А за ним новая знаменитость, под кличкой Рассказ Петрович: этот мастер говорить притчи в гостинодворском вкусе. Известно и его изречение: «Жизнь человеческая — сказка, гроб — коляска, ехать в ней нетряско».

А то старичок Торцов. У этого прием прост: под мышкой всегда палка, и палку эту все у него отнимают, а он ругается лишь одним крепким словом, повторяя его без устали,— и за это ему перепадает от благодетелей.

Вот бывший приказчик, А. И. П. Из приказчиков попал в хористы театра, потом в певческий хор, потом стал

Щедровский

ходить по рядам и читать за три копейки (такса!) из «Аскольдовой могилы» — все, что запомнил. И не без успеха. Ростом велик, голос огромен, но от трезвости отстал навсегда — видный купеческий шут.

Иной же, никаких стихов не зная, избрал себе призванием лаять собакой, кричать петухом, мычать коровой — очень искусно. Такого приглашают по домам — позабавить жен и дочерей. Купцы его нанимают — прокричать «павлинчиком» под окном соперника, что считалось большим оскорблением. У кого закричит под окном — тот спешит откупиться.

Был еще такой — «студент», фигура грозная, истинный геркулес. На нем фуражка студента и байковый зеленый халат. Меньше штофа в день не пил. Упившись, шел на Ильинку, становился поблизости городового и потрясал основы пением: «Яко наг, яко благ, яко нет ничего», скоро переходя на веселый напев: «Я цыган-удалец». Или же произносил ужасную ересь в стихах: «Вот так были чудеса, сотворены небеса, семь тысяч лет стоят, а ничего не говорят». Забирали его в участок, но за храбрость от любителей получал щедрое даяние. По вечерам же поджидал в глухих переулках запоздалого путника и сам брал серебром, часами и чем попало.

Красочная фигура — бывший кондуктор железной дороги, прогнанный за пьянство, но именующий себя капитаном в отставке. Просит так: «Капитану, отечества защитнику, на семи сраженьях бывшему, победоносным российским воинством управляющему, пожалуйте на штоф пострижения, на косушку сооружения!»

Или поручик в форменной фуражке, в сером пальто, с лентой в петлице, рожа красная: «Доне муа маршанд две копейки серебром». Дают, чтобы избавиться, потому что человек заведомо буйный.

Офицеров немало, а то и сам «бывший блюститель порядка», в огромной папахе, почему и называет себя кавказским полковником. У иных — ленточки в петлице, «шестнадцать ран» и подбитый глаз в недавней борьбе с кабацким неприятелем. Получают и эти за храбрость и живописный вид.

Дьякон, сразу видно духовного человека! Просит ба-

сом: «Бывшему московскому диакону для обогрения плоти и подкрепления духа!» — «А за что тебя уволили?» — «За чрезмерное осушение стеклянной посуды».— С ним бродит служка, и оба собираются на Афон, да все не могут собраться.

Женщины с заплаканным платочком, девицы-сироты со смазливым личиком, целое сословие «обедневших благородных дам», главным образом титулярные советницы, овдовевшие или брошенные мужьями. Кто помоложе — собирают «на похороны дорогой мамаши» — так и хоронят мамашу из года в год.

Такова была московская улица, и по подсчету вся эта пестрая нищая братия собирала в год свыше трех миллионов рублей с половиной. Большая часть этих денег уходила в ведомство московского откупа — на зеленого змия. В одной Москве по счету 60-х годов таких прочных и оседлых попрошаек было свыше сорока тысяч человек. А сколько их ходило по дорогам «ко святым местам», на ярмарки, просто по деревням, по монастырским и церковным праздникам. И сколько жило по богатым купчихам и богобоязненным помещицам.

Не одни купцы и барыни жаловали профессиональное нищее сословие; были русские ученые и исследователи, больше из славянофилов, которые считали нищенство положительным явлением народной жизни, видели в нем настоящий «народный элемент», особо прикосновенный к вере христианской, «вступившей в неразрывную связь с религиозной и народной жизнью русского человека» (Снегирев. «Моск[овские] нищие в XVII веке»). Однако не все такой взгляд разделяли; иным такое толкование представлялось злой клеветой на русский народ. И казалось им, что российская копеечная помощь, легкий и дешевый способ спасения души, служит источником разврата. К последним принадлежал и автор нашей книжечки «Нищие на святой Руси».

Для тех времен, для начала 60-х годов, его особый взгляд был новостью и немалой смелостью. Он стоял за запрет нищенства и за организованную общественную помощь,— чтобы те же копеечки, собранные вместе, созидали страннолриимные и просветительные учреждения

под государственным контролем. Его не прельщал «древнерусский обычай» подавать копеечку на двоих, никому не отказывая, и ожидать за это царствия небесного. И он возмущенно писал:

«У нас темно, мрачно, тупо, безобразно. Мы считаемся просвещенными, наши барышни учатся по-французски и на фортепианах, но вот Шамиль, не имеющий никакого понятия о милостыне, а имеющий одно сердце, способное к благотворению, он дикарь и все-таки никак не может понять, чтоб человеку можно было подать копейку, и подает нищему по десятки рублей серебром».

Сравнил с Шамилем [3] — и осудил! Это, конечно, понравилось, и сразу книжка Прыжова была замечена и скоренько раскуплена. Переиздать ее не пришлось, цензура вторично одобрить не могла бы; и в скором времени по выходе она стала большой искомой редкостью.

И вот попала случайно на полку проживающего в Париже старого книгоеда, который почел справедливым ознакомить с нею любителя российской старины.

[28 апреля 1933 г.]

XXVI

ВСТРЕЧА С ЖЕЛАННОЙ

В день дождливый и безрадостный, когда ожидать доброго, в сущности, даже и не приходится, вошел я в книжный магазин, зонтик поставил у двери, шляпу положил на стул, чтобы ненароком книжки какой не замочить, и думаю: придется перелистать журнальчики, потому что на полках все мне давно ведомо. И вижу вдруг, что хозяин горд и важен, почти и смотреть на меня не хочет, хотя со всеми книжниками я старый приятель.

Отчего бы? Уж не получил ли полный комплект «Старых годов» [1] или свиток толстовских [2] иллюстраций к «Душеньке» Богдановича, или попала какая уткинская гравюра? Последнею полюбовался бы охотно, имея у себя дома лишь бессмертные профили работы Уткина в первом издании гнедичева перевода «Илиады» [3]. А может быть, раздобыл хитрый человек старинную повесть, из зачитанных вчистую, и хочет помучить меня нетерпением?

Он же лишь левого глаза уголком метнул в сторону полки, где у него в почете и мрачной красоте стоит десяток кожаных переплетов. И вижу — как будто один прибыл, мне неизвестый. И как протянул я к нему руку — точно электрическая искра уколола палец: издали почувствовал. А когда, отогнув переплет прекрасной сохранности, с черной бегущей линией по краешку, времени не старого — всего годов сто, увидал знакомый заглавный лист, с младым Петром, в латах и чернобровым, в окружении медальонов со львом, орлом, скалой, атлантом и другими эмблемами,— тут я как был, так и сел на стул от волнения и приступа сердечного биения! Ибо прямо скажу — мечта жизни!

И знаю, и читывал о ней, и сам писал, даже в этих своих заметках, но видеть не сподоблялся. Видал, конечно, переиздания позднейших лет, в частности времен новиковских, но знаменитого первенца, амстердамского, восьмиязычного, 1705 года, шестой петровской книги, печатанной еще до гражданского шрифта, в руках иметь не приходилось.

«Символы и эмблемата»! Для иного, равнодушного, звук пустой, для меня же — райская песня. Первый лист — гравюра, второй — красно-черный амстердамский титул, а с третьей страницы до конца — в полной целости все 840 кружочков гравированных символов и эмблем, вся мудрость веков, весь катехизис человеческих добра и зла, вся прелестная наивность ушедших времен, вся фантазия и бывших, и будущих художников!

Об истории этой книги и говорить много не стоит: достаточно писано[4]. Издана по велению Петра, пролежала долго зря в посольском приказе, 165 штук сгнило от сырости, 610 пущены в продажу — и следа их почти не осталось. Петр Великий, портрет работы Готфрида Кнеллера, 1698 года, изображен младым и прекрасным рыцарем. Переиздана в конце осьмнадцатого века и вновь в начале девятнадцатого, последнее — с посвящением Александру I. И тогда прибавлено объяснительное слово:

«Как тело и душа, будучи воедино сопряжены, соделывают естественную связь человека, так известные образы и слова, вместе сложены будучи, составляют совершенный смысл и человеческим очам представляют вразумительные эмблемы и символы».

В сем последнем издании, по счастливому розыску старого книгоеда, читал эту книгу в детские годы Федя Лаврецкий, герой «Дворянского гнезда». Ныне, по случаю юбилея Ивана Сергеевича Тургенева, могу прибавить, что только одна картинка упомянута им правильно, а именно под номером 788 медведица, лижущая медвежонка, с надписью: «Помалу» (а не «мало-помалу»), остальные же картинки хоть и имеются в книге, но надписи совсем иные. Так, например, летящая с веткой птичка объяснена: «Подожде благополучная погода». При надписях же: «Мало-помалу» — изображена в одном медальоне черепаха, а в другом неразумный купидон верхом на привязанном быке. А там, где радуга, надпись гласит: «Мое благовоние приятнее оттого». Откуда и заключаю, что Федя Лаврецкий, придя в возраст зрелости, картинки позабыл и, желая посмеяться, надписания прибавил от себя, хотя и с большим остроумием.

Сочинителю все простительно, нам же того делать не

подобает. И так как история книги известна, а описания самих символов и эмблем нигде не было, то и позволю себе о некоторых рассказать.

Так, например, лежит на земле исхудалый человек, одну ножку задравши, а рядом вырытая яма в его рост, и еще сбоку что-то вроде пасхального кулича, и написано:

«Зде надлежит остановитеся».

Или висит над землей под облаком чаша, идут от нее пары, и дано надлежащее объяснение:

«Надобно и приятно».

Столь же замечателен большой барабан без палочек, на боку лежащий:

«Непотребен без грому».

Вылез из земли медведь и прилег на улей, из которого во все стороны вылетают пчелы. Морда у него очень добродушная, и дается ему совет:

«Удаляйся средней точки».

На высокой виселице среди холмов висит за живот привязанный лев, а на лице страдание. Потому «на лице», что у всех зверей в книге лица почти человеческие, да и солнце рисуется с носом и усиками. Подо львом же написано на восьми языках:

«Да знет правительствовати».

Ну, это, пожалуй, даже и слишком дерзновенно! Нынче таких символов печатать не позволено. На все же времена правильно изречение при картинке, где стоит в воротах юный купидон:

«Врата любви суть, про приятелей, а не про неприятелей».

Трудящему человеку, особенно писателю, пригодится изображение паука, раскинувшего сеть среди развалин:

«Аз и справляю лучше оставленную свою работу».

И многим невредно увидать потрепанную ворону на холмике:

«Не всякому птицею прилично быть».

Весьма убедительно изображен проливной дождик над селением:

«Излишек вредителен есть».

Но не сразу угадаешь, почему пустая сеть, вытянутая из воды рукою, от локтя ушедшею в облако, препровождена надписью:

«Не всегда треногу» (Non semper tripodem).

Иной раз, конечно, не доищешься соответствия изображения с надписью. Не во всяком символе может разобраться непосвященный человек. Не картинки для детей — загадки для мудрых. Скачет, например, бравый козерог, с рыбьим хвостом, над ним рог изобилия, под ним не поймешь какая лопата с шариком на рукоятке. И оказывается, что это означает:

«Благодеяние преодолевает все».

Или, например, изображен удирающий лев, а ему что-то кричит петух, сидящий на скале, и значить это должно: «Приехал, видел и победил».

Но понятно, когда гуляет свинья по клумбам и нюхает цветочки:

«Не твоим ноздрям дух».

А иной, может быть, догадается, почему изображен голый бородатый старец, на берегу реки, всем телом изогнутый, из-за спины же его льется вода, откуда и почему неизвестно, с пояснением:

«Всяк свое дело знай».

И чтобы уж кончить, расскажу еще про муху, которая ползет по зеркалу, и порядочно эта муха на стекле понаследила, ей же все, видимо, мало, почему и написано:

«Лучше бы к нему прицепилась. Есть ли б нетоль гладко было».

Минуты летели, часы шли, пора и магазин закрывать,— а старый книгоед сидел на стуле, уткнувшись в книжку и глазами поедая гравюру за гравюрой. Рассказал их пятнадцать, а всех их, как сказано, восемьсот сорок! Разве же может времени хватить насладиться, хотя бы прочитав по разу? Нужно и в стеклышко посмотреть, разобрать гравюрную крупку, пальцем осторожно погладить, вдохнуть аромат старинной бумаги, отдохнуть — и опять приняться листать с первой страницы. Был бы дом, продал бы дом, уплатил, сколько полагается полностью, взял книжку под мышку — до свидания! Но нет дома у старого книгоеда.

И вот, вернувшись в свою конуру и сидя среди милого, ставшего немилым, думаю и гадаю: почему понравилась такая книга Великому Петру, так понравилась, что повелел издать ее немедленно?

Известно, что с этих эмблем Петр заказывал себе печати. Поразило его, что всякая мысль может быть выражена образом и прочтена хотя бы и неграмотным человеком. Слово забудется, но глаз дольше держит в памяти изображенное. То, что вырезал художник на гладкой доске и тиснул на бумаге,— прочитает человек любого языка, старый и малый, ученый и несведущий. И когда придет случай — всплывет в его памяти изображенье: то любовь в виде сердца и амура, то коварство змеи, то прозорливость орла, который, летая под облаками, «зрит даже добездны». И никаких длинных речей и толкований не нужно.

Может быть, Петр Великий, во многом первый, был у нас первым и в понимании великого смысла символов как путей познания. Среди кружочков с искусными изображениями не все первобытны и наивны, многие пришли из глубины веков — и остались до наших дней, как закусившая свой хвост змея («Конец от начала происходит»), как пеликан, кормящий птенцов своим мясом («Живот в средине смерти»), незатянутый коринфский узел («Смерть едина мя развяжет») и многое множество иных известнейших символов. Что Петрову сердцу была близка такая символика, о том говорит большинство книг, изданных по его приказу и украшенных на титульных гравюрах многочисленными символическими изображениями, преимущественно клейнодами [5] строительного и военного искусства. И если всмотреться в эти рисунки, а также в позднейшие книжные виньетки, заставки, концовки, опытный глаз не упустит влияния на них первой русской книги высокого художественного значения, конечно не самостоятельной, а целиком заимствованной у тогдашней Европы; ее голландский подлинник вышел шестью годами раньше, в 1691 году, в том же Амстердаме.

Все же эти рассужденья нужны старому книгоеду больше для того, чтобы в серьезных размышлениях успокоиться и от волнующей радости свиданья с желанной, и от горечи разлуки с нею. И сколь счастлив будет тот, в чьем жилище найдет она новый временный приют после двухсот тридцати лет блуждания по сокровищницам русских книголюбов!

[28 июня 1933 г.]

XXVII

Будучи с молодых лет поклонником книжки старой и старинной, однако, присоединяюсь и ко всеобщей скорби, что новой русской книге трудно стало издаваться в свет, несмотря на день русской культуры [1] и другие принятые меры. Единственным утешением может служить, что все необходимейшее уже раньше написано и издано, так что, порывшись на пыльных полках, можно найти для любого интереса и на каждый вкус. И сверх того, раньше выходили такие книги, где сразу объяснялись всевозможные предметы и уж только очень взыскательный человек не находил ничего по своей части; и издавала такие необходимые книги сама Академия наук, так что ошибки в них могли быть только самые маленькие.

Лично под рукой такой книгой не располагаю, но удовольствием сочту предать свету выписочки, присланные мне из города Ковно [2] собратом по книголюбию, М. В. Добужинским [3], коему и приношу благодарность.

В годы 1784—1813-й иждивением императорской Академии наук вышли в Санкт-Петербурге 10 томов капитального издания «Зрелище природы и художеств с присовокуплением 490 гравированных изображений», по 49 на каждую часть [4]. Для чтения семейного книга по назидательности незаменимая и содержания занятнейшего. Так, например, в порядке прекрасной последовательности, сообщались в ней сведения о таких предметах, как Переплетчик, Слон, Магнит, Снег, Дуб, Батавская слеза, Якорь, Сальные свечи, Обезьяна, Система мира Птоломеева, Коперникова и Тихобрагова, Крокодил, Огнедышащие горы, Олень Лапландский, Пирамиды, Цветы, Дождь, Календарь, Пиво, Орден Архитектуры, Манеж, Сикера, или Яблошный сок, и т. д.

Часть сведений, приведенных в «Зрелище природы и художеств», современного читателя не очень поразит, так как ему более или менее известна. Так, например, сообщение, что «рыбы суть животные, живущие в воде и плавающие с помощью перьев, которые служат им вместо ног». Или же,

что «из усов кита вырезаются так называемые китовые усы; сей род рыбы мечет из себя детей живых и вскармливает их титькою». Или еще, что «Тихо Браг, датский Кавалер, выдумал систему мира, которая по тому называется Тихобраговой; умер он по причине, происшедшей от чрезмерной его стыдливости, в Праге в 1601 г.».

Более же подробно и обстоятельно узнаем о таких разнообразных предметах, как Слон, Гиена, Монета и Республика, каковые и позволю себе здесь привести.

Слон

«Слон хотя и спит, как все прочие звери, однако по большей части стоя и не прислонясь ни к чему. Во время сна кладет он конец хобота своего в рот, дабы не заползла в оный какая ни есть мошка, которая тревожит его чрезвычайно. Слон имеет чрезвычайную склонность к тем, которые его кормят, врожденную любовь к обезьянам и великое отвращение от кур, тигров и крокодилов».

От себя же прибавлю: не удивительно ли устроено в мире, что малая мошка может изводить огромное животное, что случается наблюдать также и среди людей!

Гиена

«К уловлению сего зверя не требуется иного оружия, кроме музыкальных инструментов, ниже других охотников, кроме музыкантов. Одна песенка обыкновенного напева укрощает лютость этого зверя, ибо как скоро услышит Гиена голос у своей норы, тотчас подходит к ее отверстию, и тогда стараются соединить музыку с пением. Гиена же, будучи согласием сим чрезвычайно тронута, подходит к охотникам, ластится около них и дает им себя ластить; а между тем накидывают на нее петлю и нарыльник, и тогда уже вся музыка ни к чему более не служит, как к ликованию охотников о победе, над лютостию сего зверя одержанной».

И опять прибавлю: хорошо ли так поступать, обманывая доверие музыкальным искусством! Поют, например, из Евгения Онегина: «Куда, куда вы удалились?», одновременно держа наготове нарыльник, что в наш просвещенный век является, по-моему, совершенно недопустимым.

Монета

«Повествователь Иосиф приписывает изобретение оной Каину, другие же почитают изобретателем оной Тубалкаина. По нынешнему состоянию монеты можно оную разделить на действительную, или ходячую, и на мнимую монету. Действительною называют всякую ту, которая в самом деле находится, как то: цехины, червонцы, луидоры, гинеи, ефимки, рубли, империалы. Мнимая, или воображаемая, есть та, которая в самом деле не находится, но выдумана для облегчения счета, как то: ливры, франки, стерлинги, алтыны».

Обращаю внимание читателя, что о долларе совсем не упомянуто, так что его, как и ныне, неизвестно куда причислить: к действительным или к мнимым. Про франк же сказано прямо, что он «не находится», в чем многие и в наше время могут убедиться, пошаривши у себя в кармане.

Еще же приведу из книги весьма мудрое рассуждение о республике, напечатанное в царствование Екатерины Второй.

Республика

«Поелику главнейший предмет установления республик есть тот, чтобы сохранить равенство между всеми членами государства и воспрепятствовать притеснению естественные человеческие вольности, а поелику каждый гражданин может также уповать, что будет когда-нибудь иметь участие в Правлении своего Отечества, то кажется, что образ правления республиканского всех справедливее. Да и в самом деле государства, коих правление было республиканское, или общественное, наиболее процветали. Однако и в республиках граждан угнетали, знатнейшие из них ужасным образом употребляли во зло вверенную им власть, и также между республиканскими гражданами случались пагубные возмущения; сей плачевный опыт довольно показывает, что и республиканское правление не может называться более всех прочих совершенным».

Сколь мудро вышеизложенное — видит каждый! Высказано же 130 лет назад, за каковой срок новых материалов по данному вопросу не прибыло. Не прав ли старый книгоед, утверждая, что в добрых старых книгах все уж высказано и современному писателю ничего не остается прибавить?

Другая обстоятельная и назидательная книга тех же времен, много раз изданная и переизданная, носит название «Зрелище вселенныя» [5]. Издана была «для употребления в народных училищах» с фигурами на языках французском, немецком и российском, а встречается и с текстом латинским. Первое издание (по Геннади, год 1788, а по Сопикову, 1787) стоило 1 рубль, а позднейшее (1808) — 4 рубля. Картинки хорошей мысли, но неважного исполнения, работы иностранной. Тексты же собственной и даже стихотворной работы: гравюрка, а над нею ее истолкование, как, например:

Комета.— «Где звезды видим мы, сияет и она,//Как солнце в красный день, как в ясну ночь луна».

А на картинке — раскинулся по всему небу хвост кометы, внизу же, на площади, хорошо одетые люди указуют на нее перстами.

Глад.— «Всегда спутьшествует войне свирепый глад. И пожирает труп, производящий смрад».

Сильное стихотворение! Нынче так не напишут.

Насекомое.— «Как пруги, так и червь прекрасный губят цвет, Но творческа рука произвела их в свет».

Луг.— «Жизнь смертных, как трава, подвержена косе, //Днесь полон луг цветов, наутро вянут все».

Козел.— «Имеет гнусный вид, не красен бородою,// Куда не идет он — смрад носит за собою».

И тут, как и под другими картинками, еще написано разъяснительное нравоучение, потому что ведь не для забавы печатаются картинки, а для пользы подрастающих поколений. Поэтому под козлом изъяснено:

«Коз и целого стада муж, сладострастный козел, гордясь брадою, шествует с важностью перед стадом. Однако, при всей оной важности, которую на себя приемлет, делает он, подобно отроку, козьи свои скочки, кичится, ожесточается, паки оказывается смешным. Его боятся цветы, листвия и древеса, коим он наносит заразу и смерть... Стихотворцы и живописцы означают нецеломудрие через Козла, на котором Простонародная Венера едущею верхом представляется».

И сентенция, сиречь поучение:

«Почто развратный любовник носит с собой балсамы, воды и всякие одеры, когда приближается он к своей

Повелительнице? Или не ведает он, что козлий смрад все прочее заглушает?»

В прошедший либо в позапрошлый раз ознакомил я любезного читателя с тремя книжечками из знаменитой серии «Картинки русских нравов», издания 40-х годов, с текстами Булгарина и других, а с рисунками несравненного Василия Федоровича Тимма («Корнет, «Салопница» и «Невский пароход»). Полностью, т. е. все шесть книжек, эта серия встречается очень редко, и вот ныне сообщили мне о пятой книжке, «Находчивое поколение» Казака Луганского (В. Даля), и прислали из нее два кусочка текста. В книжке рассказывается о приключениях в России месье Петитома (родом из Лозанны или Женевы), который не только выучился русскому языку, но впоследствии писал в стихах и прозе поучительные басни. Двумя его баснями и позволю себе закончить настоящие мои заметки.

1. Собачка и собака

Один маленький собачка с великий злость
  Грыз кость.
Большой собака проходил
И маленький собачка спросил:
— Маленький собачка, зачем ты с великий злость
  Грызешь кость?
Маленький собачка отвечал:
— Мне хозяин давал.

Нравоучение: следовательно, ничего не должно делать без позволения.

2. Великодушие

Один молодой козел пошел себя немножко прогуливает; вдруг навстречу ему попадался городовой. Городовой, по должность свой, спросил: — Господин молодой козел, вы пьян? — Нет,— отвечал молодой козел,— я не пьян, я только немножно себя прогуливает. Городовой, по должность свой, обратился к другой прохожий.

Эта басня показывает, что один был великодушнее другого, а другой великодушнее одного.

По летнему времени, как в день жаркий, так равно и в дождик, чтение подобных произведений должно быть

ПТИ
ЦА РАЙСКОЙ АЛКОНО
СТЪ

порекомендовано вперед современных романов, в особенности же писанных под Пруста, а потому требующих неослабного напряжения внимания и прочих умственных потуг. В то же время приведенные отрывки исполнены поучительности, так что могут с немалой пользой быть прочитаны вслух в лоне семьи и добрых знакомых, вызвав улыбку одобрения и тихой радости.

[24 августа 1933 г.]

XXVIII
ПОЛТОРА ВЕКА

Сто пятьдесят лет — много это или мало? Сто пятьдесят лет — это как раз срок, прожитый нами в благодетельном сиянии европейской культуры. Вот передо мной книжечки, помеченные 1783, 1784 и близкими годами, первые наши заправские книжки содержания философского, религиозного, нравственного, мистического, напечатанные в первых наших частных, «вольных» типографиях, увлекавшие людей полетом мысли в неведомые светлые области, в храмы познания высоких тайн; книжечки, заботливо хранившиеся в те времена и жадно искомые в наше время книголюбами.

А между тем что такое сто пятьдесят лет? Нынешнего старого человека в детстве гладил по головке такой же старик, которому в его детстве могла свободно дать подшлепник по голому месту Екатерина Вторая,— вот и вся старина!

Полтора века тому назад молодого человека волновали книжки, какими сейчас не взволнуешь, хоть изложи их языком современности. Ждали не повести и не собрания забавных стихотворений; ждали выхода такой книги, чтобы в душу, жаждущую познания тайны, низверглась с манящих высот философическая мудрость и чтобы в малопонятном и странном, как в сладостной паутине, запуталась мысль и пронизалась священными догадками. И се звучит речь:

«Скоро — скоро — скоро биется полунощный пульс возвращающейся Натуры! Се приближается обремененная значением секунда, последняя от двенадцати великих часов долгого дня годового. Се вступает солнце, сей огня исполненный перст Всесильной руки, в ту точку, с которой оно, яко златый указатель на беспредельных часах тверди, покатится в новое кругообращение времени».

Вот какие слова,— чтобы только сказать, что наступает новый год. И сразу человек чувствует, что не зря уходят

дни и что на счету минуты бытия нашего в круговороте времен. А что такое «время»?

«Время! сколь страшный образ того, что мы были, есмь и будем. Движимо всегда волнующеюся душою мира, свергается оно ежегодно вниз и паки вспять, подобно приливу и отливу. А мы, мы носимся купно с ним, яко малые капли морские; наконец, извергает оно нас на мрачный брег смерти — куда ж?»

Может ли быть вопрос страшнее и сложнее? Склонился над книжкой взволнованный человек и пьет слова, впервые ему поднесенные, и ищет в них ответа на вопрос, впервые перед ним вставший:

«Ужасная мысль! куда? туда, где во множестве уже сочтенных и еще будущих столетий ни единого не находится числа, где должайшая эпоха есть только быстрый бег блистающих молний.— Либо поля Елисейские, либо все поглощающий ад, либо среднее состояние между допросом и приговором Судии.— Смейся, вольнодумец, и скрежещи, и шатайся, и сопрядай себе из ядовитых Вольтеровых ниток утешение; но незадолго пред смертью воскуряется совесть твоя».

Может быть, и не напугаешь человека «тем светом», но уж об этом-то свете ему подумать непременно придется! А ведь до сей поры жил, думая, что бытие наше не имеет цели: жил себе изо дня в день, не замечая, как юность сменяется мужеством, а там — придет незамеченной и старость. А теперь невольно задумается над словами:

«Что суть летописи жизни человеческой? Детство есть бездейственный, во сне провожденный рассвет; юношество подобно смеющейся утренней заре и смеющеся, яко чада весны; мужеские лета — знойный полдень в жару кипящих страстей; потом вечер, исполненный заботы, и, наконец, страшная, все сияние мирских радостей закрывающая нощь».

Так полтора века тому назад говорил неведомый нам вдохновенный оратор, и речь его напечатана в редчайшей в наши дни книге «Магазин свободно-каменьщический», в томе первом, а больше и не выходило, хотя задумано

было семь томов по три части в каждом [1]. Раздавалась книга только братьям, а остатки были сожжены, как ныне сжигаются книги на площади в Берлине [2]. А было это в просвещенное правление Екатерины. В списке же книг, отобранных у истинного просветителя того времени Николая Ивановича Новикова, эта значится под номером первым, как наиболее вредная и опасная, хоть и изданная «с указного дозволения, в типографии И. Лопухина в 1784 году».

Кто же мог выражаться столь высоким и поэтическим слогом? Чья речь заставляла замирать сердца слушателей и многократно перечитывалась в книге? Не могут определить это ни книголюбы, ни историки екатерининского масонства. Похоже на то, что сказана речь либо в ложе «Девкальона», либо в «Светоносном Триугольнике», и скорее всего не оратором, а мастером стула,— значит, С. И. Гамалеей или А. М. Кутузовым. Но Кутузов был человеком ученым, хорошим управителем, деловым и влиятельным, от поэтической выспренности, казалось бы, далеким; а Семен Иванович Гамалея, «божий человек», больше действовал личным очарованием, чем даром слова и письма. Так мы и не знаем, кто автор одного из замечательнейших по тому времени, по высоте и образности стиля, произведений [3].

И обидно, что крайняя редкость названной книги делает это произведение мало кому доступным. Тем слаще старому книгоеду ласкать рукой ее зеленый переплет, любоваться виньетом с купидонами, нежно воркующими о своих делишках, склонившись над круглым жертвенником с шестиконечной звездой, и, наудачу книгу раскрывши, прочитать стихотворное размышление:

Покрыты мраком, развлеченны,
О чувства! миром ослепленны,
Сберитесь купно вкруг меня,
Мне нужно ныне знать себя.

«Знать себя» — дело непростое. А главное, по тому времени редко кому и в голову приходило заниматься таким как будто малополезным делом. Но вот появились люди почтенных фамилий, видного общественного положения, солидного образования и стали проповедовать

самопознание и самосовершенство, и уж не как прежде, бичуя пороки в сатирических журналах, а языком торжественным и негодующим, грозя духовной гибелью и указуя пути спасения. Среди разных о том речей и поучений есть в вышеназванном «Магазине...» прелюбопытные строки о Любовласте, о Решеуме и о Красе.

Любовласт — родившийся от знатных родителей, воспитанный в пышности и великолепии, приобыкший быть от всех поклоняемым. «Се в великолепнейшем убранстве, вздымая главу свою, шествует он гордыми шагами и мнит, что как скоро появится в собрании нашем — все падут перед ним и признают его своим предводителем». И вдруг этому Любовласту толкуют о совершенном равенстве! «Бедный и сожаления достойный Любовласт, подобно пораженному громовым ударом, выходит из святилища нашего с твердым намерением не вступать более в оное».

Решеум, по нынешним временам, был бы по меньшей мере лисансье-эс-летр, человек высокого профанского образования и в себе чрезмерно уверенный. «Решеум составляет душу всех обществ, в которых он находится. Начнет ли он говорить, все слушают его со вниманием, удивляются остроумию его, и всякое слово, из уст его испущенное, сопровождается рукоплесканием. Одним словом, Решеум есть единый неложный ценовщик всех достоинств и недостатков». И вот является такой человек, привыкший блистать и всех поучать, воображая, что только раскроет он свой рот — и все падут перед ним ниц. Но не таковы новые люди, поставившие себе целью постигнуть тайну Натуры путем самопознания и просвещения,— и самовлюбленный Решеум получает приказ «пребывать в безмолвии» и отречься от своих пустых и мнимых знаний. О, несчастный Решеум, слепой и нечувствительный, не желающий «приподнять толстое покрывало, висящее на глазах твоих»!

А вот Крас, воспитанный в роскоши и обилии, «в сладострастии и невоздержании утопающий и не терпящий никакого принуждения». Является такой Крас ко дверям людей, спасающихся в братстве вольных каменщиков, и слышит речи, ему чуждые и недоступные: «Несчастный и слез достойный юноша! Ведай, что веселие твое и ра-

дость суть единая мечта! Розами и миртами устланные постели, на которых ты возлежишь, окружен твоими Мессалинами; сладостные гласы мусикийские, усугубляющие в тебе пламя порочных страстей твоих; одним словом, все предметы, окружающие тебя и ложным своим блеском и слух и зрение твое чарующие, суть ничто иное, как огнь, пожирающий мало-помалу существо твое». Вместо мягких пуховиков предстоит ему свирепый огнь, пожирающий совесть, вместо Мессалин [4] — злые и страшные фурии, вместо мусикийских гласов — скрежет зубов ему подобных.

Ясное дело, обычно все трое, и Любовласт, и Решеум, и Крас, немедленно заворачивали оглобли и удалялись из общества столь строгих и требовательных людей. А уж если оставались и слушались, то превращались в людей самого первого сорта.

Так веровали свободные каменщики екатерининских дней, и вера их была цельна и прекрасна. А всего прекраснее были их дела: издательства, школы, больницы, аптеки, чуткая взаимопомощь. Ими заложена основа российской культуры, гранит которой устоял прочно в неоднократных гонениях...

Среди многих старых книжек полуторавековой ценности — как «Карманная книжка» [5], «Братские увещания», «Хризомандер», «Апология», «Крата Репоа» [6], всех этих детищ тайной масонской типографии, иногда выходивших и явно,— на первом месте стоит «Магазин свободно-каменьщический», полный важных мыслей и мудрых увещаний и полный поэзии, которую мы разучились понимать и ценить по-настоящему.

Дни наивной веры, тотчас же перелагавшейся в дела! Дни детских мудрствований, являвших истинную мудрость! Дни подлинной и многосторонней общественности, во главе с немногими, но прекрасными людьми! Никакая история нам об этих днях не расскажет так, как повествуют старые книжицы в коже и прочных цветных картонах, печатанные шрифтом крупным и явственным, с буквой «т», похожей на букву «ш», с высокими мягким и твердым знаками, еще не исчезнувшим в курсиве старинным «в», похожим на ребяческой рукой начертанный домик, с простотой и изяществом типографских украшений,

с забавными виньетами из травки, купидонов и осколков колонны.

Лаская глаз любителя, стоят они рядком на книжной полке, днем дремлют, а как сойдет ночь, шепчутся о том, как было полтора века назад — и как стало теперь! Редкая из них не переменила пятерых, а то и больше владельцев, начертавших на белом листе и на титульном свои фамилии или налепивших фигурный книжный знак. Иной же книжный хозяин расписался и подробнее. Так и мой книгоедов знак, рисованный и резанный на дереве гравером Павловым [7], соседствует мирно с надписью гусиным пером и рыжими чернилами на книжке «О девстве» Иоанна Златоустого [8], книжке также редчайшей и занимательной: «Сия книга глаголемая о девстве пинегской округи карпогорской волости крестьянина якова верещагина своя собственная куплена в архангельском сыном моим васильем верещагиным мца генваря 8 дня 1811 года подписал я яков верещагин». Иным же почерком пониже прибавлено: «Своеручно», «проба пера», «Сия книга».

И читал крестьянин Яков Верещагин строгие слова Златоуста:

«Девства похвалу Иудеи презирают: и недивно, яко они и самому от девы рожденному Иисусу Христу поругалися: чудятся же оному Еллини, и изумляются; ибо еретических дев я никогда девами именовати не могу. Во-первых, яко они не суть чисты, не единому же мужу обречены суть»...

Зачем-нибудь да купил эту книгу в Архангельске Верещагин — сын Василий. На титульном листе изображена роза о двух бутонах, большом и малом, и печатана книга иждивением Н. Новикова и Компании в 1783 году в университетской типографии.

Если бы не жаль было чернилами портить пожелтевший лист, прибавил бы и я надпись: «Сия книга о девстве старого книгоеда своя собственная куплена мною на распродаже в зале друо [9], на каковую кроме меня иного покупателя не нашлось во французском городе Париже 1933 года подписал своеручно — старый книгоед».

[21 ноября 1933 г.]

XXIX
СТАРЫЕ КАЛЕНДАРИ

Для нынешнего человека переменить календарь, стенной или настольный, простой или отрывной, ничего не стоит; и нет в этом никакого события: старый в печку или в помойку — новый на стенку. Нынче календарь только для того, чтобы не забыть, в какой день заседание, а в какой звали в гости да кто именинник. А читать в календаре нечего.

Совсем иначе было раньше, и календарь был книгой важнейшей: и для постоянного занятнейшего чтения, и для нужных записей; он заменял всякую книгу и отражал человеческую жизнь во всех бытовых мелочах. В библиографической науке календари-месяцесловы — обширная и труднейшая область, которой мы здесь лучше и касаться не будем: запутаемся!

Есть календари знаменитые; среди них лучше других знают брюсовский, много раз и подробно описанный. В Париже мне удалось повидать его в самых первых изданиях, напечатанным с отличных досок, сохранившихся в достойном виде, в 47 гравированных на меди листах. Он издавался «повелением его царского величества, во гражданской типографии под надзрением его превосходительства господина генерала-лейтенанта Якова Велимовича Брюса» [1], тщанием граверов Василия Киприянова, Нехорошевского и, вероятно, еще других. Старейшему из известных — больше 225 лет.

И есть месяцеслов, знаменитый своей малостью, тоже весь гравированный, на 62 страницах, в 256-ю долю листа, значит, книжкой в большую почтовую марку величиной. Издан был в Петербурге в 1774 году. Этого издания сохранялось только два экземпляра, и оба у частных лиц, так что неизвестно даже, целы они сейчас или погибли [2].

Но это — курьезы среди множества других обычных календарей, выходивших погодно в Москве и в Петербурге, и лучшие из них — при Академии наук.

Каждый год — новая картинка! Одну эту картинку можно разглядывать каждый день по часу — и не наглядишься.

То изображена река Нева с плывущим судном, а в отдалении Адмиралтейство и Петропавловская крепость. Рамка из четырех гениев; один гений сидит у курящегося жертвенника, другой держит чашу с плодами, третий склонил колена и держит на плечах сноп и серп, четвертый парит в воздухе с корзиной цветов. И тут же в облаках — зефир дует, распучив щеки, и внизу щит, увитый цветочной гирляндой (1775).

А то сидит в фигурной рамке императрица Екатерина Вторая в образе Минервы [3], в одной руке длинное копье, в другой весы правосудия, а у ног ее тот самый рог изобилия, который современные наши дети принимают за рупор граммофона. И еще разная военная арматура, дующие ветры и стихи на развернутой хартии. Иной раз прибавлены еще фигуры, изображающие просвещение, и от них спешит укрыться и исчезнуть невежество в виде брадатого и крылатого существа.

Рог изобилия, парящие гении, лучи сияния, песочные часы и другие подобные символы и эмблемы на редком календаре не изображались. Но кроме заглавной, титульной картинки бывали в календарной книжке и многие другие, а из них особенно хороши рисунки времен года — календарный обычай, сохранившийся и по сию пору. Но только раньше это изображалось прекрасными, на особых листах, гравюрами, ради которых календари и покупались любителями.

Зима.— Богато убранная комната с пылающим камином, перед которым сидят два человека, курят длинные трубки, играют в шахматы и потягивают вино; а в окно видно поле, запорошенное снегом, и тот самый пушкинский крестьянин, который будто бы торжествует, обновляя путь на дровнях,— хотя дело происходит в 1728 году.

Весна.— Великолепный сад, на манер версальского, с фонтанами и стрижеными деревцами, а по аллеям гуляют щеголь со щеголихой и разговаривают промежду собой.

Лето.— Идиллия крестьянская. Вовремя успели убраться с поля! Изображена деревня, окруженная лугами и ни-

вами, и едет воз со снопами: впереди крестьянин с косой, его разодетая жена сидит верхом на лошади, на возу голый младенец и надо всем этим тучи на небе, а из туч извергается молния.

Осень.— Картинка простая, тоже сельская: кто молотит, а кто слаживает на зиму сани.

Такие рисунки были в отличном «Календаре, или Месяцеслове историческом на 1729 год», с указанием солнечных затмений, месячных рождений, полного месяца с четвертями, времен солнечного и лунного восхождения и захождения, долгоденствия и течения луны в зодиаках на каждый день. Сейчас мы на все это особого внимания не обращаем, а раньше это считалось очень важным, потому что приходилось по зодиакам и другим отметкам справляться и соображать не только предстоящую погоду, а и благоприятное время для стрижки волос и рожечного и жильного кровопусканья. В медицинских целях помещался также «рудомет» — человеческая фигура с обнаженными внутренностями, окруженная зодиакальными знаками, с проведенными от них линиями к разным частям тела и с надписями: gut, mit, bos.

А сколько еще было важных и интересных сведений в тогдашних календарях! Например: 1. Как боевые и карманные часы ставить исправно? 2. Уведомления об ожидаемых кометах и затмениях солнца и луны. 3. Состояние здоровья на целый год с астрологическими заметками. 4. Способ приготовлять полезную краску из яичной скорлупы, венскими белилами называемую, изобретенную бароном Мадруци. 5. Руководство моржового промысла — и еще, конечно, поденные перечни замечательных событий предыдущего года, которые именуются «приключениями».

Ради этих приключений календари охотно покупались и некоторыми сохранялись, потому что представляли прекраснейшую хронику, весьма важную для справок.

Вот вам, например, календарь, которому исполнилось 160 лет: «Месяцеслов на лето от Рождества Христова 1794, которое есть простое, содержащее в себе 365 дней, сочиненный на знатнейшие места Российской империи». И в нем читаем о происшествиях двух лет предшествовавших, а именно:

1792 год. Август 22.— В Париже народ ворвался в темницы и умерщвлял всех в них заключенных, не исключая и тех самых, кои за долги в темницах содержалися.

23.— Начался в Народном Совете беззаконный суд над королем французским.

Декабрь 15.— Принужден был злополучный французский монарх предстать пред Народный Совет и защищался пред оным достаточнейшим образом. Число прибывших за прошедший год в С.-Петербург кораблей простиралось до 996. Браком сочеталось 1587 пар.

1793 год. Генварь 4.— В парижском Народном Совете по великому большинству голосов объявлен был Людовик XVI виновным противу вольности народа.

5—6.— Осудил Народный Совет по большинству 11 токмо голосов короля к смерти.

10.— Предан был Людовик XVI, король французский, в Париже, на прежде называемой площади Людовика XV, к неизгладимому стыду всех тех, кои в сем варварском деянии участвовали, всенародно смерти. Сей добродетельный монарх после столь многих оказанных противу его дерзновенных наглостей, после многих возобновлявшихся убийственных нападений, по полугодичном заключении, учинился наконец, на 38 году от своего рождения, жертвою злобы, каковой при подобных обстоятельствах примера в бытописании не находится.

Февраль 14.— Разграбил народ в Париже все лавки.

В следующем календаре, на 1795 год, читаем и продолжение сих достопамятнейших происшествий:

1793 год. Сентябрь 28.— Народный Совет определил город Лион, противившийся признать республиканское правление во Франции, разорить до основания.

Октябрь 5.— Королева французская Мария Антония, на 38 году своего рождения, по приказанию так называемого судилища перемены, предана смерти на том же месте, где лишился несчастный ее супруг своей жизни, сносив долгое время всевозможные ругательства, каковые всякому чувствительному сердцу наводят ужас и омерзение.

Декабрь 7.— Посажены в Швеции под стражу многие знатные особы, по причине открытого заговора.

1794 год. Февраль 15.— Посажены в Неаполе под стра-

жу многие знатные особы, по причине благополучно открытого там заговора.

Май 11.— В Британском департаменте по причине открывшегося заговора отменено на время постановление о праве каждого британского гражданина.

27.— Открыт в Турине заговор.

Июнь 4.— Последовало страшное извержение горы Везувия.

Но лишь про чужие страны рассказывалось в календарях со всей откровенностью — про свою страну только отрадное: об отменном великолепии обручения высочеств, о занятии российскими войсками крепости Каменец-Подольский, о присоединении к российским владениям «сопредельной части Польши, прежнего России достояния». И нет в календарях упоминания ни об ущемлении Радищева, ни о заключении в Шлиссельбургскую крепость Новикова. Может быть, потому и говорили, что «все врут календари» [4].

В московских календарях исторических сведений сообщалось меньше, но зато при каждом месяце печатались «рассуждения, наставления и увещания», почерпнутые из текстов св. писания, стихами и прозою, причем оставлялись четыре порожние страницы для записей. На этих страницах поденно предлагалось записывать «о добрых и худых делах наших» на каждый день, а за месяц составлять сводку дел «для рассмотрения и изыскания причин, по которым мы сделали доброе или худое дело». Последние страницы предназначались для отметки дней рождения и именин родни, друзей и благодетелей, а также для краткой записи всяких семейных и местных событий. Вспомните, как автор недописанной истории села Горюхина нашел на чердаке собрание старых календарей с записями всяких родовых событий за целых пятьдесят пять лет; Пушкин и года указывает: «...от 1744 до 1799» [5]. Однако, по всей видимости, это были календари санктпетербургские, издания Академии наук, которые — для любителей — тоже переплетались пополам с чистой бумагой и, будучи исписаны главой семьи, делались ценным в той семье сокровищем. И можно было в них, как в «Истории села Горюхина», прочитать:

«4 мая. Снег. Тришка за грубость бит.

6-е — корова бурая пала. Сенька за пьянство бит...

9-е — дождь и снег. Тришка бит по погоде...»

Стоил такой календарь: без переплета — 1 руб.; во французском переплете — 130 коп.; на белой бумаге — 120 коп.; в переплете — 150 коп.

А чтобы закончить, приведем обстоятельное и высоколитературное объяснение примет о погоде из старинного месяцеслова на 1730 год[6]. И приметы правильные и очень приятно прочитать:

«Когда воздух легок становится, тогда комары высоко летати не могут, но бывают всегда близ земли или над водою, а понеже ластовицы тех комаров видят, того ради они зело низко летают, и так, что иногда крыльями до воды достают, и, когда оные ластовицы купаются, тогда дождь или мрачная погода будут последовать (понеже воздух легчайший бывает), противным образом когда ластовицы летают высоко, то тяжкий воздух знаменует последовательно изрядную погоду.

Случается такожде и в ясные дни, что вода, которая на воздухе аки невидимый некий пар содержится, совокупляется и опускается на землю, отчего бывает, что многие сухие вещи сыреют, например соль, такожде сажа на сковороде, которую последовательно огнь не так скоро поядати может, нежели когда бы она не была сыра, того ради, когда оные сковороды краснеют; то не без пути деревенские мужики сказывают имущее быти погоды пременение».

Так обстоятельно русский человек не говорит, и сразу чувствуется многоученый немец, который, по указу Академии наук, сей календарь на пользу русским неучам составлял. То ли это был профессор Мейер, в 1729 году умерший, то ли его заместитель профессор Георг Вольфганг Крафт, после него весьма потрудившийся над нашим просвещением. Сим труженикам немецким — почтительная наша благодарность.

[12 января 1934 г.]

ПРИМЕЧАНИЯ

«Заметки старого книгоеда», принадлежащие перу писателя и журналиста Михаила Андреевича Осоргина (1878—1942), выходят отдельной книгой впервые. Источником послужили тексты первых публикаций в русской парижской газете «Последние новости» (далее — ПН). Сделанные в настоящем издании некоторые купюры продиктованы необходимостью снять пассажи, утратившие свою злободневность. Они обозначены отточиями в угловых скобках. В ПН напечатано множество эссе М. А. Осоргина (см.: Бармаш Н. В., Фини Д. М., Осоргина Т. А. Михаил Андреевич Осоргин: Библиография. Париж, 1973. 211 с.), в том числе на темы книговедения и библиофильства. Здесь собраны только те из них, которые были объединены самим автором в серию «Заметки старого книгоеда». Цитаты из книг XVIII в. даются в современном нам написании, за исключением тех случаев, когда необходимо подчеркнуть стилистическое своеобразие подлинника.

Примечания носят в основном книговедческий характер и не претендуют на исчерпывающую полноту сведений. Следует особо отметить, что М. А. Осоргин при работе над очерками пользовался большим массивом источников, не всегда авторитетных, допускал неточности. Комментатор не имел возможности провести сплошную перепроверку источников, однако выявленные неточности всякий раз оговорены.

Составитель выражает глубокую благодарность вдове писателя, Татьяне Алексеевне Осоргиной, урожденной Бакуниной (о ней, в частности, см.: Носин Б. Парижский островок России // Московские новости, 1987, № 32, 9 авг., с. 15). Без ее постоянной помощи это издание не могло бы появиться в свет.

Возлюбленной (Похвальное слово)

ПН, 1930, № 3305, 10 апр.

1 «Нива» — еженедельный иллюстрированный журнал «для семейного чтения», выходил в Петербурге (1870—1918).

2 Гершензон М. О. (1869—1925) — историк литературы и общественной мысли. Его книга «Мудрость Пушкина» вышла в Москве в 1919 г.

3 Сакулин П. Н. (1868—1930) — литературовед, академик АН СССР (1929).

4 Шпет Г. Г. (1879—1940) — философ, эстетик, переводчик.

I

Представление читателю...
ПН, 1928, № 2772, 24 окт.

[1] Шибанов П. П. (1864—1935) — один из крупнейших московских букинистов-антикваров.

[2] О мистификации с книгой «Дон Педро Прокодуранте, или Наказанный бездельник» (М., 1794) см.: Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о книгах. М., 1978, с. 130—134.

[3] Юдин Г. В. (1840—1912) — промышленник, библиофил. В Красноярске собрал огромную библиотеку, которую в 1907 г. продал библиотеке конгресса США (Вашингтон).

[4] Тимм В. Ф. (1820—1895) — график и живописец.

[5] Клодт фон Юргенсбург К. К. (1807—1879) — гравер.

[6] Н. П. Смирнов-Сокольский предполагает, что автором «Райской птички» был А. Н. Греч (см.: Указ. соч., с. 363—364).

[7] Алданов Марк (псевдоним; настоящее имя — Ландау М. А., 1889—1957) — писатель, литературовед. Во Францию эмигрировал в 1919 г. Написал предисловие к книге М. А. Осоргина «Письма о незначительном. 1940—1942» (Нью-Йорк, 1952).

II

Читателям ответ по необходимости
ПН, 1928, № 2785, 6 нояб.

[1] Более подробно об этой «самой маленькой русской книге» см.: Немировский Е. Л., Виноградова О. М. Миниатюрные книги вчера, сегодня, завтра. М., 1977, с. 60—63.

[2] Рейхель Я. Я. (1778—1856) — медальер и нумизмат, с 1818 г. директор технического отдела одной из лучших русских типографий — Экспедиции заготовления государственных бумаг (Спб.).

[3] См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. 1725—1800. Дополнения. Разыскиваемые издания. Уточнения. М., 1975, с. 49, № 279. См. также 29-ю «заметку старого книгоеда».

[4] Сопиков В. С. (1765—1818) — один из основоположников русской библиографии и библиографоведения, автор «Опыта российской библиографии» (ч. 1—5, 1813—1821).

[5] Сулакадзев А. И. (ум. 1830) — библиофил, любитель старины, известен мистификациями и подделками древних письменных памятников.

[6] Бурцев А. Е. (1863—1937) — библиофил, библиограф, составитель многотомных печатных описаний своего собрания.

[7] Полное название отпечатанной в костромской типографии Н. Н. Сумарокова книги см.: Сводный каталог русской книги

гражданской печати XVIII в. 1725—1800. М., 1966, т. 3, с. 417, № 8524.

[8] Смирдин А. Ф. (1795—1857) — издатель и книгопродавец.

[9] Ремизов А. М. (1877—1957) — писатель. В 1921 г. эмигрировал.

III

О степени интереса

ПН, 1928, № 2813, 4 дек.

[1] Книга Бертолотто (перевод с французского) вышла в Москве в 1839 г.

[2] Каржавин Ф. В. (1745—1812) — литератор, ученый.

[3] Полное название книги см.: Б[ерезин] Н.[И.] Русские книжные редкости: Опыт библиографического описания редких книг с указанием их ценности. М., 1902, [ч. I], с. 103, № 408.

[4] Имеется в виду дореволюционная иерархическая «Табель о рангах», в которой чины разделялись на 14 классов.

[5] Эпизод с приобретением в книжной лавке «Описания курицы» М. А. Осоргин включил в свой роман «Сивцев Вражек» (Париж, 1929, 2-е изд., с. 206—209).

[6] Волчков С. С. (1707—1773) — один из самых плодовитых переводчиков в XVIII в.

[7] М. А. Осоргин упоминает здесь переведенные С. С. Волчковым книги (приводим данные о первых изданиях): Грасиан-и-Моралес Б. Грациан придворный человек (Спб., 1741), «Флоринова экономиа» (Спб., 1738), «Житие и дела Марка Аврелия Антонина, цесаря римского...» (Спб., 1740).

IV

Ныне и тогда

ПН, 1929, № 2860, 20 янв.

[1] «Современные записки» (1920—1940) — ежемесячный журнал, выходил в Париже. М. А. Осоргин был его постоянным автором.

[2] Ровинский Д. А. (1824—1895) — юрист, историк искусства. Имеется в виду составленный им «Подробный словарь русских гравированных портретов» (т. 1—4, Спб., 1886—1889).

[3] «Отрывки» А. П. Хвостовой были переизданы на русском языке в 1802, 1833, 1844 гг., а также переведены на французский, немецкий языки (а по некоторым данным — и на английский).

[4] Ходасевич В. Ф. (1886—1939) — поэт, критик. С 1922 г. жил за границей.

[5] Поэма В. С. Филимонова (1787—1858) «Обед» вышла в 1837 г.

[11] Книга П. Н. Тихонова «Криптоглоссарий...» вышла в 1891 г. Об авторе вспоминает Ф. Г. Шилов в своих «Записках старого книжника» (М., 1959, с. 26—27).

V

Книжки, приводимые за полезность

ПН, 1929, № 2881, 10 февр.

[1] Имеются в виду благотворительные мероприятия, доход от которых передавался в фонд помощи русским эмигрантам, находящимся на Галлипольском полуострове в Турции.

[2] Пакт Келлога-Бриана (Парижский пакт) был заключен в 1928 г.

VI

Доля писателя в разные времена

ПН, 1929, № 2948, 18 апр.

[1] Еженедельный журнал «Трутень» выходил в Петербурге в 1769—1770 гг.

[2] Еженедельный журнал «И то и сио» издавался в Петербурге в 1769 г.

[3] Сатирический журнал «Пустомеля» издавал Н. И. Новиков (Спб., 1770).

[4] Сумароковская «Трудолюбивая пчела» (Спб., 1759) была одним из первых в России частных журналов.

VII

«Танцовальный учитель»

ПН, 1929, № 3149, 5 нояб.

[1] Компан Ш. Танцовальный словарь, содержащий в себе историю, правила и основания танцовального искусства, с критическими размышлениями и любопытными анекдотами, относящимися к древним и новым танцам (М., 1790).

[2] Автором «Танцовального учителя» был Иван Кусков.

[3] Ежемесячный журнал М. М. Хераскова «Свободные часы» выходил в течение января — декабря 1763 г. в Москве.

[4] Белосельский-Белозерский А. М. Олинька, или Первоначальная любовь (с. Ясное, 1796). На самом деле книга издана в Москве (см.: Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о книгах. М., 1978, с. 135—138).

VIII

Сколь много ныне издается!

ПН, 1930, № 3267, 3 марта

[1] Имеются в виду посмертные издания собрания сочинений И. С. Тургенева, предпринятые в Петербурге И. И. Глазуновым (начиная с 1883 г.).

[2] Изданная И. Н. Кнебелем «История русского искусства» (М., 1910—1916) вышла под редакцией И. Э. Грабаря.

[3] Кузнецова Г. Н. (1900—1976) — писательница. С 1920 г. в эмиграции.

[4] Более точные и полные сведения об этих и других изданиях того времени см.: Ундольский В. М. Очерк славяно-русской библиографии с дополнениями А. Ф. Бычкова и А. Е. Викторова (М., 1871); Каратаев И. П. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами с 1491 по 1652 г. (Т. 1., Спб., 1883).

[5] В настоящее время известно значительно больше экземпляров «Апостола» (см.: Начало книгопечатания в Белоруссии и Литве. Жизнь и деятельность Франциска Скорины: Описание изданий и указатель литературы/Сост. Е. Л. Немировский. М., 1978, с. 19—20).

[6] «Химическая псалтырь» Фил. Авр. Феофраста Парацельса вышла в Москве в 1784 г.

[7] «Три повести» Н. Ф. Павлова (М., 1835) были не сожжены, а запрещены к переизданию.

[8] Речь идет о «волшебной повести для детей» Антония Погорельского (А. А. Перовского), изданной в 1829 г.

IX

Желая отдать должное

ПН, 1930, № 3285, 21 марта

[1] О судьбе книги И. П. Пнина «Опыт о просвещении относительно к России» (Спб., 1804) см.: Смирнов-Сокольский Н. П. Моя библиотека: Библиогр. описание. М., 1969, т. 1, с. 389—390, № 964.

[2] И. П. Пнин полемизирует с державинской одой «Бог», в частности, имеет в виду ее строку: «Я царь — я раб, я червь — я бог!»

[3] «Русская старина» (1870—1918) — ежемесячный исторический журнал, выходил в Петербурге.

X

Поздравляю!

ПН, 1930, № 3321, 26 апр.

[1] Адодуров В. Е. (1709—1780) — один из крупнейших переводчиков в XVIII в.

[2] Книга «Двенадцать спящих бутошников» вышла в 1832 г. Автором ее был племянник поэта В. А. Жуковского — В. А. Протташинский. О цензурной истории издания см.: Добровольский Л. М. Запрещенная книга в России. М., 1962, с. 30—31, № 3.

XI

Оцениваю человека

ПН, 1930, № 3328, 3 мая

[1] Дон-Аминадо (псевдоним, наст. имя и фам. А. П. Шполянский, 1888—1957) — писатель. С 1920 г. в эмиграции.

[2] Березин-Ширяев Я. Ф. (1824—1898) — библиофил, библиограф.

[3] Геннади Г. Н. (1826—1880) — библиограф. Его крупнейший труд: «Справочный словарь о русских писателях и ученых...» в трех томах (1876—1908). Третий том вышел тиражом 300 экз. Четвертый том словаря остался в рукописи.

[4] Губерти Н. В. (1818—1896) — библиограф.

[5] Обольянинов Н. А. (1868—1916) — библиограф.

[6] Возможно, имеется в виду кн.: «Грамматика французская и русская нынешнего языка, сообщена с малым лексиконом ради удобности сообщества» (Спб., 1730).

[7] Уткин Н. И. (1780—1863) — гравер, рисовальщик.

[8] Речь идет о книге историка и этнографа И. М. Снегирева (1793—1868) «Лубочные картинки русского народа в московском мире» (М., 1861).

[9] Полное название журнала: «Русский библиофил» (Спб., 1911—1916).

[10] Вероятно, имеется в виду державинская «Ода к премудрой киргизкайсацкой царевне Фелице, писанная некоторым татарским мурзою» (Спб., б. г.)

[11] По свидетельству книговеда А. П. Толстякова (Москва), в настоящее время известно о существовании 16 экземпляров первопечатного радищевского «Путешествия...». Однако специалисты-литературоведы полагают, что прижизненные издания Радищева недостаточно учтены и плохо изучены (см.: Старцев А. О прижизненных изданиях Радищева // Вопр. лит., 1984, № 1, с. 191).

[12] Остроглазов И. М. (1838—1892) — библиофил.

[13] Дягилев С. П. (1872—1929) — театральный и художественный деятель, библиофил.

[14] О драматической судьбе дягилевских собраний, в частности, см.: Лифарь С. Моя зарубежная пушкиниана (Париж, 1966); The Diaghilev — Lifar Library (London, 1975); Зильберштейн И. С. Книжный аукцион в Монте-Карло // Лит. газ., 1976, № 6, 11 февр., с. 6; Балашова С. Выставка «Жизнь, отданная танцу», или Печальная история одной пушкинской коллекции // Сов. культура, 1986, № 155, 27 дек., с. 3.

[15] Мартинистами тогда называли масонов.

XII

Со всяким случается

ПН, 1930, № 3336, 11 мая

[1] См. 26-ю «заметку старого книгоеда» (с. 249).

[2] Подробнее об этом см.: Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Соч. М., 1981, т. 6, с. 420—421.

[3] Журнал «Покоящийся трудолюбец» выходил в Москве в 1784—1785 гг.

[4] Еженедельник «Зеркало света» выходил в Петербурге в 1786—1787 гг.

[5] Автором книг «Лолотта и Фанфан» (М., 1791) и «Алексис, или Домик в лесу» (М., 1800) был Франсуа Гийом Дюкре-Дюминиль.

[6] У Тургенева говорится не о книге «О вреде страстей», а о главе из некоего сочинения. Комментаторы полагают, что речь идет о работе французского философа Мари Жозефа Дежерандо «О моральном усовершенствовании, или О самовоспитании» (1824).

XIII

«Пригожая повариха»

ПН, 1930, № 3346, 21 мая.

[1] М. А. Осоргин имеет в виду время действия повести.

[2] Последнее, 11-е по счету, издание «Письмовника» Н. Г. Курганова относится к 1837 г.

[3] М. А. Осоргин с некоторыми неточностями и неуказанными сокращениями в тексте цитирует цельногравированную «Книгу, именуемую Брюсовский календарь» (б. м. и г.). См. также 29-ю «заметку старого книгоеда».

XIV

Модный журнал

ПН, 1930, № 3360, 4 июня

[1] Книга В. Ф. Одоевского «Пестрые сказки...» вышла в Петербурге в 1833 г.

[2] Первый русский журнал мод.

XV

Юбилейные издания

ПН, 1932, № 4028, 2 апр.

[1] Книга «Описание о Японе» вышла в Петербурге в 1734 г.

[2] «Дни» (1922—1933) — ежедневная газета под редакцией А. Ф. Керенского, выходила в Берлине, Париже.

[3] Автором-издателем «Мухи» (1858) был А. Ф. Балашевич.

[4] Кок, Поль Шарль де (1793—1871) — французский писатель, автор «фривольных» романов.

[5] Барков И. С. (ок. 1732—1768) — поэт, переводчик, известен скабрезными стихами, расходившимися в списках.

XVI

Наводнение 1824 года

ПН, 1932, № 4041, 15 апр.

[1] В стихотворении «Олешкевич» (1832) А. Мицкевич, описывая наводнение 1824 г., допустил некоторые неточности, о чем Пушкин и говорит в примечаниях к «Медному всаднику».

[2] Здесь М. А. Осоргин, всегда неравнодушный к итальянским проблемам, намекает на фашистский режим Муссолини.

[3] Кристалл (*устар.*) — хрусталь.

XVII

«Настоящий ревизор»

ПН, 1932, № 4060, 4 мая

[1] М. А. Осоргин ведет отсчет времени от года издания гоголевской комедии «Ревизор» (1836).

[2] Об этой библиотеке см.: Русская общественная библиотека имени И. С. Тургенева. Сотрудники, друзья, почитатели: Сб. статей (Париж, 1987). Кстати сказать, в этой любовно изданной книге (редакторы Т. Л. Гладкова и Т. А. Осоргина) перепечатано несколько статей М. А. Осоргина.

[3] Автором «Настоящего ревизора» (Спб., 1836) был Д. А. Цицианов (см.: Тихонравов Н. С. Первое представление «Ревизора» на московской сцене // Рус. мысль, 1886, май, отд. XII, с. 97).

[4] В 1918—1940 гг. Бессарабия была оккупирована боярской Румынией.

[5] Брешко-Брешковский Н. Н. (1874—1933) — писатель, представитель бульварной литературы. В эмиграции с 1921 г.

[6] М. А. Осоргин иронически упоминает здесь писателя и филолога А. С. Шишкова (1754—1841), известного своими нападками на «новый» и защитой «старого» слога русского языка.

XVIII

О великом любителе книги

ПН, 1932, № 4069, 13 мая

[1] М. А. Осоргин вновь иронически упоминает бульварного романиста Н. Н. Брешко-Брешковского.

[2] М. А. Осоргин допустил здесь оплошность: в «Детстве» Л. Н. Толстой говорит не о журнале «Северная пчела», а

просто о «Северной пчеле», имея в виду небезызвестную газету, которую с 1825 г. издавал в Петербурге Ф. В. Булгарин (позднее — совместно с Н. И. Гречем).

[3] Строки из седьмой главы пушкинского «Евгения Онегина».

[4] Издание в трех книгах 1781—1786 гг.

[5] Из стихотворения А. С. Пушкина «Городок» (1815).

[6] Книга издана в Москве в 1809 г.

[7] «Историа» отпечатана в Москве в 1709 г.

[8] Из стихотворения А. С. Пушкина «Городок».

[9] Книга Н. И. Страхова издана в Москве в 1791 г.

[10] М. А. Осоргин в этой «заметке старого книгоеда» использовал материал из статьи М. Н. Куфаева «А. С. Пушкин — библиофил» в «Альманахе библиофила» (Л., 1929).

XIX

«Мопс без ошейника»

ПН, 1932, № 4124, 7 июля

[1] Масонство (франкмасонство) (от *фр.* franc maçon — вольный каменщик) — религиозно-этическое движение, возникшее в начале XVIII в. в Западной Европе. В основе раннего масонства лежала утопическая идея об объединении людей в религиозном братском союзе. В России Екатерина II («богоподобная Фелица») преследовала масонство.

[2] М. А. Осоргин, вслед за библиографами Н. В. Губерти и В. Н. Рогожиным, ошибочно приписывает авторство «Мопса без ошейника» аббату Ларюдану. В действительности автором был Габриэль Луи Перо (1700—1767).

[3] М. А. Осоргин высоко ставил общественные заслуги русских масонов XVIII в., образы которых часто появлялись в его произведениях (см., например, повесть «Вольный каменщик», Париж, 1937).

XX

«Жизнь Ваньки Каина»

ПН, 1932, № 4217, 8 окт.

[1] Плотин (205—270) — древнегреческий философ, последователь неоплатонического учения.

[2] Бартенев П. И. (1829—1912) — историк, библиограф, издатель журнала «Русский архив».

[3] Мордовцев Д. Л. (1830—1905) — писатель, историк.

[4] Есипов Г. В. (1812—1898) — историк.

[5] Правильнее сказать: Иван Осипов, по прозвищу Каин.

[6] Подробнее об истории изданий «Ваньки Каина» см.: Смирнов-Сокольский Н. П. Моя библиотека: Библиогр. описание. М., 1969, т. 1, с. 83—87. Книга о Ваньке Каине послужила

источником для еще более известного в свое время произведения Матвея Комарова (XVIII в.).

[7] Соловьев С. М. (1820—1879) — историк.

XXI

О лошади в очках

ПН, 1932, № 4236, 27 окт.

[1] «Русский архив» (1863—1917) — ежемесячный исторический журнал, выходил в Москве.

[2] П. И. Шаликов (1768—1852) — поэт-сентименталист, издатель «Дамского журнала».

[3] Н. И. Гнедич (1784—1833) — поэт, переводчик «Илиады» Гомера.

XXII

Судьба редкостей

ПН, 1932, № 4290, 20 дек.

[1] Имеется в виду работа писателя и библиофила С. Р. Минцлова (1870—1933) «Синодик библиотек, архивов и коллекций, погибших во время великой войны и революции». Она опубликована во «Временнике общества друзей русской книги» (Париж, 1925, вып. 1, с. 43—51) и издана тогда же отдельным оттиском (тир. 100 экз.). Указатель грешит неточностью.

[2] В «Альманахе библиофила» (Л., 1929, с. 165—200) помещен труд Ф. Г. Шилова (1879—1962) «Судьбы некоторых книжных собраний за последние 10 лет (опыт обзора)».

[3] Книга издана в Москве в 1784 г.

[4] Лонгинов М. Н. (1823—1875) — историк, библиограф.

[5] «Апология, или Защищение Ордена вольных каменщиков...» (М., 1784).

[6] Книга Станислава Эли («Брат Седдаг» — его псевдоним) «Братские увещания к некоторым братиям свободным каменщикам» вышла в Москве в 1784 г.

[7] «Хризомандер, аллегорическая и сатирическая повесть различного, весьма важного содержания» (М., 1783).

[8] Автором книги «Масон без маски» является Томас Уилсон; правильное имя переводчика — Соц Иван Васильевич.

[9] Прозелит — новый горячий приверженец чего-либо.

XXIII

Юбилей поэта

ПН, 1933, № 4314, 13 янв.

[1] «География генералная» вышла в Москве в 1718 г.

[2] Журнал «Полезное увеселение» издавался в Москве в 1760—1762 гг.

XXIV

«Картинки русских нравов»

ПН, 1933, № 4338, 6 февр.

[1] «Картинки русских нравов» вышли в Петербурге в 1842—1843 гг.

[2] Клодт фон Юргенсбург К. К. (1807—1879), Неттельгорст О. П.— граверы.

[3] Гаварни П. (1804—1866) — французский рисовальщик.

[4] «Волшебный фонарь» факсимильно переиздан издательством «Книга» (М., 1988).

XXV

«Нищие на святой Руси»

ПН, 1933, № 4419, 28 апр.

[1] Прыжов И. Г. Нищие на святой Руси: Материалы для истории общественного и народного быта в России (М., 1862).

[2] Пыляев М. И. Старое житье: Очерки и рассказы о бывших в отшедшее время обрядах, обычаях и порядках в устройстве домашней и общественной жизни (Спб., 1892).

[3] Шамиль (1799—1871) — руководитель освободительной борьбы кавказских горцев против царских колонизаторов и местных феодалов.

XXVI

Встреча с желанной

ПН, 1933, № 4480, 28 июня

[1] «Старые годы» — ежемесячный иллюстрированный журнал для любителей искусства и старины (1907—1916), выходил в Петербурге.

[2] Имеются в виду рисунки Ф. П. Толстого (1783—1873) к поэме И. Ф. Богдановича «Душенька» (1820—1833).

[3] Первое издание «Илиады» Гомера в переводе Н. И. Гнедича относится к 1829 г. (Спб.).

[4] См. 12-ю «заметку старого книгоеда».

[5] Клейноды — войсковые регалии, символы власти.

XXVII

Слон

ПН, 1933, № 4537, 24 авг.

[1] М. А. Осоргин подразумевает современные ему эмигрантские книги. Дни русской культуры проходили тогда в центрах эмиграции, в частности в Прибалтике.

[2] Ныне г. Каунас Литовской ССР.

[3] Добужинский М. В. (1875—1957) — график, театральный художник. В 1924 г. уехал в Литву.

[4] «Зрелище природы и художеств» в 10 частях вышло в 1784—1790 гг. В двух последних частях имеется по 46 листов иллюстраций.

[5] Книга Я. А. Коменского «Зрелище вселенныя» издана на латинском, русском и немецком языках в Петербурге в 1788 г. Предназначалась для преподавания иностранных языков в народных училищах.

XXVIII
Полтора века
ПН, 1933, № 4626, 21 нояб.

[1] Вышло только две части первого тома.

[2] Имеется в виду разгул вандализма, связанный с приходом в Германии к власти Гитлера.

[3] Кроме речей С. И. Гамалеи и А. М. Кутузова в «Магазине свободно-каменщическом» опубликованы также речи Ф. П. Ключарева и Н. И. Новикова.

[4] Мессалина (*книжн.*) — развратная женщина, по имени жены древнеримского императора Клавдия.

[5] «Карманная книжка для в[ольных] к[аменщиков] и для тех, которые и не принадлежат к числу оных...» (М., 1783).

[6] Кёппен К. Ф. Crata Repoa, или Каким образом в древние времена происходило в таинственном обществе посвящение египетских жрецов (М., 1779).

[7] Книжный знак (экслибрис) М. А. Осоргина с изображением античных развалин был создан гравером И. Н. Павловым в начале 1920-х гг.

[8] Златоуст Иоанн (ок. 350—407) — богослов и церковный деятель.

[9] В парижском зале Друо происходили аукционы.

XXIX
Старые календари
ПН, 1934, № 4678, 12 янв.

[1] Брюс Я. В. (1670—1735) — государственный и военный деятель, сподвижник Петра I, ведал Московской гражданской типографией.

[2] В настоящее время экземпляр «Месяцеслова на 1774 год» (Спб., 1773) хранится в ленинградской Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (см.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. 1725—1800. Дополнения. Разыскиваемые издания. Уточнения. М., 1975, с. 49, № 279). См. также 2-ю «заметку старого книгоеда» (с. 45).

[3] Минерва — в римской мифологии богиня, покровительница ремесел и искусств, а также богиня войны и государственной мудрости.

[4] «Все врут календари» — реплика в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

[5] См. также 13-ю «заметку старого книгоеда».

[6] «Календарь, или Месяцеслов на лето от рождества господа нашего Иисуса Христа 1730...» (Спб., 1729) был составлен Фридрихом Христофором Майером.

СОДЕРЖАНИЕ

О. Ласунский
Под маской старого книгоеда.
3

ВОЗЛЮБЛЕННОЙ (ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО).
21

I
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЧИТАТЕЛЮ
34

II
ЧИТАТЕЛЯМ ОТВЕТ ПО НЕОБХОДИМОСТИ
46

III
О СТЕПЕНИ ИНТЕРЕСА
58

IV
НЫНЕ И ТОГДА
69

V
КНИЖКИ, ПРИВОДИМЫЕ ЗА ПОЛЕЗНОСТЬ
75

VI
ДОЛЯ ПИСАТЕЛЯ В РАЗНЫЕ ВРЕМЕНА
86

VII
«ТАНЦОВАЛЬНОЙ УЧИТЕЛЬ»
95

VIII
СКОЛЬ МНОГО НЫНЕ ИЗДАЕТСЯ!
105

IX
ЖЕЛАЯ ОТДАТЬ ДОЛЖНОЕ
111

X
ПОЗДРАВЛЯЮ!
116

XI
ОЦЕНИВАЮ ЧЕЛОВЕКА
121

XII
СО ВСЯКИМ СЛУЧАЕТСЯ
128

XIII
«ПРИГОЖАЯ ПОВАРИХА»
138

XIV
МОДНЫЙ ЖУРНАЛ
148

XV
ЮБИЛЕЙНЫЕ ИЗДАНИЯ
156

XVI
НАВОДНЕНИЕ 1824 ГОДА
174

XVII
«НАСТОЯЩИЙ РЕВИЗОР»
181

XVIII
О ВЕЛИКОМ ЛЮБИТЕЛЕ КНИГИ
188

XIX
«МОПС БЕЗ ОШЕЙНИКА»
196

XX
«ЖИЗНЬ ВАНЬКИ КАИНА»
203

XXI
О ЛОШАДИ В ОЧКАХ
210

XXII
СУДЬБА РЕДКОСТЕЙ
215

XXIII
ЮБИЛЕЙ ПОЭТА
222

XXIV
«КАРТИНКИ РУССКИХ НРАВОВ»
227

XXV
«НИЩИЕ НА СВЯТОЙ РУСИ»
240

XXVI
ВСТРЕЧА С ЖЕЛАННОЙ
249

XXVII
СЛОН
254

XXVIII
ПОЛТОРА ВЕКА
261

XXIX
СТАРЫЕ КАЛЕНДАРИ
267

ПРИМЕЧАНИЯ
273

Михаил Андреевич Осоргин

ЗАМЕТКИ СТАРОГО КНИГОЕДА

Редактор Н. В. Дашковская
Художественный редактор Т. В. Добер
Технический редактор А. З. Коган
Корректор Н. В. Чернова
Ретушеры: Р. Т. Бежанова, Л. А. Егорова

ИБ № 1629. Сдано в набор 24.03.88. Подписано в печать 03.02.89. А01511. Формат 70×90[1]/32. Бум. мелован. 115 г. Гарнитура Тип Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,53. Усл. кр.-отт. 49,72. Уч.-изд. л. 12,97. Тираж 25000 экз. Изд. № 4463. Заказ № 4674. Цена 2 р. 30 к.

Издательство «Книга», 125047, Москва, ул. Горького, 50. Фотонабор выполнен ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» Союзполиграфпрома при Госкомиздате СССР. 113054, Москва, Валовая, 28.
Отпечатано в московской типографии № 5 Союзполиграфпрома при Госкомиздате СССР. 129243, Москва, ул. Мало-Московская, 21.

ИЗОРЪ,
КОМЕДІЯ
нахъ или дѣйствіяхъ,
ГОГОЛЕМЪ.

НЫЙ
Р Ъ III,
мятежъ и злодѣянія
ОВЩИКА,
Пугачева.

сть I.

СКВА, 1809.
ьной Типографіи,
едора Любія.

ПРИГОЖАЯ
ОВАРИХА,
или
ПОХОЖДЕНІЕ
АТНОЙ ЖЕНЩИНЫ.
Часть I.

МАСКАР
въ МОСКВѢ 1763 года

Печатано при Императорскомъ
Университетѣ

„ВЕСЕЛЬ
юмористическій
АЛЬМАНАХЪ-
на 190

31

жихъ дѣтскихъ го
томъ услышалъ вси
ко словъ разговора
разслышать, что
мецки. Дѣти грыз
то желудокъ п

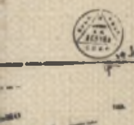
САНКТПЕ
КАЛЕ
НА
РОЖДЕСТВ
17
ВИСОК
содержаще
Россійско

ЮМЪ
НВАРЯ, ДНЯ.
ѢЪ".
РИРОВАННЫЙ
ЕГОДНИКЪ
ГОДЪ.
овокъ; Пети-
вѣзъ нѣсколь-
и могъ только
ворили по-нѣ-
крендели, и
ехода настоя-
енделька. По-
ТЕРБУРГСКІЙ
НДАРЬ
ЛѢТО
ХРИСТОВА
44.
е есть
ОСНОЕ
366 дней,
мѣстѣ
ИМПЕРІИ
Тетрать первая,
содержащая 123
Цѣна безъ переплету 45 коп
ИЗДАНІЕ ПЕРВОЕ.
Въ Санктпетербургѣ,
при окончаніи 1778 года.
I.
ПРЕДАНІЕ.
Въ Ріо-Жане
ро, главномъ г
родѣ плодоносн
Бразиліи, ведет
ся народное п
вѣрье, что въ окрес
ныхъ лѣсахъ скр
ГОВОРУН
уличный листо
1858 ГОДЪ.

ИЗОРЪ,

ГОГОЛЕМЪ

ЧАКЪ

ГАЗИНЪ

Ъ, ФРАНЦУЗСКИХЪ

ИХЪ НОВЫХЪ МОДЪ

2 р. 30 к.

Разнощица Календарей и Журналовъ

НИЩІЕ

НА СВЯТОЙ Р

МОСКВА.

МОСКОВСКО

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИЗДАНІЕ.

СЛУЖАЩЕЕ

ПРОДОЛЖЕНІЕМЪ

УТРЕННЯГО СВ

ЧАСТЬ I.

